

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 17.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). <i>И. Норсунскаго</i>	251—278
Источники и предметъ догматики по воззрѣнію католическихъ богослововъ послѣдняго полу-столѣтія (продолженіе). <i>А. Шостына</i>	279—298
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству (продолженіе). <i>А. Вертеловскаго</i>	294—314
ИЛОС	
II. ОТДѢЛЪ УЧЕНО-ФИЛОСОФСКІЙ:	
Основныя черты ученія объ Абсолютномъ. Профессора Кіевской духовной академіи <i>П. Липицкаго</i>	197—217
Историческій обзоръ ученій о красотѣ и искусствѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи. <i>Е. Амфитеатрова</i>	218—232
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканы въ Южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя Извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №
Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія липы; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1889.

№ 17.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 16.

1889.

Пістє: вооѣчен.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Сентябри 15 дня 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Московскій періодъ (1824—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Прибывши въ Москву въ 1830 г., Государь отправился въ Успенскій соборъ. Предъ входомъ въ соборъ Монархъ былъ встрѣченъ слѣдующею небольшою, но въ высшей степени замѣчательною по глубинѣ мысли и силѣ чувства, рѣчью первосвятителя Московскаго: «Благочестивѣйшій Государь! Цари обыкновенно любятъ являться царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать ¹⁾. Такое Царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ срътаемъ Тебя, Государь, да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь ²⁾. И подлинно, прибытіе любимаго Монарха воскресило, оживило упадавшихъ духомъ москвичей. «Нельзя описать востор-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1839 г. № 15.

¹⁾ Къ сему мѣсту рѣчи и въ *Моск. Вѣдомостяхъ* (стр. 3559), и въ Собраніяхъ *Словъ и рѣчей* Филарета, — изд. 1835 и 1877 годовъ, — сдѣлано такое примѣчаніе: «сіе относится къ мѣрамъ предосторожности противъ распространенія возникшей болѣзни».

²⁾ Соч. Фил. III, 152.

га, — читаемъ въ современной газетѣ, — съ которымъ встрѣтилъ Его народъ, — тѣхъ чувствованій, которыя изобразились на всѣхъ лицахъ: радость, благодарность, удивленіе, довѣренность, преданность... Всѣ со слезами на глазахъ благословляли имя Царя добродѣтельнаго и великодушнаго, который въ такую важную минуту такъ утѣшилъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Помазанникъ Божій привезъ намъ Божіей милости, говорили они другъ другу, и въ сихъ словахъ должна заключаться святая истина¹⁾. Тѣмъ не менѣе Божія милость была еще далеко впереди. Во все же время пребыванія Государя въ Москвѣ, продолжавшееся до 7 октября, число больныхъ и умершихъ холерою все болѣе и болѣе увеличивалось. И, не смотря однако на это, Государь, съ любвеобильною заботливостію, оставлявшею безъ вниманія личную безопасность, всюду являлся самъ, съ своимъ ободряющимъ словомъ и дѣятельною помощію. Это были минуты, достойныя вдохновенія поэта. И мы знаемъ, какъ отзывались не только заурядные стихотворцы, но и истинные поэты на это проявленіе самоотверженія и любви Государя къ своимъ подданнымъ. Для примѣра мы приведемъ нѣсколько стиховъ Пушкина, искренность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію уже потому одному, что они напечатаны были позднѣе безъ имени поэта, и Государь могъ узнать о нихъ лишь по кончинѣ послѣдняго.

«И хладно руку жметъ чумѣ,
 «И въ погибающемъ умѣ
 «Рождаетъ бодрость. Небесами
 «Клянусь: кто жизнью своей
 «Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
 «Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
 «Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ»²⁾.

Государь Императоръ сразу повліялъ на весь характеръ дѣятельности московской администраціи въ отношеніи къ мѣрамъ противъ холеры. Извѣстія о ходѣ холеры въ Москвѣ стали правдивѣе. Прежнія предохранительныя мѣры были усиле-

¹⁾ *Моск. Вѣдом.* 1830 г., стр. 3558.

²⁾ См. въ *Русск. Архивѣ* 1884, III, 142. Срав. также стихи С. Глинки въ *Моск. Вѣдом.* 1830 г., стр. 3728; Н. М. Шатрова, *Осень 1830 г.* стр. 10—11 и др.

ны или дополнены новыми. Усилена также и благотворительная дѣятельность по случаю холернаго времени, и самъ Государь пожертвовалъ на дѣло благотворительности крупную сумму. Вліялъ прїѣздъ Государя и на характеръ дѣятельности Филарета. Не будемъ скривать того, что далеко не всѣ не только изъ обыкновенныхъ московскихъ гражданъ, но и лицъ, власть имѣвшихъ, настоящимъ образомъ понимали и вполне одобряли мѣры, предпринятыя Филаретомъ по случаю холеры. Такъ, на примѣръ, указывали на опасность собранія народа въ церквахъ и въ крестныхъ ходахъ на томъ основаніи, что скученность народной толпы съ одной стороны, и возможность простудныхъ состояній во время колѣнопреклоненія на сырой землѣ и стоянія съ открытою головою подъ открытымъ небомъ въ осеннее время, съ другой стороны были будто бы наудобнѣйшимъ случаемъ къ заболѣванію холерой. Опасенія эти для людей, ихъ высказывавшихъ, представлялись столь основательными, что о нихъ доведено было даже до свѣдѣнія самого Государя Императора по прибытіи Его въ Москву. И Филаретъ даже относительно святаго дѣла молитвы долженъ былъ оправдываться предъ Государемъ какъ виновный. «Когда по совершеніи крестныхъ ходовъ въ срединѣ города и около всѣхъ церквей,—писалъ отъ 6 іюля 1861 г. самъ Филаретъ къ викарію своему Леониду,—на другой день прибылъ Государь Императоръ¹⁾ и, слѣдуя, конечно, сужденіямъ врачей, спросилъ меня, не опасно ли, что я собираю массы народа и становлю на колѣнопреклоненную молитву на сырой землѣ, Провидѣніе дало мнѣ возможность тотчасъ отвѣчать: «Ваше Величество, Господь оправдалъ церковное дѣйствіе по крайней мѣрѣ противъ сего сомнѣнія: число заболѣвающихъ послѣ крестныхъ ходовъ не больше, а нѣсколько меньше, нежели во дни прежде крестныхъ ходовъ. Такъ еще болѣе подтвердилась свобода церковныхъ молитвъ»²⁾. Подобнымъ же образомъ и въ 1866 году по случаю холеры, Филаретъ писалъ въ письмѣ къ другому

1) Государь прибылъ 29 сентября утромъ, а крестные ходы были 25, 26 и 27 сентября.

2) *Душен. Чт.* 1883, I, 258.

викарію, Игнатію: «Напрасно болѣе боятся молитвы, нежели болѣзни. Неужели молитва вреднѣе болѣзни? Переживъ три холеры прежде нынѣшней, я видѣлъ довольно опытовъ, что гдѣ усиливалась молитва, тамъ болѣзнь ослабѣвала и прекращалась»¹⁾. И самъ оффиціальныи органъ тогдашняго гражданскаго управленія Москвы *Вѣдомость о состояніи этого города*, подробно описавъ крестный ходъ и молебствіе 25 сентября, добавляетъ: «Жители московскіе въ сердечномъ умиленіи обращались къ святому Угоднику, который, въ теченіи вѣковъ бодрствуя надъ своею земною отчизною, хранить ее ото всякихъ напастей: онъ внялъ, кажется, ихъ теплымъ молитвамъ: въ этотъ день умерло въ Москвѣ гораздо менѣе, чѣмъ въ самое благополучное время. *Много бо можетъ молитва Праведника споспѣшествуема*»²⁾. Такъ само дѣло оправдывало Филарета съ этой стороны предъ Государемъ. Но не такъ легко было ему оправдываться предъ Монархомъ въ другомъ, хотя также не основательномъ, но все же сильномъ обвиненіи, имѣвшемъ даже, къ глубокому прискорбію, видъ доноса. Мы помнимъ проповѣдь Филарета на 18 сентября. Въ ней упоминается, какъ мы знаемъ, о Давидѣ, какъ виновникѣ (между прочимъ) бывшей въ его время на Израилѣ язвы. Государю донесено было однимъ изъ недоброжелателей Филарета, будто послѣдній въ своей проповѣди упоминаніемъ о Давидѣ «намекаетъ какъ будто на то, что грѣхи царей навлекаютъ гнѣвъ небесный на подвластные имъ народы»³⁾. Вотъ мѣсто проповѣди 18 сентября, послужившее несправедливымъ поводомъ къ такому доносу: «Царь Давидъ впалъ въ искушеніе тщеславія: хотѣлъ показать силу своего царства, и повелѣлъ исчислить всѣхъ способныхъ носить оружіе, тогда какъ такое исчисленіе совсѣмъ не было въ употребленіи у Евреевъ. И праведникъ не безопасенъ отъ паденія, если вознерадить. Еще

1) *Чт. аз Об. люб. дух. просв.* 1878, III, 3 «Матеріаловъ для исторіи рус. церквей».

2) *Моск. Вѣдом.* 1830 г. стр. 3514. Срав. Воспоминанія Пассекъ въ *Русск. Стар.* 1876, XVI, 107.

3) См. «Воспоминанія графа М. В. Толстого» въ *Русск. Архивъ* за 1881 г. II, 63.

не кончилось исчисленіе народа, какъ Царь почувствовалъ въ совѣсти своей обличеніе грѣха и страхъ наказанія отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ явился пророкъ и, по повелѣнію Божію, предложилъ Давиду на выборъ одно изъ трехъ наказаній: войну, голодъ, морь. Примѣчайте изъ сего примѣра, что война, голодъ, морь, и подобныя бѣдствія, хотя кажутся приключеніями случайными, хотя происходятъ частію отъ извѣстныхъ причинъ естественныхъ, тѣмъ не менѣе однако суть орудія правосудія Божія, употребляемыя для наказанія согрѣшившихъ человѣковъ.—Давидъ смирился предъ Богомъ, безропотно покорился суду Его, и совершенно предался въ волю Его. *Да упаду убо азъ отъ руки Господни*, сказалъ онъ. *И даде Господь смерть во Израили отъ утра до часа обѣдняго*. Здѣсь примѣтите скорый плодъ смиренной покорности судьбамъ Божіимъ. Не три мѣсяца несчастной войны послалъ Богъ, не три года голода, и морь не на три дни, какъ угрожалъ пророкъ сначала, но уже только *отъ утра до часа обѣдняго*.—Открылось наказаніе грѣха, и совершилось покаяніе Давида. *И рече Давидъ ко Господу, егда видѣ Ангела біюща люди, и рече: се азъ есмь согрѣшившій*. Давидъ совершенно покался во злѣ грѣха, и тотчасъ *раскаялся Господь о злѣ наказанія*. *И рече Ангелу погубляющему люди: довольно нынѣ, отзими руку твою*. Примѣчайте спасительныя дѣйствія покаянія.—Чтобы совершить дѣйствіе помилованія, избавленія и спасенія, пророкъ, по наставленію Ангела, побудилъ Давида поставить Господеву алтарь на гумнѣ Орны Іевусеанина, тамъ, гдѣ въ послѣдствіи времени созданъ и храмъ Соломоновъ. *И созда тамо Давидъ алтарь Господеву, и вознесе всесожженіе и мирная*. *И послуша Господь земли, и отзятъ язву отъ Израиля*. Примѣчайте необходимость молитвы во время общественныхъ бѣдствій, и въ особенности пользу молитвы, приносимой торжественно предъ алтаремъ, по наставленію духовному и небесному, по установленію Божественному¹⁾. Не ясно ли, что здѣсь Давидъ представляется не какъ Царь въ противоположеніи своему подвластному народу, но какъ поучительный примѣръ

1) Соч. Фил., III, 149—150.

покаянія согрѣшившаго человѣка для 'всѣхъ' временъ и для всѣхъ человѣковъ? Поэтому-то, далѣе у Филарета въ проповѣди и слѣдуетъ то примѣненіе этого примѣра къ слушателямъ своимъ (не царямъ, конечно), которое мы уже приводили въ свое время, т. е. слова: «Братія! не видится ли намъ нѣчто подобное грозному видѣнію Давида?» и т. д. Тѣмъ не менѣе доносъ былъ сдѣланъ, и Государь Императоръ, которому, особенно въ Москвѣ за то время, некогда было входить въ подробности доноса и внимательно прочитывать всю проповѣдь Филарета, послужившую поводомъ къ доносу, прислалъ къ Филарету графа П. А. Толстого съ порученіемъ «передать владыкѣ, что ежели онъ желаетъ говорить проповѣди, то не говорилъ бы подобныхъ послѣдней, имъ сказанной». Владыка, самъ говорившій объ этомъ обстоятельстве вскорѣ послѣ сего М. М. Евреинову (пользовавшемуся всегдашнимъ и особеннымъ его расположеніемъ), спросилъ послѣдняго: «что вы находите въ ней?» Евреиновъ отвѣчалъ: «сколько могу понимать, она мнѣ кажется прекрасною»; и къ тому самъ добавляетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Филаретѣ»; что «при семъ не примѣтно было въ немъ (Филаретѣ) никакого смущенія и онъ казался спокойнымъ»¹⁾. При всемъ томъ, могла ли быть вполнѣ и въ дѣйствительности спокойна царелюбивая душа святителя Московскаго отъ такого несправедливаго на него нареканія? И вотъ онъ счелъ нужнымъ представить Государю опять своего рода оправданіе какъ бы публичное, въ Его личномъ присутствіи и предъ тѣми же почти слушателями, которые были слушателями его проповѣди и 18 сентября. Именно 5 октября въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи Государя Императора, Филаретъ сказалъ свое слово «въ день святыхъ трехъ святителей Московскихъ, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныхъ болѣзней». Въ этомъ словѣ онъ нарочито опять касается воспоминанія объ Ангелѣ погубляющемъ, о необходимости покаянія, какъ средства къ умиловленію Бога въ

¹⁾ См. *Воспомин. Евреинова о Филар.*, стр. 40. Москва, 1873 (Отд. отт. изъ Душенол. Чтен.).

тяжкое для города и Россіи время, и о покаившемся Давидѣ, какъ примѣръ для подражанія; но при этомъ считаетъ нужнымъ высказать и слѣдующія слова: «Много должно утѣшать и ободрять насъ, братія, и то, что творить среди насъ Помазанникъ Божій, Благочестивѣйшій Государь нашъ. Онъ не причиною нашего бѣдствія, какъ нѣкогда былъ первою причиною бѣдствія Іерусалима и Израиля Давидъ (хотя, конечно, по грѣхамъ и всего народа): однако съ Давидовымъ самопожертвованіемъ пріемлетъ Онъ участіе въ нашемъ бѣдствіи. Видитъ нашу опасность: и не думаетъ о своей безопасности; устремляется къ намъ въ ту самую минуту, какъ примѣчаетъ опасность. Государь! Тебѣ нѣтъ нужды подвергать себя нашей опасности; наши грѣхи привлекли на насъ бѣдствіе; облегчай оное, поколику можешь, но не приближайся къ мѣстамъ, кои посѣщаетъ гнѣвъ Божій. Нѣтъ, говоритъ Онъ, *да упаду въ руки Господни*; иду туда, гдѣ вознесена грозная рука Господня, чтобы какъ можно болѣе раздѣлять скорбь, какъ можно дѣятельнѣе облегчать бѣдствіе возлюбленнаго Мнѣ народа. Государь! Мы знаемъ, какъ близка къ сердцу Твоему Твоя древняя столица: но Россія на раменахъ Твоихъ; Европа предлежитъ заботливымъ очамъ Твоимъ,—Европа, зараженная гораздо болѣе смертоноснымъ повѣтріемъ безвѣрнаго и буйнаго мудрованія; противъ сей язвы нужно Тебѣ укрѣпить преграду; для сего потребно бдительное наблюденіе происшествій, многіе совѣты, дополненіе рядовъ Твоего воинства. Такъ, говоритъ Онъ, Мой долгъ предупредить и ту опасность; но непреодолимая сила отеческой любви и состраданія влечетъ Меня къ сердцу Россіи: болѣзненно трепещущему.—*Защитниче нашъ, виждь, Боже, и призри на лице Христа Твоего* (Псал. 83, 10); пріими жертву Его человеколюбія, и умилосердися надъ народомъ Его!»¹⁾ Такъ искусно, не унижая своего достоинства, какъ учителя-проповѣдника и въ то-же время не противорѣча сказанному въ проповѣди 18 сентября и въ рѣчи 29 сентября, а, напротивъ, поставляя свое настоящее слово въ тѣсную связь съ тою и другою дополненіемъ ихъ новыми мыслями и разъясненіемъ

¹⁾ Соч. Фил., III, 155.

сказаннаго въ нихъ, безъ всякой лести, искренно и правдиво выражая свои глубоко-патріотическія чувства, исполнилъ святитель Филаретъ долгъ оправданія своего предъ Государемъ. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду и эту свою проповѣдь, какъ прежнія проповѣди и рѣчи, отдать въ печать для всеобщаго назиданія, онъ счелъ нужнымъ предварительно испросить на то согласія Государя Императора, а кстати и обратить Его особенное вниманіе на заключающееся въ ней оправданіе свое, чтобы вполнѣ успокоить свою душу. Съ этою цѣлю онъ послалъ рукопись этой проповѣди къ Государю чрезъ того же графа П. А. Толстого съ слѣдующимъ письмомъ на имя послѣдняго отъ 6 октября того же 1830 года: «Сіятедьнѣйшій графъ! Милостивый Государь! Хотя, по возможности, вслушиваюсь и я въ народный голось, чтобы неправильныя мнѣнія исправлять, а правильныя поддерживать; и хотя не встрѣчалось мнѣ замѣчанія, подобнаго тому, которое ваше сіятельство сообщили мнѣ по Высочайшей волѣ: но сіе замѣчаніе, какъ ваше сіятельство удобно разсудить изволите, поставило меня въ великую заботливость о томъ, что я говорю. По сему, по нѣкоторымъ причинамъ вскорѣ могущаго послѣдовать отбытія Его Императорскаго Величества, рѣшился я осмѣлиться, просить особеннаго разрѣшенія Государя Императора на напечатаніе говореннаго мною вчера слова. Его Величеству благоугодно было назначить мнѣ время явиться къ Его Величеству. Въ ожиданіи сего, препровождаю къ вашему сіятельству упомянутое слово на тотъ конецъ, не найдете ли возможнымъ представить оное, особенно замѣченную часть онаго, на всемилостивѣйшее усмотрѣніе Государя Императора, дабы я безъ сомнѣнія могъ приступить къ напечатанію онаго» ¹⁾. Разрѣшеніе было, конечно, дано, и проповѣдь не только напечатана, но и подобно проповѣди 18 сентября, по резолюціи Филарета отъ 10 октября, разослана была по церквамъ, «съ пре-

¹⁾ Русск. Старина 1885, XLVII, 11—12. Только при этомъ считаемъ нужнымъ сказать, что здѣсь (стр. 11), по недоразумѣнію, смѣшиваются проповѣди 18 сентября и 5 октября и именно послѣдняя неправильно считается послужившею поводомъ къ доносу на Филарета.

доставленіемъ священникамъ, если разсудятъ, прочесть оную въ слѣдующее воскресенье¹⁾, т. е. 12 октября. Печатана была она, какъ и проповѣдь 18 сентября, и во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета безъ перемѣны. «Доноситель на мое поученіе во время холеры 1830 года,—писалъ самъ Филаретъ уже въ 1852 году въ письмѣ къ архіепископу Рязанскому Смарагду (Крыжановскому),—пусть хвалится, если находитъ въ семъ для себя славу. Это поученіе безъ перемѣны напечатано тогда, и печатается до нынѣ. А что доносъ былъ, добавляетъ святитель,—это правда. *Господь мнѣ помощникъ: не убоюсь, что сотворитъ мнѣ человекъ. Я недостойнъ сказать сіе: но милосердъ Господь исполнять сіе*²⁾. Между тѣмъ и по отбытію Государя Императора изъ Москвы, послѣдовавшему 7 октября, холера здѣсь все болѣе и болѣе усиливалась и распространялась. Рука Ангела погубляющаго все еще не была отъята. Къ 14 октября число умиравшихъ отъ холеры достигло 118 человекъ въ сутки, а число больныхъ ею—до 1162 человекъ, какъ значитъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ³⁾; между тѣмъ какъ по частнымъ извѣстіямъ, идущимъ отъ современниковъ, близко знавшихъ дѣло, число однихъ умиравшихъ отъ холеры доходило до 1000—1200 человекъ въ сутки⁴⁾. Безъ пощады подкашивала она и старыя и молодыя силы, и знатныхъ и незнатныхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, и лишь нѣкоторую пощаду оказывала мѣстамъ и лицамъ; освященнымъ особо благодатію Божіею. Монастыри и духовенство какъ монашествующее, такъ и бѣлое менѣе всего пострадали отъ холеры. «Толкалась она слегка,—по словамъ самого Филарета, и въ его домъ, и онъ иногда чувствовалъ себя въ преддверіи болѣзни»⁵⁾; но Господь щадилъ его за его святую жизнь и ради пользы Церкви. А остальные всѣ были подъ страхомъ смерти; карантинныя же мѣры, усиленною строгостію своею,

1) *Чт. въ Об. ист. и дресн.* 1876, II, 123 отд. «Смѣсь».

2) *Чт. въ Об. люб. д. просв.* 1871, XIII, 43 «Матеріалъ для біографіи Филарета».

3) *Моск. Вѣдом.* 1830 г. стр. 3686.

4) «Воспоминанія» доселѣ здравствующаго свидѣтеля графа М. В. Толстого въ *Русск. Архивѣ* 1881, II, 44.

5) *Душен. Чт.* 1869 г., II, 96.

дѣлали общее положеніе еще болѣе тяжелымъ. Къ тому же, въ низшихъ слояхъ населенія Москвы, какъ и вообще въ простомъ народѣ, подобно тому какъ и въ 1771 году во время чумы, ходила и все болѣе и болѣе распространялась молва, что болѣзнь происходитъ отъ отравы и что вмѣсто лѣченія врачи занимаются отравленіемъ людей, а потому многіе уклонились отъ помѣщенія больныхъ холерою въ больницы, временно и нарочито для того учрежденныя, чрезъ что, конечно, болѣзнь весьма туго поддавалась врачеванію и уничтоженію. Подъ такими-то условіями, подъ удручающимъ впечатлѣніемъ такого-то безотраднaго положенія вещей, были составлены послѣдующія проповѣди Филарета за холерное время, и особенно проповѣдь на 12 октября все того же печальнаго 1830 г. Уже проповѣдь на 5 октября—праздникъ трехъ святителей московскихъ—святитель Филаретъ началъ такими словами: «И въ праздникъ теперь не время торжествовать: потому что исполняется надъ нами слово Господне: *превращу праздники ваши въ жалость* (Амос. 8, 10). И въ день Господень ¹⁾ въ домѣ Божіемъ не свободно богословствовать: потому что свѣтъ созерцанія закрывается туманомъ скорби, и заботливыя помыслы прерываютъ нить размышленія и слова. Должно нести то, что рождаетъ находящій день: надобно, безъ попеченія о чинѣ слова, говорить то, что внушаетъ и чего требуетъ настоящее время.—И гнѣвъ и милость, и наказаніе и пощада, и грозное прещеніе противу грѣховъ нашихъ и долготерпѣливое ожиданіе нашего покаянія ежедневно и ежечасно предъ очами нашими» ²⁾ и т. д. Тѣмъ болѣе долженъ былъ говорить проповѣдь подъ давленіемъ тумана скорби святитель 12 октября, при усиливавшейся еще болѣзни, съ ея губительными послѣдствіями. Въ этотъ день (воскресенье) Москва праздновать должна была воспоминаніе объ избавленіи ея отъ нашествія французовъ въ 1812 году, и это празднованіе обыкновенно знаменуется ежегоднымъ крестнымъ ходомъ. Но въ 1830 году крестный ходъ на 12 октября, въ виду холеры, по особой резолюціи Фила-

¹⁾ 5-е октября въ 1830 году приходилось въ воскресенье (день Господень).

²⁾ Соч. Фил., III, 153.

рета ¹⁾, принялъ уже значеніе, соотвѣтственное требованіямъ того времени и уподоблялся крестному ходу 25 сентября того же года. Сообразно тому и проповѣдь свою на 12 октября, «въ недѣлю двадесятую по Пятидесятницѣ, при воспоминаніи освобожденія Москвы отъ нашествія Галловъ, и при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни», святитель Филаретъ начинаетъ слѣдующими словами: «Еще праздникъ; и еще слышится мнѣ грозное слово Господне: *превращу праздники ваши въ жалость, и вся пѣсни ваши въ плачъ* (Амос. 8, 10). Мы воспоминаемъ нынѣ, и хотѣли бы праздновать освобожденіе сего града отъ четырехдесятидневнаго одержанія жестокими врагами. Хотимъ торжественными пѣснями славословить Бога избавителя. *Востани, слава моя; исповѣмся Тебѣ въ людехъ, Господи* (Псал. 107, 3, 4). Но что градъ? Что тамъ люди? Не новое ли трудное поприще времени проходятъ? Нѣскольکو сотъ болящихъ страждутъ; многіе здоровые состраждутъ болящимъ; нѣкоторые оплакиваютъ умершихъ; малодушные связаны страхомъ; благоразумные не столько, какъ обыкновенно, свободны, по причинѣ осторожности; челоуѣколюбивые носятъ въ сердцѣ чувствованіе общаго бѣдствія; благоговѣйные поникли предъ грозящимъ церстомъ Вышняго. Что же превозможетъ? *Праздникъ, или жалость? Пѣсни торжественныя, или плачъ?*—Ибо трудно согласить и соединить сіи противоположности. Почему премудрый Соломонъ и распредѣляетъ оныя на разныя времена. *Время, говоритъ, рыдати, и время ликовати* (Еккл. 3, 4). Видно, не славу пробуждать, и не торжественныя пѣсни воспѣвать намъ нынѣ. И сіе не потому, чтобы позволительно было во время прещенія Божія прекратить благодареніе Богу за Его прежнія благодѣянія. Нѣтъ! должно и во дни гнѣва Божія съ благодареніемъ воспоминавать прежнія по гнѣвѣ милости Божіи, какъ потому, что сего требуетъ справедливость, такъ и потому, что сіе должно подавать намъ надежду возобновленія милости къ намъ Божіей и по настоящемъ гнѣвѣ Его. И не только за прежнія благодѣянія Божіи, но и за настоящее скорбное посѣщеніе Божіе должно благословлять

1) *Чт. въ Об. ист. и древн.* 1876, II, 122 отд. «смѣсь».

Бога, по примѣру Іова: *яко Господеву изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21). Но какъ и праведный Іовъ, при столь благодатномъ чувствованіи сердца, уступилъ немощи естества человѣческаго, и съ самымъ посѣщеніемъ Божиимъ, которое было скорбное, а не радостное, сообразовался, тѣмъ, что *воставъ растерзалъ ризы своя, и остриже власы главы своея, и посыпалъ перстію главу свою* (ст. 20), въ знаменіе печали: то и намъ приличнѣе нынѣ образъ печали, нежели радости, и по духовной немощи нашей, и по смиренію предъ грознымъ посѣщеніемъ Божиимъ, и наипаче по грѣховности нашей. Ибо какъ посѣщаетъ нынѣ насъ Богъ, безъ сомнѣнія, по грѣхамъ нашимъ: то всего паче необходимо для насъ покаяніе... Покоримся судьбѣ Божіей во всемъ; послѣдуемъ всякому мановенію Провидѣнія. Примемъ, какъ часть наказанія Божія, и то, что во славу Божию совершаемое нами служеніе не можетъ нынѣ совершиться съ подобною прежней радостію, торжественностію и пространствомъ общенія ¹⁾. Перейдемъ приличное настоящему времени слово и гласъ отъ болѣвшаго до смерти, но потомъ чудесно исцѣлившагося Езекии: *яко ластовица, тако возопію, и яко голубь, тако поучуся: исчезотъ бо очи мои, еже взирати на высоту небесную ко Господу* (Иса. 38, 14). Не для того извлекаю изъ священныхъ книгъ сіи давніе жалобные звуки, чтобы сдѣлать болѣе горькою нашу настоящую печаль, но чтобы показать образъ печали спасительной. Тяжкая болѣзнь и преждевременная близость смерти опечалила Езекию: однако печалился онъ безъ ропота на Бога, безъ нетерпѣливости, не теряя надежды. Онъ вопіялъ къ Богу со страхомъ Божиимъ: въ семь разумѣ уподобляетъ онъ себя робкой *ластовицъ*. Онъ молился съ кротостію и смиреніемъ: сіе изображаетъ онъ подобіемъ *голубя*, тихо стенающаго. И когда первая молитвен-

¹⁾ Обыкновенно въ день празднованія воспоминанія избавленія Москвы отъ французовъ собиравлось въ Успенскій соборъ (гдѣ говорена была настоящая проповѣдь Филарета), все духовенство столицы. А въ 1830 году, по вышеприведенной резолюціи Филарета, по причинѣ холеры приходское духовенство оставлено было по своимъ мѣстамъ, для подаванія помощи болящимъ, а въ главномъ крестномъ ходу участвовало лишь духовенство соборовъ и монастырей.

ныя взыванія его казались неслышанными: онъ не предавался отчаянію, но продолжалъ возносить прилежную и непрестанную молитву, и даже тогда, какъ молитвенный гласъ оскудѣвалъ въ устахъ его, не преставаля *исчезающими*, но еще умоляющими *очами взирати на высоту небесную ко Господу*. И что же наконецъ? — Милосердый Господь не презрѣлъ печали благочестивой, не отвергъ молитвы усердной и постоянной. *Избави мя, сказуетъ Езекиа, и отъя болѣзнь души моя: и Той сотвори путеводство во вся мѣта моя*. Само собою разумѣется, къ подобной же молитвѣ витія-святитель призываетъ и слушателей своей проповѣди, какъ и самую проповѣдь оканчиваетъ молитвою къ Богу о избавленіи отъ губительныхъ болѣзней. «Не отвергни, — молится онъ къ Богу, — нашихъ моленій не совершенныхъ и недостойныхъ; не умножи гнѣва Твоего за наше маловѣріе и нечувствіе или нетерпѣніе; пріими исповѣданіе нашего маловѣрія, какъ вѣру, и печаль нашу — какъ молитву; и когда очи наши, къ Тебѣ взирающія, исчезаютъ отъ немощи, да ходатайствуетъ предъ Тобою за насъ само Твое безпредѣльное милосердіе. Виждь вдовицъ, угрожаемыхъ безчадіемъ; виждь младенцевъ, *иже не познаша десницы своя, ниже шуйцы своя*, не понимающихъ также ни вины, ни бѣдствія сиротства, имъ предстоящаго. Виждь, и милосердуй, и невидимо послы въ насъ слово Твое утѣшающее, исцѣляющее, животворящее, и *глаголь Твой да не возвратится къ Тебѣ тощъ*. Аминь» 1). Такъ все еще приходилось Филарету въ своихъ проповѣдяхъ взывать къ покаянію, къ молитвѣ, къ пробужденію вѣры и любви и т. д., дабы смягчить все еще продолжавшійся гнѣвъ Божій. И невольно припоминаются по этому случаю опять стихи упомянутаго выше слѣпца-поэта Н. М. Шатрова о Филаретѣ за рассматриваемое время:

«Слышу звукъ громовъ словесныхъ:
Вдохновенный Филаретъ,
Отъ источниковъ небесныхъ
Черная ученья свѣтъ,
Какъ духовный воевода,

1) Соч. Фил., III, 156—159.

Духи цѣлаго народа
 Успоковъ, говорить:
 Какъ Отецъ, насъ Богъ караетъ;
 И тому, кто умираетъ
 Онъ изъ зла добро творить.
 Предадимся Провидѣнью,
 Страхъ надеждой побѣдимъ,
 И слѣпому заблужденью
 Вѣры нашей не дадимъ.
 Смертному хотя и трудно
 Судъ небесный постигать,
 Но не будемъ безразсудно
 Божью мудрость отвергать.
 Сердце знаетъ, что надъ нами,
 Казни временной крылами,
 Гнѣвъ отеческій шумитъ;
 И не грѣхъ сказать, что нынѣ
 Въ цѣлой нашей Палестинѣ
 Время гнѣва настойтъ.
 Не суди событій ложно,
 Умъ земной, по своему:
 Общій судъ изречь возможно
 Богу только одному;
 Не случайно мы родились,
 Не случайно засвѣтились
 Солнце, звѣзды и луна;
 И гроза, которой громы
 Сыплются на наши дома,
 Къ намъ отъ Бога послана.
 Безъ Него и вѣтръ не дышетъ,
 Не колыхнеть и вода;
 Огнь изъ сердца горъ не пышетъ,
 Не тягчить земли бѣда.
 Все, что смертныхъ ужащаетъ:
 Бунтъ ли царство сотрясаетъ,
 Голодь ли людей томить,
 Туча-ль блещетъ громовалъ,
 Язва-ль стонетъ моровадъ,—
 Божій гнѣвъ во всемъ гремитъ!
 Обратимся къ покаянью,
 Сотворимъ любви дѣла,—
 И стихійному влѣянью
 Не подвергнутся тѣла;
 Отречемся ложной славы,
 Потрудимся—злые правы
 На благіе премѣнить;
 Къ вѣрѣ подвиги приложимъ,

И Царю-Отцу поможемъ,
Насъ отъ смерти охранить» 1).

И призывъ Филарета не остался напраснымъ, безплоднымъ. «Никогда, ни прежде (насколько старики могли упомнить), ни послѣ», — пишеть по воспоминаніямъ современникъ событія, гр. М. В. Толстой, — не бывало такого благочестиваго настроенія между Московскими жителями: храмы были полны ежедневно, какъ въ святой день Пасхи; почти всѣ говѣли, исповѣдались и причащались Св. Таинъ, какъ бы готовясь къ неизбѣжной смерти» 2). Увеселенія всѣ прекратились сами собою, какъ не согласныя съ духомъ общей печали, а не только что потому, какъ тогда говорили, что

«Строгий нашъ Митрополитъ
Веселиться не велить» 3).

Увеличеніе смертности увеличило и сиротство, беспомощность и бѣдность; а все это какъ взывало къ благотворительности, такъ и вызывало усиленіе ея. И Москва, благотворительная и въ обыкновенное время, въ рассматриваемое скорбное время явила въ этомъ отношеніи достоподражаемый примѣръ для всѣхъ временъ и городовъ. Примѣръ благотворительности, какъ мы видѣли, подалъ самъ Государь Императоръ въ бытность свою въ Москвѣ. Филаретъ также пожертвовалъ значительную сумму денегъ (1000 р.) на устройство благотворительнаго учрежденія при Троицкой церкви, въ приходѣ коей состоитъ его Троицкое подворье 4). Слѣдуя этимъ примѣрамъ, и всѣ болѣе или менѣе состоятельные люди всѣхъ сословій дружно приносили жертвы деньгами, вещами, даже домами на дѣло благотворенія. Голицыны, Шереметевы, Самарины, Пашковы и многіе другіе изъ дворянъ; Лепешкины, Аксеновы, Рыбниковы и многіе иные изъ купцовъ, мѣщанъ и проч. оставили незабвенными свои имена въ дѣлахъ благотворительности

1) *Осень 1830 г.*, стихотвореніе. Стр. 17—19. Москва, 1831.

2) *Русскій Архивъ* 1881, II, 45.

3) Изъ рукописнаго стихотворенія о холерѣ 1830 г., хранящагося въ библіотекѣ Московскаго почетнаго гражданина Н. И. Ушакова.

4) См. свящ. І. С. Орлова, *Историч. описаніе Троицкой церкви съ ея приходомъ*, стр. 165—66, примѣч. М. 1844; срав. *Моск. Вид.* 1830 г., стр. 4006—4007.

за это скорбное время. Современный поэтъ такъ описывалъ участіе ихъ и иныхъ лицъ въ благотворительности того времени:

«Тѣ о страждущихъ вздыхаютъ,
И заботятся о нихъ;
Тѣ отшедшихъ помнятъ,
Ублажаютъ память ихъ;
Тѣ сиротъ и вдовъ покоютъ;
Кровь для нихъ надежный строятъ;
Тѣ охотно подаютъ
Старикамъ осиротѣвшимъ,
Въ нуждахъ, въ горѣ посѣдѣвшимъ,
Хлѣбъ насущный и пріютъ.
Все подвиглось на услугу:
И сенаторъ, и купецъ,
Всѣ содѣйствуютъ другъ другу
По сочувствію сердецъ.
Всѣ къ святой стремятся цѣли:
Тамъ возами шлютъ постели,
Тамъ везутъ съ бѣльемъ ларцы,
Тамъ несутся связки платья;
Дѣйствуютъ купцы какъ братья,
А дворiane какъ отцы.
Разомкнулись кладовня:
Бьютъ ключи богатствъ земныхъ,
Какъ потоки дождевые,
Для сиротъ и для больныхъ;
Сыплетъ золото дворянство,
Духовенство и гражданство,
Сыплетъ щедрою рукой;
Все, что должно для болящихъ,
Все, что пужно для скорбящихъ,
Льется полною рѣкой »¹⁾.

И не даромъ также современный пѣвецъ, описавъ всѣ печальныя стороны состоянія Москвы въ холеру 1830 года, въ заключеніе взываетъ:

«Но хвала тебѣ, народъ,
За призрѣніе сиротъ.
Они сыты и одѣты,
Вымыты и обогрѣты.
Ты все сдѣлалъ, что лишь могъ.
Наградить тебя самъ Богъ »²⁾.

¹⁾ Стихотв. Шатрова, *Осетъ 1830 г.*, стр. 16.

²⁾ Ручоп. стихов. изъ библіотеки Н. И. Ушакова.

Подлинно, обиліемъ любви, выразившейся въ усиленіи благотворительности, и смиреніемъ предъ карающею десницею Божіею, а равно и другими знаками благочестія жители Москвы какъ бы смягчили наконецъ гнѣвъ Божій и мало-помалу премѣнили его на милость. Смертностью тѣ холеры стала мало-помалу уменьшаться, такъ что въ № 37 *Вѣдомости о состояніи г. Москвы* мы уже читаемъ: «Благодареніе Богу! Болѣзнь въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль ослабѣвала очевидно: занемогать и умирать стало почти втрое менѣе, число выздоравливающихъ увеличилось безъ всякаго сравненія.—Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ. Не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ! Больныхъ холерою 27 октября состояло 1352; занемогло 100; выздоровѣло 54; умерло 56; затѣмъ состоитъ 1342» ¹⁾. И то и другое ясно выразилъ Филаретъ въ своей проповѣди на 26 октября, произнесенной «въ Троицкой церкви страннопріимнаго графа Шереметева дома, по случаю возобновленія оной, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныхъ болѣзней», къ чему самымъ благопріятнымъ случаемъ послужило то, что въ недѣлю 22-ю по 50-цѣ, въ которую совершенно было возобновленіе означенной церкви, читано было Евангеліе о богатомъ и Лазарѣ. Къ тому же поводомъ была и благотворительная цѣль учрежденія дома, въ церкви коего была произнесена Филаретомъ проповѣдь. Въ этой проповѣди святитель-витія, уподобивъ «терпѣніемъ спасавшемуся» Лазарю «человѣколюбіемъ спасавшагося раба Божія боярина графа Николая» (Шереметева), учредителя страннопріимнаго дома, и указавъ характеристическіе признаки отличія богатаго отъ Лазаря, а отсюда выведши соотвѣтствующее наставленіе, въ заключеніе своей проповѣди взываетъ: «Братія! Какъ многу въ сіи дни *Лазарей!* Одни больны; другіе бѣдны; нѣкоторые и то и другое. Благодареніе человѣколюбію Благочестивѣйшаго Государя и имъ одушевляемаго и движимаго правительства! Благодареніе и человѣколюбію народа! Никто не остается не только *предъ вратами*, на улицѣ, но не оставляется и въ жилищѣ, неудобномъ или не-

1) *Моск. Вѣдом.* 1830 г., стр. 3843.

безопасномъ; врачующіе и пекущіеся охотно приближаются къ больнымъ такою болѣзнію, о которой одна мысль въ иныхъ возбуждаетъ отвращеніе или страхъ; крупицы *отъ трапезъ богатыхъ* довольно часто падаютъ въ уста бѣдныхъ; даже бѣдные своими лептами дѣлятся съ другими бѣдными, или отдаютъ въ милостыню свой трудъ и себя въ служеніе болящимъ; служители чистоты и святыни всюду текутъ очищать, умягчать и заживлять душевныя раны страждущихъ, и еще не страждущихъ тѣлесно. Кажется,—добавляетъ къ сей картинѣ благотворительности въ разныхъ видахъ послѣдней витія,—и самъ врачъ душъ и тѣлесъ преклоняется къ молитвамъ вѣры и къ подвигамъ челоуѣколюбія, и простираетъ милующую руку. Смерть уже не распространяетъ власти, ей попущенной; и болѣзнь начинаетъ уступать здравію. Однако,—спѣшить внушеніемъ витія,—дерзнемъ ли мы подумать, что у насъ происходитъ нѣчто лучшее, нежели что видимъ въ Евангеліи? --Тамъ одинъ больной и бѣдный; одинъ богатый, осужденный, и у сего пять братьевъ, подобныхъ ему въ томъ, что жили только для себя, а не для Бога и ближняго. Богъ да помилуетъ насъ, братія, чтобы не нашлось и у насъ. противъ одного требующаго, шесть немилостивыхъ! Раздѣлимъ, по возможности, каждый съ которымъ нибудь, а всѣ со всякимъ злострадающимъ Лазаремъ, *благая наша, оосприемлемая въ животъ нашею* временномъ, дабы принятые прежде насъ на лоно Авраамле не отреклись раздѣлить съ нами благая Божія въ жизни вѣчной. Аминь» ¹⁾. По важности этой проповѣди для разсматриваемаго времени, святитель, по напечатаніи ея отдѣльною брошюрою, отъ 31 октября далъ такую резолюцію: «Слово въ недѣлю о богатомъ и Лазарѣ, при семъ прилагаемое, раздать въ Москвѣ въ монастыри и церкви, съ тѣмъ, что если кто разсудитъ прочитать оное въ слѣдующее воскресенье въ церкви, то надобно предварить слушателей, когда оно первоначально говорено, и выпустить въ началѣ онаго тираду, относящуюся собственно къ церкви Шереметьев-

¹⁾ Соч. Фил. III, 160—165.

скаго страннопримнаго дома»¹⁾. Такъ было въ концѣ октября. Въ ноябрѣ число больныхъ и умиравшихъ холерою стало итти еще значительнѣе къ уменьшенію. Однако и въ это время продолжались прежнія строгія карантинныя мѣры, при томъ даже и въ отношеніи къ жизненнымъ припасамъ и другимъ потребностямъ. И только пѣкоторое ограниченіе строгости сдѣлано было съ 14 ноября относительно товаровъ. Конечно, уже и это было великимъ утѣшеніемъ для москвичей, при тогдашнемъ значительномъ числѣ населенія Москвы, (300,000 жителей), ведшихъ обширную торговлю. Ослабленію холеры способствовала и установившаяся съ ноября зима.

«Ослабли крылья у холеры:
Смиреніе и вопли мѣры
И мразомъ вѣющій борей
У смерти отняли пол-силы
И затворилось пол-могилы
Могуществомъ Царя-царей»²⁾.

Утѣшительно это было особенно въ виду приближавшихся царскихъ дней: 20 ноября—дня восшествія Государя Императора на престолъ и 6 декабря—дня тезоименитства Его Величества. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этого, болѣе утѣшительнаго положенія вещей, говорена была святителемъ Филаретомъ въ Чудовѣ монастырѣ и проповѣдь на первый изъ этихъ царскихъ дней—на 20 ноября. Сказанная на текстъ: *Вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ заветъ Его и свидѣнія Его* (Псал. 24, 10), она³⁾ прямо и начинается такими словами: «Настоящій день Господь сотворилъ намъ, сынове Россіи, да возрадуемся о Царѣ, намъ дарованномъ: и благодареніе Богу, что сему радостному дню довольно почтительно уступаютъ дни скорби, внезапно нашедшіе на градъ сей. Градъ Царевъ выздоравливаетъ, чтобы не проводить дня Царева въ неблаговременномъ уныніи.—Предоставляю,—продолжаетъ витія,—испытателямъ природы, по должности, или по охотѣ, по-

1) *Ут. оз об. ист. и древн.* 1876, II, 132 отд., «Смѣсь».

2) Шатрова, *Осень* 1830, стр. 24.

3) Замѣчательно в то, что проповѣдь даже въ самомъ заголовкѣ своемъ не имѣетъ прежде повторявшагося указапія на «губительную болѣзнь».

трудиться надъ изысканіемъ причинъ сей благопріятной пере-
мѣны: они найдутъ, вѣроятно, болѣе одной и будутъ имѣть
случай состязаться о томъ, которая изъ нихъ истинная, или
которая сильнѣе другой. Что касается до меня, безъ труда
нахожу одну причину, которая удовлетворительнѣе и пріятнѣе
многихъ изысканныхъ изъясняетъ происходящее. Сія благо-
творная причина есть милость Божія къ Царю и царству. Видя
въ этомъ ясныя пути Господни, проповѣдникъ далѣе разрѣ-
шаетъ сомнѣнія и опровергаетъ возраженія относительно ука-
занной имъ причины, говоря между прочимъ въ опроверженіе
раньше упомянутыхъ нами предразсудковъ простого народа
относительно холеры и ея лѣченія: «Говорятъ: если-бы болѣзнь
была наказаніемъ Божиимъ: то не позволительно было бы из-
бавляться отъ нея врачеваніемъ; ибо когда Государь опредѣ-
ляетъ преступнику наказаніе, тогда покушеніе избавиться отъ
сего наказанія почитается новымъ преступленіемъ. Невѣрное
уподобленіе, и отъ того ложное заключеніе! Въ томъ самомъ
случаѣ, когда болѣзнь дѣйствительно есть наказаніе Божіе,
врачеванія отъ болѣзни отнюдь не должно сравнивать съ по-
бѣгомъ отъ наказанія. Можно виновному избѣгать отъ рукъ
правосудія человѣческаго; и тѣмъ сдѣлать новое преступленіе,
тѣмъ болѣе тяжкое, что имъ пролагается путь къ другимъ
преступленіямъ: побѣгъ отъ правосудія всевидящаго и всемо-
гущаго Бога невозможенъ; симъ правосудіемъ можно только
быть прощenu и отпущenu; а о семъ стараться не есть пре-
ступленіе. Убѣгающій отъ опредѣленнаго ему наказанія чело-
вѣческаго есть мятежникъ: совѣмъ не то врачующійся отъ
болѣзни: онъ дѣлаетъ сіе по дару и власти того же Господа,
который наказуетъ его; ибо *Господь созда отъ земли врачеванія*
(Сир. 38,4): *отъ Вышняго есть исцѣленіе* (ст. 2) ¹⁾. Нако-
нецъ, возвращаясь къ одной изъ высказанныхъ въ началѣ про-
повѣди мыслей, витія говоритъ: «мудрствующій по стихіямъ

1) Святитель Филаретъ и въ предписаніяхъ своихъ приходскимъ священникамъ за холерное время поручалъ имъ внушать эту истину простому народу. См. напр. резолюціи его и предписанія въ *Чт. въ об. ист. и дресн.* 1876, II, 123. 135—136, отд. «Смѣсь» и др.

міра скажетъ: воздухъ былъ зараженъ;—воздухъ освобождается отъ заразы.—Первое горько: да и во второмъ не много вкуса. Но когда говорятъ, что Отецъ небесный умилился надъ нами, и когда слушаютъ сіе съ вѣрою: человекъ получаетъ такія чувствованія, по которымъ онъ становится въ одно время и счастливѣе, и нравственно лучше прежняго.— *Благо есть исповѣдаться Господеви, и тѣмъ имени Твоему, Вышній, возвѣщать за утра милость Твою, и истину Твою на всякую ночь* (Псал. 91, 2. 3) — Да не измѣняемъ никогда сей, сколько священной, столько же блаженной обязанности. Исповѣдаемъ истину Божію, наказующую бѣдствіями грѣшниковъ, и освящающую оными праведниковъ; исповѣдаемъ милость Божію, являемую намъ нынѣ; призовемъ благоподательную милость и истину Господню на дни грядущіе, Благочестивѣйшему Государю нашему и Августѣйшему Дому Его, царствующему граду сему, Россіи, и наконецъ всякой душѣ, по вѣрѣ и взысканію завѣта Божія способной къ причастию милости Божіей. Аминь ¹⁾. За тѣмъ, ко второму Царскому дню—6 декабря, благодаря еще бѣльшему ослабленію холеры въ Москвѣ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «наружное оцѣпленіе города снять, съ соблюденіемъ, впрочемъ, всѣхъ предосторожностей для воспрепятствованія болѣзни вновь усилиться, или перенестись въ тѣ мѣста, съ коими возстановляется сообщеніе» ²⁾. Это радостное извѣстіе, оповѣщенное въ *Вѣдомости о состояніи г. Москвы* отъ 6 декабря, въ тотъ же день и святитель Московскій повѣдалъ жителямъ московскимъ съ церковной кафедрой. Разумѣемъ говоренное въ кафедральной церкви Чудова монастыря 6 декабря его «Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государа Императора Николая Павловича, по полученіи Высочайшаго повелѣнія о возстановленіи сообщеній Москвы, прерванныхъ по предосторожности противъ губительныхъ болѣзни». Замѣчательно самое начало этого слова. «Утомились мы»,—начинаетъ его витія,—и такъ долго и ча-

¹⁾ Соч. Фил., III, 165—171.

²⁾ Моск. Вѣдом. 1880 г., стр. 4214—4325; срав. Русск. Арх. 1884, III, 150—151; Моск. Вѣдом. 1884, № 200 и др.

сто, говоря и слыша, все о болѣзни, все о смерти. Но кто можетъ прекословить волѣ Владѣющаго жизнью, который сіи уже малые, только что примѣтные остатки сѣни смертной не спѣшитъ совсѣмъ удалить отъ глазъ нашихъ, можетъ быть для того, чтобы, обезпечась скорымъ помилованіемъ, не поспѣшили мы забыть праведнаго наказанія? Благословенъ Онъ и за то, что наказалъ, и за то, что милуетъ, и за то что милуетъ постепенно, дабы тѣмъ болѣе упрочить намъ Свою милость». Затѣмъ, какъ бы напоминая свое знаменательное благожеланіе, высказанное по поводу прибытія Государя Императора въ Москву 29 сентября въ словахъ: «съ крестомъ срѣтаемъ Тебя, Государь, даидеть съ Тобою воскресеніе и жизнь», святитель-проповѣдникъ продолжаетъ: «Мнѣ представляется, что, какъ Лазарь изъ гроба, встаетъ въ сіе время сей градъ, правда не многими своими членами дѣйствительно умершій, однако весь всецѣло воскресшій отъ страха смерти. Но чего еще недостаетъ сему воскресшему, чтобы пользоваться обновленною жизнью?—Да! еще нужно для него то же владычественное повелѣніе, которое дано было для воскресшаго Лазаря: *разрѣшите его, и оставите идти* (Іоан. 11, 44). Внемли же, воскресшій градъ! Се и для тебя исходитъ отъ Престола Царева разрѣшающій гласъ: *разрѣшите его, и оставите идти*; разрѣшите его отъ обязанностей, которыми любящая рука принуждена была связать его предохранительно, чтобы область смерти не распространилась; оставьте его безпрепятственно, не заключенными вратами, непрегражденными путями, идти въ села и окрестные грады, и принимать приходящихъ, чтобы жизнь естественная не затруднялась въ своихъ потребностяхъ, чтобы жизнь общественная не стѣснялась въ своихъ движеніяхъ. Благословенна благодать Царева, и за намѣреніе связать смерть, и за поспѣшность разрѣшить жизнь. Поздравляю тебя, отъ страха смертнаго воскресшій, отъ болѣзни смертной исцѣлѣвшій, отъ трудностей жизни разрѣшенный градъ!» Но въ виду второй половины Высочайшаго повелѣнія о снятіи оцѣпленія Москвы, заключавшій въ себѣ внушеніе предосторожности отъ возможнаго возвращенія силы болѣзни, святитель-витія продолжаетъ свое обращеніе къ городу такими словами: «Но послушай, что еще, при сихъ благо-

пріятныхъ для тебя событіяхъ, тебѣ сказать внушаетъ истина, что совѣтовать тебѣ побуждаетъ желаніе твоего блага. *Взыскахъ благая тебѣ* (Псал. 121, 9). Если ты воскресь: то умѣй беречь безопасность жизни, тебѣ возвращенную. Если ты исцѣлѣль: то вспомни слово Исцѣлителя, сказанное *въ Церкви: се здравъ еси, ктому не соутымай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14). Если ты разрѣшенъ, то умѣренно и осторожно приводи въ движеніе члены твои, дабы чадолюбивая мать не увидѣла необходимости вновь спеленать дитя, во вредъ себѣ употребляющее разрѣшенные члены». И указавъ на возможность повторенія испытаннаго въ холерное время, при несоблюденіи этихъ предосторожностей, витія заключаетъ свое слово слѣдующимъ образомъ: «Градъ возлюбленный! Горько тебѣ было; но много услаждена чаша твоя: благодарно сохрани дарованное; благоразумно заслужи лучшее; берегись грѣховъ и погрѣшностей, *да не горше ти что будетъ*. Утвердимъ себе, братія, и не престанемъ исполнять благіе обѣты, которые вдохнуло намъ спасительное время скорби. Не съ ропотомъ воспоминаемъ трудности, насъ постигшія, но съ утѣшеніемъ трудности перенесенныя. Благодушно перенесемъ нѣкоторыя неудобства, которыя еще перенести остается ¹⁾. Употребимъ дарованныя облегченія и вспоможенія въ пользу, а не въ удовлетвореніе страстей и прихотей. Со вниманіемъ и чистосердечною вѣрностію да ходимъ въ послушаніи заповѣдямъ Божіимъ и повелѣніямъ власти, отъ Бога постановленной. Такъ будемъ благодарны Богу, насъ милующему. Такъ будемъ достойны Царя, о насъ пекущагося. — *Господи Спаси Царя* (Псал. 19, 10)! *Господи! на мѡдехъ Твоихъ благословеніе Твое* (Псал. 3, 9). Аминь» ²⁾. И въ согласіи съ тѣмъ только уже 24 декабря владыка далъ такое предписаніе по Москвѣ: «По облегченіи благодатію Божіею Москвы отъ болѣзни и по случаю наступающаго праздника, разрѣшается предписанныя молебны по литургіи отложить, исключая тѣ мѣста, гдѣ особен-

1) Нѣкоторыя карантинныя мѣры оставались въ силѣ значительное время и послѣ 6 декабря, о чемъ см. *Моск. Вѣдом.* 1830 г. стр. 4412, 4495, 4541.

2) *Соч. Фил.*, III, 171—174.

ныя обстоятельства и желаніе прихожанъ того потребуютъ, а прошенія на ектеціяхъ и молитву на литургіи продолжать впредь до предписанія» ¹⁾. Ибо ослабленіе болѣзни, хотя и было несомнѣнно, однако шло довольно медленно, что не скрывали и оффиціальныя сообщенія. И самъ святитель Филаретъ даже отъ 29 декабря въ одномъ частномъ письмѣ сообщалъ: «Болѣзнь у насъ еще не прекращается, и особенно оказывается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не была, или слабѣе была прежде. Число занемогающихъ не велико ²⁾; но у нѣкоторыхъ болѣзнь крута ³⁾. Продолжалась болѣзнь и въ новомъ 1831 году, хотя уже далеко не съ прежнею силою, такъ что съ 6 января прекратились и ежедневныя *вѣдомости о состояніи г. Москвы*, и съ тѣхъ поръ сообщенія объ остаткахъ болѣзни въ Москвѣ дѣлались въ обычномъ и постоянномъ столичномъ органѣ временной печати, — *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. И святитель Московскій отъ 12 января писалъ къ Мелетію Леонтовичу, епископу Пермскому: «холера въ Москвѣ умираетъ, потерявъ прежде славу страшной болѣзни» ⁴⁾. Однако долго еще она гнѣздилась въ ней и причиняла смерть, почему и нѣкоторыя карантинныя мѣры все еще продолжались, почему и въ виду возможности вызова въ Петербургъ, Филаретъ отъ 23 января писалъ къ своей родительницѣ: «занемогающіе холерою еще здѣсь бывають. Всѣхъ больныхъ остается около 30. Продолженіе карантиновъ на Петербургской дорогѣ ⁵⁾ еще даетъ мнѣ право оставаться въ Москвѣ. Долго ли сіе продолжится, угадывать трудно» ⁶⁾. Это продлилось довольно долго, почти два мѣсяца. Въ теченіе этого времени, правда, и прежніе начальствующіе въ частяхъ города съ ихъ помощниками и врачами мало по малу возвращались къ обычному (дохолерному) теченію жизни,

1) *Чт. из общ. ист. и древн.* 1876, II, 138, отд. «Смѣсь».

2) Такъ, напр., за 27 декабря занемогшихъ холерою значится всего 28 человекъ, а состояло больныхъ ею 165 человекъ. См. *Моск. Вѣдом.* 1830 г., стр. 4581.

3) *Письма къ родн.* стр. 312.

4) *Христ. Чт.* 1884, I, 223.

5) Разумѣется карантинъ на рѣкѣ Шошѣ, снятый, по Высочайшему повелѣнію, лишь 19 марта 1831 года.

6) *Письма Ф. къ родн.* стр. 313.

и временныя больницы упразднялись, и прежней суетни по дѣлу холеры не видно было въ Москвѣ, начавшей оживать. Въ концѣ января и святитель Московскій закрылъ какъ временный комитетъ, учрежденный имъ при архіерейской кафедрѣ по случаю холеры, такъ и временную же «нищепитательницу» (столовую для бѣдныхъ), учрежденную при Троицкой церкви близъ Троицкаго подворья. Однако только уже 17 марта 1831 года Москва оффиціально, такъ сказать, признала себя освободившеюся окончательно отъ холеры и принесла Богу торжественное о семъ благодареніе. Когда о томъ генераль-губернаторъ довелъ до свѣдѣнія Государя Императора, то Государь въ рескриптѣ своемъ на имя генераль-губернатора отъ 19 марта, выразивъ «живѣйшее удовольствіе» по случаю донесенія князя Голицына «о совершенномъ прекращеніи холеры въ Москвѣ и поспѣшивъ вслѣдствіе того разрѣшить немедленное упраздненіе карантина, на рѣкѣ Шошѣ учрежденнаго, и снятіе оцѣпленія на границѣ Тверской губерніи съ Москвою», изъявилъ ему свою «искреннѣйшую благодарность» за его «пламенное усердіе и неутомимую дѣятельность», обнаруженныя во все «тяжкое для Москвы время» существованія въ ней холеры, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему выразить Высочайшую «признательность» и всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ему во всѣхъ его мѣропріятіяхъ по случаю холеры, какъ личными трудами, такъ и благотвореніями. Этотъ рескриптъ былъ опубликованъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Святитель Московскій, такъ много потрудившійся въ то же «тяжкое для Москвы время», также не оставленъ былъ милостивымъ вниманіемъ Его Величества 19 апрѣля 1831 года, въ день Пасхи, онъ сопричисленъ былъ къ ордену св. Апостола Андрея Первозваннаго, «за ревностное и многодѣтельное служеніе въ архипастырскомъ санѣ, достойно носимомъ, а притомъ за многіе похвальныя подвиги и труды, на пользу церкви и государства постоянно оказываемые при всякомъ случаѣ» ¹⁾. Откликомъ на этотъ знакъ милостиваго вниманія Государя Императора къ истиннымъ заслугамъ и подвигамъ святителя въ столь важное время,

¹⁾ См. *Моск. Вѣдом.* 1831 г. стр. 1567; срав. 1118 стр.

какъ холерное 1830 года, служить, со стороны Филарета, его «Слово въ день коронованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича», говоренное въ Успенскомъ соборѣ 22 августа 1831 года и до 1877 года не появлявшееся въ печати. Это слово вмѣстѣ съ тѣмъ служить и какъ бы публичнымъ отчетомъ Филарета за холерный 1830—1831 годъ, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ 1831 года холера, оставивъ въ покоѣ Москву, сильно свирѣцствовала въ Петербургѣ, гдѣ не обошлось дѣло даже безъ возмущенія черни, укрощеннаго только уже личнымъ появленіемъ среди бунтующихъ и энергическимъ дѣйствіемъ самого Государя Императора. на что также можно находить указаніе въ этомъ словѣ. Оно сказано на текстъ: *Царь уповаеѣ на Господа: и милостію Вышняго не подвижитсѣ* (Псал. 20, 8) и весьма живыми чертами изображаетъ духовный обликъ Государя Императора, при чемъ онъ, по прежнему, опять сопоставляется съ Давидомъ, но только съ другой, чѣмъ въ 1830 году, стороны. «Какъ нѣкогда сподвижники Давида, — говоритъ витія, — увидѣли его въ крайней опасности отъ надлежащаго иноплеменника: *то кляшасѣ мужи Давидовы, маломоще: не изыдеши ктому съ нами на брань, да не угасиши свѣтильника Израилева* (2 Цар. 21, 17). Подлинно видѣть возлюбленнаго Царя, подвергающагося опасности для безопасности своихъ подданныхъ, есть зрѣлище, сколь возвышенное, столь же поразительное для вѣрнаго народа. Чѣмъ очевиднѣе попеченіе Царя о насъ, простертое до самопожертвованія: тѣмъ болѣе Онъ возлюбленъ для насъ. Чѣмъ болѣе возлюбленъ: тѣмъ болѣе трепещемъ за Него во время опасности. Чѣмъ болѣе страшимся за Него: тѣмъ болѣе дивимся Его великодушному безстрашію. Чѣмъ болѣе дивимся Ему: тѣмъ болѣе чтимъ Его, тѣмъ болѣе любимъ, тѣмъ болѣе видимъ и чувствуемъ въ опасности Его нашу собственную опасность. Такъ волны сильныхъ душевныхъ движеній одна другую раждаютъ, одна другую поглощаютъ, и опять раждаютъ одна другую до тѣхъ поръ, какъ, наконецъ, усматриваютъ, что гроза опасности миновала превознесенную главу, и свѣтильникъ Израилевъ сіяетъ яснѣе прежняго. — Вы понимаете меня, Россіяне: потому что я говорю теперь по нашему обще-

му опыту. Господи, *въ руцѣ Котораго власть земли*. и который *потребнаго воздвигаеши во время на ней* (Сир. 10, 4)! На какое трудное время обрѣлъ Ты потребнымъ избраннаго и воздвигнутаго Тобою Николая! Въ то самое время, когда Онъ вступалъ на родительскій и прародительскій престолъ, Ему надлежало перешагнуть чрезъ опасность, или лучше сказать, чрезъ бездну, грозившую поглотить и престолъ, и царство. Онъ не поколебался; заградилъ бездну; мы успокоились: вдругъ видимъ Его вновь среди опасностей брани. Двѣ трудныя брани окончены со славою. Мы торжествовали; вновь открывается опасность, тѣмъ болѣе грозная. чѣмъ менѣе знакомая, — опасность губительной болѣзни; и гдѣ сія опасность очевидно угрожаетъ народу, тамъ именно является Царь нашъ, съ своею отеческою попечительностію о своихъ подданныхъ, съ своимъ, свѣтильника Израилева достойнымъ, свѣтомъ, чтобы разогнать сумракъ страха истиннаго и ложнаго, чтобы уменьшить причины опасности, чтобы уничтожить призраки мнимой, чтобы спасительно проникнуть сквозь сугубый мракъ легковѣрнаго и упорнаго невѣжества, — увы! — не менѣе иногда опаснаго и пагубнаго, какъ злоумышленіе. Конецъ ли трудностямъ хотянынѣ, и хотя шести лѣтахъ необыкновенными подвигами ознаменованнаго царствованія, будетъ ли приближающееся седмое лѣто лѣтомъ совершеннаго покоя и мира, — Ты вѣси, Господи, въ руцѣ Котораго власть земли. И затѣмъ, призывая слушателей — Россіянь къ облегченію «столь часто для насъ возобновляющейся заботы вѣрноподданнической любви» о Царѣ, къ упроченію и обезпеченію нашей радости о Немъ, указываетъ какъ на лучшій къ тому способъ — на уподобленіе Царю въ упованіи на Господа: *Царь уповаеъ на Господа: и милостію Вышняго не подвижится*. А разсматривая со всѣхъ сторонъ этотъ способъ, иначе сказать, изслѣдуя вопросъ о надеждѣ и излагая ученіе о ней, нашъ витія, доказывая слабость надежды на что либо временное, въ противоположность единственно прочной надеждѣ на Бога, между прочимъ говоритъ: «Бѣдныя человѣки, у которыхъ не только кратковременная буря бѣдствій разрушаетъ долго на слабомъ основаніи утверждаемыя надежды, но которыхъ и легкій вѣтръ

пустой молвы колеблетъ страхомъ, какъ листья древесныя», и къ сему самъ же въ рукописи проповѣди дѣлаетъ такое подстрочное примѣчаніе: «Сіе говорено, когда молва о разсѣянныхъ будто бы повсюду отравителяхъ распространила въ народѣ опасеніе¹⁾. Такимъ образомъ чѣмъ началъ, тѣмъ и кончилъ великій святитель Московскій свою широкую и неутомимую дѣятельность въ холерное время 1830—1831 годовъ: горячимъ призывомъ людей на то, чтобы обращаться къ Богу, въ которомъ одномъ—надежда и спасеніе, какъ временное, такъ и вѣчное.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Соч. Фил. III, 463—470. Эту проповѣдь въ рукописи святитель Филаретъ въ 1831-мъ же году передалъ князю Д. В. Голицыну и съ этой то рукописи она въ 1877 году напечатана. См. тамъ же, стр. 463, примѣч.

ИСТОЧНИКИ И ПРЕДМЕТЪ ДОГМАТИКИ

ПО ВОЗЗРѢНІЮ КАТОЛИЧЕСКИХЪ БОГОСЛОВОВЪ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛУ-СТОЛѢТІЯ.

(Продолженіе *).

Изъ множества дѣленій и подраздѣленій, прилагаемыхъ ультрамонтанскими богословами къ Преданію ¹⁾, для догматики особенно важно то дѣленіе, въ основу котораго полагается различіе Преданія по его содержанію и происхожденію. Хотя Тридентскій соборъ предписываетъ принимать и почитать на равнѣ съ свящ. Писаніемъ именно тѣ преданія, которыя относятся «къ вѣрѣ и нравственности», и притомъ—изречены «или устами Христовыми, или Духомъ Святымъ»,—однако богословы присоединяютъ сюда еще «преданія, относящіяся къ всеобщей или частной дисциплинѣ церкви» (*traditiones ad disciplinam publicam vel privatam ecclesiae pertinentes*) и получившія свое начало отъ Апостоловъ совершенно естественнымъ образомъ. Преданіе перваго рода называется у богослововъ «догматическимъ», «божественнымъ», божественно-апостольскимъ»; ²⁾ преданіе же послѣдняго рода называется «дисциплинарнымъ», «чисто-апостольскимъ» ³⁾. По мнѣнію Шеибена, это послѣднее преданіе также «принадлежитъ къ *traditio divino-аро-*

*) См. ж. «ВѢРА и РАЗУМЪ», 1889 г.—№ 16.

¹⁾ Perrone, vol. IX, «de locis theol.» p. 11, n. 335. Срав. Scheeben, I. n. 296, 303, 305—306. Heinrich, Bd. II, s. 5—10.

²⁾ Perrone, op. cit. n. 335. Срав. Scheeben, n. 303. Heinrich, s. 6—9.

³⁾ Ibidem.

stolica», и именно—постолюку, поскольку апостольскіе законы и учрежденія, касающіеся церковной дисциплины, «имѣютъ поучительное содержаніе (lehrhaften Inhalt) и, такимъ образомъ, заключаютъ въ себѣ практическую проповѣдь»; самое же «поучительное содержаніе» этого преданія «должно считаться залогомъ вѣры (depositum fidei)» ¹⁾. Сюда же относятъ Шеобенъ и всѣ тѣ «историческіе факты», которые не были открыты Апостоламъ Самимъ Богомъ и о которыхъ они могли узнать путемъ естественнымъ, но которые стоятъ въ самой тѣсной связи съ извѣстнымъ догматомъ (какъ, напр., соединеніе приматства съ римскимъ престоломъ, какъ существенное условіе для дальнѣйшаго конкретнаго существованія приматства, или нетлѣніе и воскресеніе Дѣвы Маріи, какъ необходимое послѣдствіе ея свободы отъ первороднаго грѣха). Такие факты, по замѣчанію богослова, «принадлежатъ, по крайней мѣрѣ, къ частному виду залога вѣры» ²⁾.

Такимъ образомъ, уже здѣсь, въ самомъ началѣ ученія о свящ. Преданіи, у католическихъ богослововъ замѣчается стремленіе расширить объемъ этого источника откровенной истины. Сюда, какъ мы видимъ, вносятся богословами не только истины вѣры и нравственности, но и «дисциплинарныя учрежденія и историческіе факты». Это же самое стремленіе ясно выступаетъ и далѣе—въ ученіи о законахъ развитія церковнаго преданія.

Но прежде, чѣмъ излагать это ученіе, мы находимъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ, хотя бы только самыхъ краткихъ, замѣчаній о взглядѣ католическихъ богослововъ ультрамонтанскаго направленія на церковь, какъ непогрѣшную хранительницу апостольскаго залога вѣры. Безъ этихъ замѣчаній осталось бы не совсѣмъ понятнымъ и все дальнѣйшее ученіе ихъ о Преданіи.

Прежде всего,—говоря о церкви, какъ непогрѣшной хранительницѣ богопреданной истины, эти богословы разумѣютъ отнюдь не

¹⁾ Ibid.

²⁾ «Zur konkreten Gestalt des depositum fidei».—Ibid.

«собрание всѣхъ вѣрующихъ, которые подчинены своимъ законнымъ пастырямъ», но только «весь епископатъ, въ полномъ его составѣ, т. е. организмъ (corpus) пастырей во главѣ съ римскимъ первосвященникомъ» ¹⁾. Этимъ-то ближайшимъ своимъ преемникамъ передали Апостолы свой устный залогъ вѣры (точно также, какъ и залогъ письменный) съ тѣмъ, чтобы они не только *сохраняли* и *свидѣтельствовали* о преданной имъ истинѣ, но и *развивали* и *расширяли* ее. Поэтому, пастыри церкви могутъ и должны поступать съ апостольскимъ залогомъ точно такъ же, какъ стали бы поступать съ нимъ «сами же Апостолы, если бы они лично продолжали еще жить» ²⁾. Какъ наследники полного авторитета и власти Апостоловъ, они «во всякое время могутъ и даже должны предписывать и обнародывать содержаніе апостольскаго преданія, какъ единственный и всеобще-обязательный законъ вѣры для всей церкви, и, наконецъ, смотря по потребности, чрезъ судебное рѣшеніе придавать полное значеніе и доставлять всеобщее уваженіе тому свидѣтельству церковнаго преданія, которое для многихъ было темно или встрѣчало противорѣчіе со стороны многихъ» ³⁾. Такимъ образомъ, «вся совокупность вѣрующихъ всегда относится къ учащей церкви (Zehrkörper), какъ нѣчто воспринимающее (Receptive)—къ активному» ⁴⁾. Поэтому и самая непогрѣшимость послушающей церкви оказывается «непогрѣшимостію пассивною (infallibilitas passiva)», обусловленною и зависящею непосредственно отъ непогрѣшимости церкви учащей; и только непогрѣшимость этой послѣдней есть «непогрѣшимость активная (infallibilitas activa)», зависящая непосредственно отъ воздѣйствія

¹⁾ Perrone, vol. I. «De vera Religione», p. 11. n. 15.—Гейнрихъ съ особенною силою возстаетъ противъ того «ложнаго (?) воззрѣнія, усвоеннаго новѣйшею нѣмецкою ересью» (разум. старокатоличество во главѣ съ Деллигеромъ), по которому носителями божественно-церковнаго преданія признаются не одни только епископы и папы,—эти верховные учителя церкви и намѣстники Христа,—но всѣ вообще вѣрующіе въ своей совокупности. Dogm. Theologie, Bd. II. s. 151 f.

²⁾ Scheeben, I n. 206.

³⁾ Ibid. n. 210.

⁴⁾ n. 173.

самого Святаго Духа и состоящая въ неспособности своимъ учениемъ ввести въ заблужденіе слушающихъ членовъ церкви ¹⁾.

Но, устранивъ, такимъ образомъ, слушающую Церковь отъ непосредственнаго и активнаго участія въ дѣлѣ храненія богопреданной истины, ультрамонтанскіе богословы на этомъ еще не останавливаются. Последовательно и постепенно выдѣляютъ они изъ самой учащей церкви разныя погрѣшительныя элементы, такъ что приходятъ, наконецъ, къ отрицанію дѣйствительнаго значенія въ указанной дѣятельности не только за пресвитерами, но даже и за епископами. Существенную услугу въ этомъ случаѣ оказываетъ имъ старинное, принятое у схоластическихъ канонистовъ, различіе между *potestas ordinis* и *potestas jurisdictionis*, между *hierarchia ordinis* и *hierarchia jurisdictionis* ²⁾. Разумѣя подъ «*potestas ordinis*» власть совершать таинства и преподавать чрезъ нихъ благодать вѣрующимъ, богословы утверждаютъ, что власть эта дается въ силу самого посвященія и принадлежитъ органамъ учащей церкви, начиная отъ епископата и кончая низшими степенями священства. Это есть «*hierarchia ordinis*». Терминомъ же «*potestas jurisdictionis*» обозначается высшая власть управлять церковію, принадлежащая по божественному установленію папѣ, и затѣмъ, епископату вообще (со включеніемъ промежуточныхъ, церковію установленныхъ, степеней—патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ). Это называется «*hierarchia jurisdictionis*». Та первая власть, *potestas ordinis*, сообщаемая членамъ церковной іерархіи въ обычномъ рукоположеніи, не имѣетъ существенно-важнаго и опредѣляющаго значенія для вѣры церкви. Носители этой власти являются въ силу ея только *свидѣтелями* и *преподавателями* Христова ученія, при чемъ епископы—эти *sacerdotes primi ordinis*—дѣйствуютъ самостоятельно, пресвитеры же—*sacerdotes secundi ordinis*—выступаютъ какъ ихъ помощники и въ полной завп-

¹⁾ Scheeben, n. 181. Heinrich, §§ 88—89; особ. S. 200 f.

²⁾ Шеобенъ признаетъ это различіе «съ формальной стороны единственно правильнымъ» (В. I. n. 111); а Гейнрихъ находитъ даже, что оно «основано не только на существѣ дѣла, но и на откровенной истинѣ» (Вд. II. S. 185. Anm.).

симости отъ нихъ. Но свидѣтельство и ученіе всѣхъ этихъ органовъ іерархіи ordinis не есть еще непреложный законъ вѣры, обязательный для церкви и могущій уничтожить всякія сомнѣнія. Изданіе таковыхъ законовъ и авторитетныхъ предписаній касательно вѣроученія принадлежитъ уже не къ potestas ordinis, а къ potestas jurisdictionis, и составляетъ исключительное право носителей именно этой власти, какъ намѣстниковъ Христа и правителей церкви, призванныхъ управлять самыми внутреннѣйшими убѣжденіями вѣрующихъ ¹⁾. Конечно, и здѣсь точно также строго наблюдается различіе степеней. Всѣ обыкновенные епископы ближайшимъ образомъ и по-преимуществу суть носители potestas ordinis, potestas же jurisdictionis принадлежитъ имъ 'только въ самой ограниченной и низшей мѣрѣ; поэтому и судьями вѣры они могутъ быть признаны только въ ограниченномъ смыслѣ, преимущественно же и главнымъ образомъ они суть именно лишь свидѣтели и учителя вѣры. Между тѣмъ,—верховный глава епископата (папа) есть по-преимуществу носитель potestas jurisdictionis и, слѣдовательно, ближайшимъ образомъ *судья и законодатель* вѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является и свидѣтелемъ (учителемъ) вѣры—въ высшемъ смыслѣ слова, ибо верховное законодательное постановленіе касательно какой либо истины вѣры всегда предполагаетъ безусловно достовѣрное свидѣтельство въ пользу ея ²⁾. Кроме того, всѣ простые епископы, какъ пастыри определенной части Христова стада, ограничены въ актахъ своей юрисдикціи предѣлами своихъ округовъ, и потому предписанія ихъ касательно вѣры не могутъ имѣть значенія закона, обязательнаго для всей церкви. Напротивъ,—верховный глава епископата, какъ пастырь всего Христова стада, имѣетъ власть учительства универсальную и высшую, полную и независимую; поэтому и предписанія его касательно вѣроученія, какъ предписанія верховнаго канцлера Христова на землѣ, имѣютъ силу общеобязательнаго закона, такъ

1) Scheeben, n. 113—116; 118—119. Heurich, S. 182—185.

2) Scheeben, n. 125.

что при нихъ не можетъ уже быть мѣста никакимъ сомнѣнiямъ. И въ отношенiи къ этимъ общимъ законамъ, исходящимъ отъ верховнаго авторитета папы, епископамъ остается только слѣдующая двойная власть: *разяснять* въ своихъ обругахъ высшiй и всеобщiй законъ, когда онъ уже существуетъ,—*содѣйствовать* проведенiю его, когда онъ только еще предполагается. Въ виду такого-то, въ высшей степени важнаго, безусловно-рѣшающаго значенiя папскихъ предписанiй для вѣры всей остальной церкви, самое соприсутствiе Св. Духа достается въ удѣль папѣ—по утвержденiю Шеебена—*существенно инымъ образомъ*, нежели прочимъ епископамъ ¹⁾.—Ясно изъ всего этого, что и непогрѣшимость епископата, подобно непогрѣшимости остальной послушающей церкви, должна быть признана, въ сущности, также пассивною, но вовсе не активною. Она существуетъ лишь тогда и настолько, когда и насколько епископатъ подчиняется папскимъ постановленiямъ касательно вѣроученiя. И только непогрѣшимость самого папы остается въ дѣйствительности непогрѣшимостiю активной обусловленною непосредственно какимъ то особеннымъ, невѣдомымъ для всѣхъ другихъ епископовъ, соприсутствiемъ Св. Духа.

Теперь для насъ понятно будетъ, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ бываетъ возможно временное исчезновенiе и новое появленiе нѣкоторыхъ откровенныхъ истинъ въ сознании церкви, что допускаютъ Шеебенъ и Гейрихъ въ своемъ ученiи о законахъ развитiя церковнаго преданiя; теперь можно и изложить это самое ученiе ²⁾.

Отличая церковное преданiе, какъ совершающееся чрезъ посредство церковнаго организма и подъ всегдалнимъ руководствомъ

¹⁾ Ibid. n. 121—122.

²⁾ Замѣтимъ кстати: это ученiе, по причинѣ важнаго значенiя его для католической догматики и даже для самаго догмата, мы стараемся изложить по Шеебену, по возможности—съ буквальною точностiю, выпуская изъ контекста только несущественныя пояснительныя выраженiя, вносящiя въ рѣчь подлинника чрезвычайно длинныя періоды, неудобныя для передачи на русскомъ языкѣ. За вѣрность же мысли, даже и при такихъ сокращенiяхъ, мы ручаемся.

Духа Святаго отъ всякаго другаго человѣческаго преданія ¹⁾, Шеебенъ признаетъ за существенныя свойства его «неповрежденность, непрерывность и всеобщность» ²⁾. Но такъ какъ это преданіе посредствуется дѣятельностію человѣческою, и носители его исполнены Св. Духа не въ таковой совершенной степени, въ какой были исполнены сами Апостолы, то и указанныя свойства его «не проявляются съ необходимостію въ своемъ идеальномъ и абсолютномъ совершенствѣ» ³⁾. Тѣмъ не менѣе, эти свойства несомнѣнно принадлежать преданію, потому что для этого потребно отнюдь не абсолютное совершенство сохраненія его въ церкви, но только слѣдующія условія: 1) условія *отрицательныя*: «церковь никогда, ни въ своей совокупности, ни въ органахъ опредѣляющихъ вѣру цѣлаго ⁴⁾, не можетъ съ рѣшительностію выдавать за апостольское преданіе что-либо такое, что въ дѣйствительности не таково, или даже противорѣчить дѣйствительному апостольскому преданію»; съ другой стороны, — «ни одна изъ тѣхъ истинъ, которыя ввѣрены церкви на-вѣчно, не можетъ положительно отвергаться всею церковію, или даже такъ исчезнуть изъ сознанія и сокровища всей церкви, чтобы она никогда не могла уже снова появиться» ⁵⁾.

2. Условія *положительныя*: «самыя существенныя и самыя необходимыя истины всегда ясно и на самомъ дѣлѣ (actuell) должны утверждаться и распространяться въ церкви и церковію, если и не всѣми членами церкви послушающей или даже учащей церкви, то, по крайней мѣрѣ, должны быть засвидѣтельствованы органами, имѣющими рѣшающее значеніе въ церкви». И съ другой стороны, — и тѣ остальные истины, ввѣренныя церкви, которыя были такъ помрачены или оставались еще столь неясными, что болѣе уже не были извѣстны всѣмъ членамъ церкви и не испо-

1) п. 309.

2) п. 318.

3) п. 311.

4) На основаніи вышесказаннаго мы можемъ понять, кто собственно разумѣется подъ «органами, опредѣляющими вѣру цѣлаго».

5) п. 312. Срав. Heinrich, Bd. II, s. 46—50.

вѣдались ими съ вѣрою, которыя, напротивъ, одною частію церкви, смотря по обстоятельствамъ, даже совсѣмъ отрицались, а для другой части не имѣли полнаго и рѣшительнаго значенія,—и эти истины должны утверждаться и передаваться церковію, по крайней мѣрѣ, *implicite* въ томъ сокровищѣ вѣры, которое хранится и оберегается ею» ¹⁾. По разъясненію богослова, это значитъ, что всѣ эти истины должны быть такъ завиты или заключены (*so implicirt oder enthalten sein*) отчасти въ ученіяхъ, ясно засвидѣтельствованныхъ церковію, отчасти въ откровенныхъ писаніяхъ, или также въ письменныхъ памятникахъ прежняго преданія, что въ позднѣйшее время, благодаря тщательной рефлексіи и при помощи Св. Духа, онѣ могутъ быть вызваны на поверхность сокровища и развиты изъ него, а затѣмъ съ полною рѣшительностію и опредѣленностію могутъ быть переданы потомству съ такимъ свидѣтельствомъ, которое будетъ имѣть полную силу и дѣйствіе» ²⁾.

Объясняя подробнѣе,—какимъ именно образомъ одна истина можетъ такъ заключаться въ другой, что впоследствии можетъ быть развита изъ нея, по крайней мѣрѣ, при посредствѣ другихъ истинъ, Шеебенъ утверждаетъ, что это бываетъ многоразличнымъ образомъ. Однѣ истины, какъ болѣе *общія*, заключаютъ въ себѣ другія, какъ истины *«частныя»*; однѣ истины имѣютъ значеніе *принципальное* (*principienhaften*), другія являются какъ ихъ *«произведенія или слѣдствія»*; однѣ истины суть истины *«сложныя»* (*complexen*), другія служатъ ихъ *«предположеніями или частями»*; истины *«практическія»* обуславливаютъ собою истины *«теоретическія»*, равно какъ и наоборотъ ³⁾. «Легко можно показать,—замѣчаетъ при этомъ Шеебенъ,—что, напр., содержаніе догматовъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи и непогрѣшимости Папы прежде ихъ опредѣленія заключалось уже въ другихъ догматахъ не только по одному изъ этихъ способовъ, но и по всѣмъ имъ» ⁴⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. Anm. 1. Срав. у Гейнриха стр. 44—45.

⁴⁾ Ibid.

Таково, въ существенныхъ своихъ положеніяхъ, ученіе Шеебена (равно и Гейнриха) о развитіи устнаго апостольскаго преданія въ преданіи церковномъ ¹⁾.

Другой католическій богословъ того же ультрамонтанскаго направленія—Перроне, хотя и не раскрываетъ этого ученія съ такою же подробностію и опредѣленностію, тѣмъ не менѣе со всею рѣшительностію высказываетъ главную основную мысль его. Именно,—онъ утверждаетъ, что извѣстное правило Викентія Лиринскаго, которое гласитъ: «in ipsa item catholica ecclesia magnopere curandum est, ut id teneamus, quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est» ²⁾, должно понимать только въ *положительномъ* смыслѣ, но отнюдь не въ *отрицательномъ*. Другими словами: по его мнѣнію, смыслъ этого правила только тотъ, что то, во что вѣровали вездѣ, всегда и всѣ, — то несомнѣнно происходитъ изъ апостольскаго преданія и потому вполне истинно; но никакъ нельзя сказать наоборотъ (non e converso), т. е.—что одно только это и происходитъ дѣйствительно изъ апостольскаго преданія и ничего болѣе, «такъ, чтобы уже нельзя было принять за догматъ вѣры католической церкви ничего такого, что принялось не всегда, не вездѣ и не всѣми» ³⁾. Такія разсужденія Перроне о смыслѣ указаннаго изреченія Викентія Лиринскаго необходимо заставляютъ думать, что и онъ держится той же самой теоріи развитія устнаго апостольскаго преданія, какую подробно развили позднѣйшіе богословы ультрамонтанскаго лагеря—Шеебенъ и Гейнрихъ.

Изъ представленнаго ученія ультрамонтанскихъ богослововъ о

¹⁾ Шеебенъ, хотя и не отождествляетъ понятія апостольскаго и церковнаго преданія, но и не допускаетъ раздѣленія одного отъ другаго (п. 197. Ср., Perrone, п. 422); поэтому, ученіе его о развитіи церковнаго преданія есть, собственно, ученіе о развитіи апостольскаго залога вѣры въ преданіи церковномъ (Ср. п. 206).

²⁾ Т. е. въ самой же католической церкви особенно должно заботиться намъ о томъ, чтобы содержать то, чему вѣрили вездѣ, всегда, всѣ. — Commonitor. 1, cap. II. См. Migne, Patrol. curs. compl. lat., tom. L., col. 640.

³⁾ Vol. IX. «De loc. theol.» p. 11, n. 419. Срав. vol. 1 «de vera Religione», p. 11, n. 56, not. 1. (Это разсужденіе Перроне почти буквально повторяется за тѣмъ и у Гейнриха, т. II, стр. 518).

развитія устнаго апостольскаго преданія съ непосредственною очевидностію выясняется упомянутое стремленіе ихъ—какъ можно болѣе расширить объемъ этого источника догматики. Къ апостольскому преданію—мы видимъ—у нихъ относятся не только тѣ истины, которыя составляли постоянный предметъ вѣрованія Христовой Церкви и неизмѣнно передавались въ ней изъ рода въ родъ отъ предковъ къ потомкамъ; но и такія истины, которыхъ прежде не было въ церковномъ сознаніи и которыя появились въ немъ уже въ позднѣйшія времена при посредствѣ разсудочной рефлексіи и различныхъ логическихъ построеній. Даже болѣе. Сюда относятся у нихъ и такія истины, которыя въ иное время даже положительно отвергались одною частію церкви, да и для другой части ея не составляли предмета твердой и рѣшительной вѣры,—лишь бы только эти истины были засвидѣтельствованы впоследствии органами, имѣющими рѣшающее значеніе въ дѣлѣ церковной вѣры.

А отсюда выясняется и другая тенденція богослововъ ультрамонтанскаго направленія, тенденція, которая вполнѣ обнаружилась еще въ ученіи ихъ о св. Писаніи, и въ частности—въ ученіи о многоразличныхъ смыслахъ его. Мы разумѣемъ, именно, чрезмѣрное возвышеніе власти церковной іерархіи въ ея *status quo*. Іерархіи, взятой въ какой-либо данный моментъ ея существованія, предоставляется здѣсь полное право объявить ту или другую истину, добытую посредствомъ рефлектирующаго мышленія, за истину, принадлежащую къ апостольскому преданію, хотя бы о существованіи этой истины не знала не только вся остальная послушающая церковь, но и самая іерархія предшествующаго времени.

Не трудно видѣть, что изложенная теорія развитія апостольскаго преданія должна имѣть весьма важное значеніе не только для католической догматики, но и для самаго догмата вообще. И дѣйствительно, значеніе ея для догматики ясно обнаруживается уже въ тѣхъ правилахъ, которымъ—по мнѣнію богослововъ, держащихся ея—долженъ слѣдовать догматистъ при употребленіи св.

Преданія, для успѣшнаго выполненія той или другой своей задачи ¹⁾. Значеніе же этой теоріи собственно для догмата опредѣляется тѣмъ, что на ней, именно, ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ основывается и ученіе о развитіи догмата; даже вѣрнѣе сказать: ученіе о развитіи свящ. Преданія непосредственно и съ логическою необходимостію переходитъ въ ученіе о развитіи самаго догмата. Впрочемъ, важное значеніе изложенной теоріи развитія свящ. Преданія вполнѣ раскроется для насъ уже впослѣдствіи, когда мы будемъ излагать именно ученіе католическихъ богослововъ о догматѣ, какъ преимущественномъ предметѣ догматической науки. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ лишь о томъ, правильно ли понимаютъ богословы—ультрамонтане свящ. Преданіе, поскольку это пониманіе ихъ выражается въ представленномъ ученіи о развитіи апостольскаго преданія въ преданіи церковномъ. Пробнымъ же камнемъ въ настоящемъ случаѣ пусть будетъ служить для насъ тотъ же отецъ западной церкви—Викентій Лиринскій, который, повидимому, пользуется у этихъ богослововъ полнымъ авторитетомъ ²⁾.

Чтобы получить прямой и опредѣленный отвѣтъ на поставленный вопросъ, для этого вполнѣ достаточно сравнить приведенныя разсужденія Шеибена о развитіи преданія посредствомъ «тщательной рефлексіи» (*sorgfältige Reflexion*), напр., съ слѣдующими немногими, но весьма рѣшительными и не допускающими перетолкованія, словами Викентія Лиринскаго: «Что такое Преданіе (*depositum*)?—То, что тебѣ ввѣрено, а не то, что ты выдумаешь,—дѣло не ума, но ученія (*non ingenii, sed doctrinae*), не частнаго обладанія, но всенародной передачи, дѣло, до тебя дошедшее, а не

¹⁾ См., напр., у Шеибена nn. 360—370, гдѣ богословъ сводитъ свои разсужденія къ тому общему правилу, что, въ силу извѣстныхъ законовъ развитія преданія, догматы въ своихъ традиціонныхъ доказательствахъ могутъ вполнѣ удовлетворяться древностію только относительною, такъ что требовать отъ него прямого проведенія вѣтъ преданія до самыхъ временъ апостольскихъ вовсе не слѣдуетъ....

²⁾ Перроне, напр., называетъ извѣстное произведеніе этого отца—*Commonitorium* «золотымъ» (*aureum*). — «*De loc. theolog., pars. III. n. 346, not. 2.*»

тобою открытое, въ отношеніи къ которому ты долженъ быть не изобрѣтателемъ, но стражемъ, не учредителемъ, но послѣдователемъ, не вождемъ, но ведомымъ.... Что тебѣ ввѣрено, то пусть и остается у тебя, то долженъ передавать и ты»¹⁾. Уже въ этихъ словахъ Викентія Лиринскаго явственно слышится осужденіе злобнаго взгляда католическихъ богослововъ на Преданіе. Но еще рѣшительнѣе и строже произносится приговоръ этому взгляду въ слѣдующихъ словахъ того же западнаго отца: «не могу довольно надивиться такому безумству нѣкоторыхъ людей, такому нечестію ослѣпленнаго ума, такой, наконецъ, страсти къ заблужденію, что не довольствуются однажды преданнымъ и издревле принятымъ правиломъ (*regula*) вѣры, но каждый день ищутъ новаго да новаго, и всегда жаждутъ прибавить что-нибудь къ религіи, или измѣнить въ ней, или отнять отъ нея. Какъ будто это не небесное ученіе (*dogma*), которому достаточно однажды быть открыту; но какъ будто это земное учрежденіе, которое не иначе можетъ усовершаться, какъ только безирестаннымъ исправленіемъ, вѣрнѣе же сказать—опроверженіемъ»²⁾. Если же Викентій Лиринскій такъ сильно возстаетъ противъ всякихъ новшествъ и измысленій въ области религіи, то не представляется достаточныхъ основаній къ тому, чтобы, согласно съ ультрамонтанскими богословами, понимать извѣстное правило этого учителя относительно всеобщности и постоянства истинъ вѣры только въ положительномъ смыслѣ, но

¹⁾ *Commonit. I. cap. XXII. Migne, Patrol. cursus completus, lat. t. L. col. 667.* Различіе и даже прямая противоположность между понятіемъ о Преданіи Викентія Лиринскаго и понятіемъ о немъ Шеибена обнаружится еще яснѣе и рельефнѣе, если съ приведенными словами перваго мы сопоставимъ въ частности слѣдующее замѣчаніе послѣдняго: «Преданіе выполняется не только чрезъ простое повтореніе полученнаго устнаго свидѣтельства, но и посредствомъ внимательнаго изслѣдованія и объясненія содержанія откровеннаго писанія и документовъ прежняго преданія, равно какъ и посредствомъ *самостоятельной богословской разсудочной дѣятельности*». п. 318.

²⁾ *Ibid. cap. XXI. col. 666.* Столь же ясно и рѣшительно высказывается Викентіемъ и еще во многихъ другихъ мѣстахъ, напр. *cap. XXVI: «in fide nihil innovandum»*; *cap. XXVII: «eadem tamen quae didicisti, doce ut, cum dicas nova, non dicas nova»*....

не въ отрицательномъ и положительномъ имѣетъ. Напротивъ, принимая во вниманіе общій духъ и направленіе «Памятныхъ записокъ» (*Commonitorium*) этого учителя, должно полагать, что авторъ ихъ, предписывая «содержать то, во что вѣровали вездѣ, всегда и всѣ», тѣмъ самымъ отрицаетъ апостольское достоинство у всякой новизны и совершенно исключаетъ изъ области апостольскаго преданія всякую истину, добытую въ позднѣйшее время посредствомъ различныхъ умствованій и логическихъ построеній.—Да и въ высшей степени странно было бы думать, будто Викентій Лиринскій въ своемъ произведеніи усиливается доказать только ту мысль, что то, во что вѣровали вездѣ, всегда и всѣ, несомнѣнно происходитъ изъ апостольскаго преданія. Этой очевидной истины не оспаривали и еретики, и доказывать ее было бы излишне. Напротивъ, по всему видно, что этотъ учитель церкви возстаетъ, именно, противъ тѣхъ еретиковъ, которые не желали ограничивать преданіе одними только всеобщими и постоянными истинами вѣры, но стремились расширить объемъ его продуктами своей разсудочной дѣятельности.

Въ свою очередь, не можетъ устоять предъ судомъ Викентія Лиринскаго и то стремленіе ультрамонтанъ придать безусловное значеніе сознанію учащей церкви въ данный моментъ ея существованія, которое такъ ясно обнаруживается въ изложенномъ ученіи ихъ о развитіи преданія. Конечно, Викентій хорошо знаетъ объ авторитетѣ соборовъ, епископовъ (*praepositi*); и, однако же, сказавъ объ этомъ въ гл. XXXII своего *Commonitorium*'а, онъ не довольствуется этою инстанціею, а показываетъ далѣе, какъ и самыя соборы должны оправдывать себя всеобщностію (*universitas*)—съ одной стороны, и древностію (*antiquitas*)—съ другой. Онъ снова возвращается къ пользованію св. Писаніемъ и вторично рекомендуетъ тѣ самыя инстанціи, о которыхъ говорилъ уже ранѣе (въ XXXIX гл., напр., указываетъ на *consensus Partium* и разсуждаетъ о томъ, какъ надобно изслѣдовать его). Такое кругообразное теченіе мысли Викентія имѣетъ свою причину, безъ сомнѣнія, въ томъ, что онъ отнюдь не хочетъ сдѣлать церковное сознаніе даннаго вре-

мени, какъ оно выражается въ представителяхъ церковной власти, послѣднею рѣшающею инстанціею. Напротивъ, самые соборы оныя пытаются ограничить двоякимъ образомъ: во первыхъ, соборъ долженъ опредѣлять въ догматѣ только главные пункты, дабы въ худшемъ случаѣ какое-либо частное мнѣніе (*privata opinio*) не оказалось санкціонированнымъ всею церковію; во-вторыхъ, церковь только завѣдуетъ преданнымъ ей чрезъ отцовъ залогомъ вѣры и только охраняетъ это свое исконное достояніе. Такимъ образомъ, учащая церковь (*ecclesia repraesentativa*) связывается въ своихъ догматическихъ опредѣленіяхъ необходимымъ согласіемъ древнихъ отцовъ, и въ этой-то *antiquitas* Викентій ищетъ охраны противъ произвола частнаго сознанія выдающихся церковныхъ силъ (каковою силою для его времени представлялся бл. Августинъ съ подозрительнымъ ученіемъ о предопрѣленіи).

Слѣдуетъ добавить, что не только Викентій Лиринскій, но и вообще вся древняя церковь чуждалась отождествленія непогрѣшенной церкви съ клиромъ, или еще частнѣе—съ епископатою. Тѣмъ болѣе ужь не было извѣстно ей ультрамонтанское разрѣшеніе христіанской церкви просто въ личность,—въ личность папы.. Въ истинно-православной церкви,—какъ выражаются восточные архипастыри въ извѣстномъ своемъ «Обружномъ посланіи»,—«ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что *хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ*, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцовъ его» (стр. 37). Въ томъ же смыслѣ учить и нашъ Катихизисъ, когда на вопросъ: «Есть ли вѣрное хранилище священнаго преданія?» даетъ такой отвѣтъ: «*Всѣ истинно вѣрующіе, соединенные священнымъ преданіемъ вѣры, совоулно и преемственно, по устроенію Божію, составляютъ изъ себя Церковь, которая и есть вѣрное хранилище священнаго преданія*» ....

Извративъ, такимъ образомъ, истинное понятіе о священномъ преданіи и его хранилищѣхъ—Церкви, богословы-ультрамонтане естественно, стали находить это преданіе даже тамъ, гдѣ на са-

---

момъ дѣлѣ его нѣтъ, да и искать нельзя. Это всего яснѣе обнаруживается въ ихъ ученіи о такъ называемыхъ посредствахъ или проводникахъ Преданія. Къ изложенію этого-то ученія мы теперь и переходимъ.

А. Шосткинъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПАДНАА СРЕДНОВѢКОВАА ЖИСТИКА

И

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Спекулятивно-реформаторская мистика.

I.

(Продолженіе *).

Стремленіе оправдать католическую церковную практику не менѣе ясно проглядываетъ въ этическихъ воззрѣніяхъ Тома Аквината, какъ и въ догматическихъ. Онъ особенно заботится о разграниченіи Евангельскихъ совѣтовъ (*consilia*) отъ положительныхъ христіанскихъ заповѣдей (*praescepta*) съ явнымъ намѣреніемъ обосновать принципиально теорію о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ (*merita supererogationis*). Евангельскія совѣты, въ отличіе отъ заповѣдей, понимаются какъ такіа правила, которыя не могутъ быть признаны безусловно необходимыми для спасенія, обязательными *для кого бы то ни было*, а потому и исполненіе того, или другаго совѣта, какъ необязательнаго, составляетъ сверхдолжную заслугу ¹⁾. Къ такимъ необязательнымъ нравственнымъ правиламъ преимущественно отнесены Евангельскіе совѣты о нищетѣ,

---

*) См. жур. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 12.

¹⁾ Est quaedam mensura homini adhibita, quae ab eonequitur scilicet impletio mandatarum. Dei et superea potest aliquid erogare, ut satisfaciat. Summa theologiae tertiae partis. Qu. XIII art. 1.

о дѣвствѣ, о полномъ самоотреченіи ¹⁾. Очевидно, что уже въ этомъ случаѣ схоластикъ моралистъ произвольно суживаетъ возвышенное христіанское ученіе о широтѣ нравственнаго закона и его общей обязательности (Лук. 18, 10): явно противорѣчитъ требованію священнаго Писанія о достиженіи найвысшаго совершенства путемъ выполненія евангельскихъ обѣтовъ, соотвѣтственно съ природнымъ призваніемъ каждаго (Мат. 19, 11--21). Но Тома Аквинатъ идетъ далѣе: исходя изъ общаго положенія о превосходствѣ закона Евангельскаго предъ Ветхозавѣтнымъ нравственнымъ закономъ, какъ закона духа и свободы, чрезмѣрно расширяетъ понятіе о Евангельскихъ совѣтахъ, включая въ число ихъ всѣ тѣ частныя добродѣтели, которыя общимъ нравственнымъ закономъ точно не опредѣляются, но соединяются съ особымъ напряженіемъ воли, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Милостыня, подаваемая въ извѣстное время бѣдному въ большемъ количествѣ, чѣмъ слѣдовало, добровольное отреченіе отъ дозволеннаго удовольствія, — отъ какого-нибудь намѣренія, или дѣла, вслѣдствіе высшихъ религіозно-нравственныхъ мотивовъ, получаютъ у схоластика характеръ такихъ добродѣтелей, которыя превышаютъ общеобязательныя требованія нравственнаго закона и являются чѣмъ-то сверхдолжнымъ ²⁾. Чрезмѣрное расширеніе понятія о Евангельскихъ совѣтахъ доходитъ у Тома Аквината даже до того, что любовь ко врагамъ, заповѣданную Спасителемъ, онъ не признаетъ такою общеобязательною заповѣдію, которая необходимо должна была бы выполняться каждымъ во всѣхъ частныхъ случаяхъ. По искусственному толкованію схоластика, любовь ко врагамъ, хотя и, оставляетъ высшую христіанскую добродѣтель, но она необходима въ смыслѣ приготовленія души ко спасенію (*praeparatio animi ad Salutem*) и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, можетъ быть названа обязательнымъ правиломъ (*praescriptum*). Но эта же добродѣтель въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть не обязательною и потому имѣетъ значеніе (относительное), какъ

1) *Theol. prima secund. du, 103 art. 4.*

2) *Baur, Christliche Kirche des Mittel. 428.*

частный совѣтъ (*consilium particulare*)¹⁾. Приспособленіе этического ученія къ католической практикѣ доходить у Θ . Аквината до оправданія положительныхъ пороковъ, или нравственныхъ недостатковъ, проявлявшихся въ общественной жизни современнаго средне-вѣковаго общества. И предъ нами совершается странная метаморфоза, возможная только въ сферѣ католичества: богословъ, возвышающійся въ догматическихъ воззрѣніяхъ до крайняго ригоризма и даже до фанатизма (на сколько это необходимо для поддержанія ученія, освященнаго папствомъ)—въ нравственно-практическихъ воззрѣніяхъ незамѣтно спускается до антиномизма (противозаконности). Такъ Θ . Аквинатъ оправдываетъ ростовщичество, осуждаемое Богооткровеннымъ ученіемъ, выраженнымъ въ священномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта (Исх. 22, 25; Втор. 23; 19, 20; Псал. 14, 15; Іез. 19, 1. 5. 8. 9. 23. ср. 1 Кор. 6, 10) только потому, что оно попускается гражданскими законами и можетъ соединяться у того, или другаго частнаго лица съ нравственными цѣлями. Ростовщикъ можетъ брать деньги на проценты, если только онъ преслѣдуетъ не одни свои личныя цѣли, но и цѣли нравственныя²⁾. Въ театральныхъ зрѣлищахъ, въ балаганномъ ремеслѣ и фокусничествѣ, которыя, какъ извѣстно, въ средніе вѣка стояли крайне низко, такъ что далеко не могли удовлетворять возвышеннымъ эстетическимъ потребностямъ безъ ущерба для нравственности, Θ ома Аквинатъ не видитъ ничего предосудительнаго. Онъ не признаетъ предосудительнымъ, если извѣстныя лица посвящаютъ себя забавѣ другихъ фиглярствомъ, разсуждая объ этомъ такъ. «Шутка и смѣхъ составляютъ элементы счастливой жизни, а потому должны существовать люди, поставляющіе своимъ назначеніемъ развлекать

1) Neonder, *Alg. Geschichte der Religion und Kirche* B. VIII, 305.

2) *Leges humanae dimittunt aliqua peccata impunita propter conditiones hominum imperfectorum, in quibus multae utilitates impedirentur; si omnia peccata districte prohibentur poenis adhibitis. Et ideo usuras lex humana concessit, non quasi existimans eas esse secundum justitiam, sed ne impedirentur utilitates multorum... Nullo modo licet inducere aliquem ad mutuandum sub usuris, licet tamen ab eo, qui hoc paratus est facere et usuras exercet, mutuum accipere sub usuris propter aliquod bonum, quod est subventio suae necessitatis vel alterius.* *Summa theol. Sec. Sec. 78 art. 1—art. 4.*

и увеселять другихъ. Фигляры и шутники (*histriones et joculariores*), если не переходятъ извѣстныхъ границъ, живутъ честно, по временамъ подаютъ милостыню, могутъ быть даже поощряемы въ своихъ занятіяхъ. Не слѣдуетъ считать за грѣхъ ихъ поощреніе искусству¹⁾. Средневѣковые суевѣрные обычаи, состоящіе въ опредѣленіи судьбы по жребію, ордалин, состоящія въ поединкахъ, въ испытаніи огнемъ и горячею водою, не признаются за что нибудь недозволенное, если соединяются съ благоговѣніемъ предъ Божественнымъ Промысломъ²⁾. Вообще же мы не впадемъ въ преувеличеніе дѣла, если существенною характеристическою особенностію этики *Томы Аквината* признаемъ тенденціозное приспособленіе ея къ католической церковной и даже житейской практикѣ, заключающее пониманіе нравственнаго ученія христіанства во всей его идеальной широтѣ.

Иными особенностями отличается богословствованіе *Дунса Скотта* (1274—1308), соперника *Томы Аквината*. Онъ ясно сознаетъ необходимость отдѣленія теологіи отъ философіи. Цѣль богословія *Дунсъ Скоттъ* поставляетъ не столько въ расширеніи знанія, сколько въ содѣйствіи къ достиженію спасенія. Богословіе, поэтому, является, съ точки зрѣнія *Дунса Скотта*, наукою практическою въ отличіе отъ философіи, какъ науки теоретиче-

¹⁾ *Ludus est necessarius ad conversationem humanae vitae. Ad omnia autem quae sunt utilia conversationi humanae, deputari possunt aliqua officia licita, et ideo etiam officium histrionum, quod ordinatur ad solatium hominibus exhibendum non est secundum se illicitum, nec sunt in statu peccati, dummodo moderate ludo utantur. Sec. sec. qu. 168 art. 3.*

²⁾ *Sec. sec. qu. 95 art. 8.*

³⁾ *Es ist so überhaupt die charakteristische Eigenthümlichkeit dieser Sittenlehre, das sie nicht bloß die Kirchlichen Grundsätze und institute als die leitende Norm für das sittliche Urtheil betrachteth, sondern sich auch sonst so viel möglich an die bestehende Sitte zu accomodiren sucht. Sie kann dabei nur von der Voraussetzung ausgehen, das je allgemeinen gewisse Errscheinungen des sittlichen Lebens sind, um so mehr auch auzunehmen ist, das sie in der Natur des Menschen selbst ihre sittliche Berechtigung haben werden. Die sittenlehre wird so im Grunde zu einer Klugheitslehre, die es dem sittlichen Bewusstsein zur Aufgabe macht sich über das was einmal ist und sich so leicht nicht ändern lässt, auf Kluge und Ferständige Weise zu verständigen, und man versteht es soerst recht, was es bei *Thomas* zu bedeuten hat, wenn er die Klugheit für die erste aller Tugenden erklärt. Baur, die chricht. Kirche in Mittel. s. 435.*

ской Преставляется даже сомнительнымъ, можно ли признавать богословіе наукою, такъ какъ главныя положенія вѣры не могутъ быть строго доказаны. Такимъ образомъ, міросозерцаніе Дунса Скотта получаетъ супранатуралистическій характеръ: всѣ важнѣйшія догматическія истины основываются на вѣрѣ, получаютъ свою силу въ Божественномъ Откровеніи и Церковномъ Преданіи. Въ дѣйствительности, однако, Дунсъ Скоттъ не остается вѣренъ своему супранатурализму. При всемъ уваженіи къ авторитету, онъ смѣло и свободно старается обнять путемъ логической рефлексіи догматическое ученіе ¹⁾. Онъ, подобно своимъ предшественникамъ, отвлекается въ своихъ богословскихъ разсужденіяхъ отъ положительной почвы Богооткровенія и вращается въ абстрактномъ мірѣ схоластической діалектики, почему иногда склоняется къ тому же разсудочному раціонализму. Уже въ общемъ воззрѣніи на Божество Дунса Скотта проглядываетъ традиціонный недостатокъ схоластики—стремленіе къ искусственному раздѣленію свойствъ Божественныхъ и отрѣшеніе ихъ отъ единства Божественной Сущности. Отстаивая то положеніе, что приписываемыя Богу свойства не суть только произведенія личной мысли нашей, или только обозначенія дѣйствій Божіихъ въ отношеніи къ міру, а дѣйствительно существуютъ въ Немъ, Дунсъ Скоттъ идетъ такъ далеко, что признаетъ ихъ существующимъ, какъ отличныя и отдѣльныя формы *Ergo* (*diferentiae reales, diferentiae rationis rationatae, quae habent fundamentum in re*). Какъ отдѣльныя силы и свойства рѣзко разграничиваются между собою и лишаются субстанціального единства, такъ это же разграниченіе свойствъ и отрѣшеніе ихъ отъ единой сущности переносится и на Божество. Основаніемъ для такого вывода служитъ то положеніе, что формальное различіе свойствъ, замѣчаемое въ духѣ человѣческомъ, не должно утратить своей силы, если мы будемъ возвышаться отъ конечнаго къ бесконечному и потому должно быть перенесено на Божество ²⁾. Нигдѣ діалектика Дунса Скотта не проявляется

¹⁾ Real. Encyclop. Herzog. XIII. 686.

²⁾ Quaestiones in lib. IV Sententiarum. Lugd. 1639, t. 1, in sententia dist. 8 qu. 4. Dogmeng., Schwane 130.

въ такой степени, какъ въ уясненіи антропологическихъ и сотеріологическихъ вопросовъ и здѣсь явно пзвращается Богооткровенное ученіе въ пелагіанскомъ смыслѣ, даже съ болшею опредѣленностію, чѣмъ въ сочиненіяхъ Θомы Аквината. Дунсъ Скоттъ не отличаетъ существенно состоянія перваго человѣка до грѣхопаденія отъ послѣдовавшаго за грѣхопадениемъ. Правда, онъ допускаетъ возможность, что Богъ въ силу всемогущества могъ бы создать человѣка въ чистой натуральности (*in puris naturalibus*) и безъ склонности къ смерти. Но въ дѣйствительности этого не было. Природѣ перваго человѣка принадлежала чувственность и склонность къ смерти, но эти недостатки не обнаруживались, вслѣдствіе воздѣйствія на нее сверхъестественной благодати. Благодать, подобно всаднику, или уздѣ сдерживала и упорядочивала саму по себѣ дикую и беспорядочную природу человѣка и какъ внѣшній придатокъ (*superaditum*) порождала первобытную праведность (*justitia originalis*)¹). Грѣхъ прародительскій состоялъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ одномъ сверженіи съ себя узды божественной благодати, слѣдствіемъ чего было лишеніе первобытной правды (*justitiae originalis*), но онъ при этомъ не сопровождался лишеніемъ должной правды (*justitiae debitae*) и потому не состоялъ во внутренней грѣховной порчѣ природы (*vulneratio naturae*)²). И Дунсъ Скоттъ съ такою рѣшительностію въ пелагіанскомъ смыслѣ отрицаетъ внутреннее поврежденіе человѣческой природы послѣ грѣхопаденія, что позволяетъ себѣ категорически утверждать, будто натуральныя силы человѣка послѣ грѣха остаются столь же цѣлыми, какъ и прежде³). Если въ природѣ человѣка возни-

1) *Quaestiones reportatae in IV lib. sententiarum XI t., 2, dist. 29 qu. 2 Schwane, Dogmengesch. s. 392.*

2) *Dico igitur, quod peccatum originale, quod est carentia justitiae originalis, non est carentia justitiae debitae. In Sent. 2, dist. 22 n. 8. Schwane 412.*

3) *Naturalia manent post peccatum integra sicut ante Repart. 2 dist. 29 qu. 2, schol. 2. Schwane 392.* Заслуживаетъ вниманія, что послѣдователи Дунса Скотта признавали сомнительнымъ, чтобы природа перваго человѣка въ состояніи первичности была неповрежденна, какъ это видно изъ опровергаемаго ими въ полемикѣ съ Θомистами вопроса. *an homo in statu iannocentiae uisset simpliciter incorruptibilis Real.—Encyclop., Herzog B. III—554*

каеть похоть, то она есть явленіе натуральное и относится, притомъ, къ чувственной, а не къ духовно-нравственной области, не содержитъ въ себѣ ничего испорченнаго, или грѣховнаго ¹⁾. Изъ ученія о неповрежденности природы человѣка послѣ грѣхопаденія дѣлается Дунсомъ Скоттомъ выводъ о непорочномъ зачатіи Богоматери, вслѣдствіе изліянія на Нее преизбыточествующей благодати въ самый моментъ ея зачатія ²⁾. Съ небольшою опредѣленностію открываются темныя стороны богословствованія Дунса Скотта въ ученіи объ искупленіи. Дѣло искупленія, совершенное Іисусомъ Христомъ, не поставляется схоластикомъ въ должную связь съ исторіею Божественнаго Домостроительства о спасеніи человѣка. Опуская изъ виду безпредѣльность вины падшаго человѣка предъ Богомъ и глубину внутренней порчи человѣческой природы, послѣдовавшей за грѣхопаденіемъ, Дунсъ Скоттъ предполагаетъ, что Богъ, въ силу Своей абсолютной свободы, могъ бы оставить грѣхъ безъ удовлетворенія, или что удовлетвореніе, совершенное инымъ способомъ, при дѣйствіи всемогущества Божія, также могло бы имѣть предъ Богомъ цѣну, соответствующую винѣ падшаго человѣка, какъ и Голгофская жертва, принесенная за грѣхи міра Спасителемъ. Дѣла любви, совершенныя Ангеломъ, или человѣкомъ, могли бы по благодати Божіей служить достаточными средствами для удовлетворенія Богу за вину перваго человѣка. Самое дѣло искупленія, совершенное Іисусомъ Христомъ, понимается односторонне. Все служеніе Спасителя, съ Его безпредѣльнымъ униженіемъ и Крестнымъ страданіемъ, признается только достаточно соответствующимъ (*congruens*), но не безусловно необходимымъ средствомъ для удовлетворенія за грѣхи; само по себѣ страданіе Христово, какъ происшедшее изъ воли человѣческой, имѣло только конечную заслугу; но любовь Божія приняла эту жертву какъ выкупъ за грѣхи человѣка и только это даровое принятіе (*gratuita acceptatio*) даетъ ему его достоин-

1) Jn. Sent. lib. II. dist. 22, 30—32.

2) Jn. Sent. 3 dist. 3 qu. 1 Schwane, Dogmeng. 425—426.

ство ¹⁾. На таинства Дунсъ Скоттъ проводитъ механическое воззрѣніе, оцѣнивая въ нихъ только объективную сторону. Таинство, по его ученію, сообщаетъ благодать въ силу *operis operati*, такъ что для того, чтобы заслужить благодать, не требуется доброе внутреннее настроеніе, но достаточно, чтобы приступающій къ нему не полагалъ съ своей стороны препятствія ²⁾. Частныя особенности въ совершеніи таинствъ, допущенныя католическою церковію, Дунсъ Скоттъ оправдываетъ, какъ и его предшественникъ Тома Аквинатъ, съ которымъ онъ въ этомъ отношеніи вполне согласенъ. Такое же согласіе между главнѣйшими представителями схоластики замѣчается во взглядѣ на папство. Непогрѣшимость папы, съ точки зрѣнія Дунса Скотта, также не можетъ подлежать сомнѣнію, какъ и святость церкви. Постановленія папы имѣютъ совершенно одинаковое значеніе съ постановленіями Вселенскихъ соборовъ и восполняютъ то, что неявно выражено въ Священномъ Писаніи. Въ ученіи о таинствахъ Дунсъ Скоттъ часто ссылается на авторитетъ папы для того, чтобы оправдать различныя незаконныя нововведенія ³⁾.—Если Тома Аквинатъ и Дунсъ Скоттъ въ своемъ богословствованіи не всегда успѣваютъ возвыситься надъ раціонализмомъ, то другіе схоластикъ еще съ большею рѣшительностію склоняются къ нему.

Въ этомъ отношеніи особенно видное мѣсто занимаетъ въ разсматриваемый нами періодъ времени *Раймундъ Луль* (1235—1315), который во многихъ свободныхъ богословскихъ воззрѣніяхъ сближается съ Абельардомъ, хотя, подобно послѣднему, не отрѣшается отъ общаго традиціоннаго схоластическаго направленія. Раймундъ Луль разрушаетъ границы, отдѣляющія область сверхъ-естественнаго отъ естественнаго и истины вѣры совершенно включаетъ въ область раціональнаго знанія—такъ однако, что этимъ думаетъ ихъ не подорвать, а усилить и утвердить. Онъ старается доказать *à priori*

¹⁾ Schwane, Dogmeng. s. 330.

²⁾ Sacramentum ex virtute operis operati confert gratiam, ita quod non requiritur ibi bonus motus interior, qui mereatur gratiam, sed sufficit, quod suscipiens non ponat obicem. Sent. lib. IV, dist. 1 qu. 6. Real.-Encycl. Herzog XIII—251.

³⁾ Schwane, Dogmengeschichte. 551.

истинность всего содержанія божественнаго Откровенія, не исключая и такого рода тайнъ, какова тайна о Троичности Лиць въ Божествѣ. Цѣлью своею онъ поставляетъ не только показать согласіе догматическихъ истинъ съ началами разума, но также ихъ абсолютную раціональную необходимость. Вѣрѣ приписывается только то значеніе, что она предварительно сообщаетъ извѣстныя истины, въ ихъ фактической достовѣрности, но, при тщательныхъ изслѣдованіяхъ, она должна утратить свое значеніе и уступить мѣсто знанію. Вѣра и знаніе — это двѣ различныя функціи человѣческаго вѣденія: по нимъ, какъ по двумъ ступенямъ лѣстницы, человѣкъ достигаетъ горы истины. Это два перемѣняныя кольца въ одной цѣпи, при помощи которыхъ человѣкъ возвышается къ постиженію божественной истины и знаніе, во всякомъ случаѣ, является средствомъ, восполняющимъ недостатки вѣры. Знаніе безъ вѣры не можетъ совершенно обойтись, такъ какъ оно нуждается въ фактахъ, представляющихъ матеріаль для него, но коль скоро эти факты даны, безусловная необходимость вѣры падаетъ. Нужда въ ней ослабѣваетъ постепенно по мѣрѣ того, какъ возвышается и крѣпнеть знаніе. Вѣра уподобляется маслу въ сосудѣ, наполненномъ водою: оно тѣмъ выше поднимается, чѣмъ ниже опускается вода. Неудивительно, что примѣненіе такого раціональнаго метода къ богооткровенному ученію повело Раймунда Лула, неожиданно для него самого, ко многимъ отрицательнымъ выводамъ, которые и были осуждены папою Григоріемъ XI въ 1376 году ¹⁾.

Разсудочно-раціоналистическое направленіе схоластики вызвало сильное противодѣйствіе ей со стороны *Вильгельма Оккама* (1347). Заслуга послѣдняго заключается въ томъ, что онъ, пользуясь тѣмъ-же діалектическимъ методомъ, которымъ располагали схоластики, показалъ невозможность «силою силлогизма обнять Божество» ²⁾. Но, противодѣйствуя одностороннему направленію схоластики, Вильгельмъ Оккамъ впа-

¹⁾ Важнѣйшія сочиненія Раймунда Лула: *Liber de quatuordecim articulis fidei; Disputatio Fidelis et Infidelis*. Dogmeng. Schwane. 86.

²⁾ Schwab, Johannes Gerson 274, Würzburg 1858.

даетъ въ другія крайности. Онъ приходитъ къ скептическому выводу о невозможности какого бы то ни было примѣненія приѣмовъ раціональнаго мышленія къ уясненію догматовъ. Логическіе приѣмы могутъ имѣть значеніе въ обобщеніи того знанія, которое основывается на эмпирическомъ наблюденіи, но за предѣлами его, въ области сверхчувственной, они совершенно неумѣстны: здѣсь всѣ сужденія, или одинаково истинны, или одинаково ложны, притомъ, вслѣдствіе полной противоположности сверхчувственнаго естественному, не возможенъ никакой переходъ отъ послѣдняго къ первому. Сомнѣніе во всякомъ знаніи, добытомъ путемъ раціональнымъ въ области теологіи—вотъ плодъ, принесенный схоластикомъ въ лицѣ Вильгельма Оккама. Этотъ скептицизмъ вноситъ разрушительные элементы въ схоластическую теологію. Выработанныя схоластикомъ доказательства важнѣйшихъ догматовъ подвергаются Оккамомъ рѣзкой критикѣ, причемъ онъ обнаруживаетъ необыкновенную пропію по отношенію къ диалектической софистикѣ, выставляя на видъ нѣкоторыя двумысленныя схоластическія выраженія ¹⁾. Однако, новаго пути для богословской науки Вильгельмъ Оккамъ не пролагаетъ. Главнѣйшими руководительными началами въ области вѣроченія онъ признаетъ Библію и Церковное Преданіе, понимаемое въ традиціонномъ католическомъ смыслѣ. Вѣра въ то, что не можетъ быть доказано, но основывается на незыблемомъ авторитетѣ, признается главнѣйшею заслугою человѣка ²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что схоластика и послѣ Оккама не могла возродиться. Скептическое отношеніе Оккама къ выводамъ, добытымъ схоластикомъ въ теологіи, вслѣдствіе крайняго примѣненія къ ней философіи, повело, правда, къ тому, что послѣдующіе схоластики усиливаютъ осторожность въ пользованіи ею, но это опять болѣе примѣнимо къ реальному содержанію философіи, чѣмъ къ формальной сторонѣ ея. Аристотель по прежнему сохраняетъ свой авторитетъ въ теологіи

¹⁾ Ibid. 288.

²⁾ Ibid. Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie II th. 223. Berlin 1873.

съ тою особенностію, что теперь усложняется трудъ въ руководствѣ началами его философіи, такъ какъ, согласно съ выраженнымъ заключительнымъ положеніемъ Оккама, вся задача богослововъ направляется къ тому, чтобы отстоять то, что основывалось на авторитетѣ Церкви и что уже выяснено было главными корифеями схоластики. Потому богословская наука въ концѣ среднихъ вѣковъ утрачиваетъ на Западѣ всякую оригинальность. Она строго охраняетъ традиціонныя воззрѣнія, высказанныя выдающимися представителями схоластики, которыми оправдывались католическіе догматы и учрежденія. По сознанию даже современныхъ католическихъ богослововъ, схоластическая теологія превращается теперь въ безжизненную мумію, заключенную въ мертвящія формы Аристотелевской діалектики ¹⁾. Можно было разсуждать о догматахъ и положительно и отрицательно (*Sic et non*), но не иначе какъ подъ условіемъ окончательнаго подчиненія единоличному авторитету Церкви, выраженіемъ котораго служило папство. Софистическій пробабиллизмъ и казуистика не могли быть предосудительны въ области богословской, если ими въ основѣ не отрицалось то, что служило достояніемъ католической церкви. Узкое поле для богословской науки, ограниченное опредѣленными внѣшними рамками, было причиною скудости реальнаго содержанія и чрезмѣрнаго преобладанія надъ нимъ внѣшней формальной стороны. Богословамъ оставалось проявлять необыкновенную изворотливость въ подборѣ различныхъ формальныхъ доказательствъ для подтвержденія извѣстной истины. Всякій догматъ разлагался на составныя части и, такъ сказать, растягивался на прокрустовомъ ложѣ аристотелевской діалектики. По поводу каждаго догмата возбуждались вопросы о сущности, или бытіи, о формѣ и матеріи, о мысленной и реальной возможности. Тутъ было мѣсто для различныхъ частныхъ апріорныхъ возраженій, для курьезныхъ вопросовъ (*quaestiones curiosae*), которые заставляли придумывать опроверженія и рѣшенія. Нечего и говорить о томъ, что при такомъ узко-фор-

¹⁾ Schwane, *ibid.* 94.

мальномъ методѣ богословская наука лишалась органическаго единства; самыя возвышенныя христіанскіе догматы утрачивали свою жизненность и плодотворность въ нравственно-практическомъ отношеніи. Если припомнимъ при этомъ тотъ варварскій латинскій языкъ, на которомъ были написаны сочиненія позднѣйшихъ схоластиковъ, то для насъ будетъ вполне ясно, что они не могли быть доступны даже для передоваго свѣтскаго класса западно-европейскаго общества.

Но чѣмъ болѣе вырождавшаяся схоластика въ одностороннее разсудочно-діалектическое направленіе, оторванное отъ жизни, тѣмъ естественнѣе усиливалась реакція со стороны мистики, которая теперь получала спекулятивно-реформаторское направленіе. Сравнительное сопоставленіе схоластики и мистики даетъ намъ возможность видѣть, что по своимъ особенностямъ онѣ теперь представляютъ еще большую противоположность, чѣмъ прежде. Если схоластика религіозную истину старалась искусственно подкрѣпить объективнымъ внѣшнимъ авторитетомъ (положеніемъ ли Аристотеля, или единоличнымъ папскимъ опредѣленіемъ), то мистика выставляла на видъ необходимость непосредственнаго *личнаго* отношенія къ истинамъ вѣры, которое можетъ быть свойственно каждому человѣку и которое должно устранять зависимость отъ всякаго внѣшняго авторитета. Если схоластика возвышала объективное значеніе внѣшнихъ церковныхъ средствъ, ведущихъ ко спасенію, до того, что оправдывала религіозный формализмъ: то мистика совершенно отрицала значеніе Церковныхъ средствъ, даже имѣющихъ основаніе въ священномъ Писаніи и древне-вселенскомъ Преданіи; дѣло спасенія признавала дѣломъ Божиимъ, совершающимся въ душѣ человѣка, подъ вліяніемъ мистико-аскетическаго процесса. Вообще же, новая мистика думала спасти вѣрующаго отъ крайностей схоластики, чрезъ обращеніе его во внутреннее существо духа, какъ органъ непосредственнаго общенія съ Богомъ, а всѣ внѣшнія Церковныя средства не только не признавала благоприятными условіями, но даже считала препятствіями на пути ко спасенію. Центръ мистики переносится теперь изъ Франціи въ Германію. Мистика теперь, какъ и прежде, развивается и въ научной сфе-

рѣ, какъ особое цѣльное міросозерцаніе, и въ жизни—въ практической популярной формѣ. Обращая вниманіе на особенности научной нѣмецкой теософіи, развивающейся въ XIV в., мы видимъ въ ней болѣе строгую послѣдовательность, чѣмъ какая заключается въ Церковной романской мистикѣ. Это происходитъ, съ одной стороны, отъ національных особенностей самихъ мистиковъ, больше склонныхъ къ возвышенной спекуляціи, а съ другой, отъ болѣе строгаго примѣненія къ ней основнаго субъективно-теософскаго метода. Сущность этого метода поставляется въ идеальномъ созерцаніи, присущемъ разуму и возбуждаемомъ экстатически до высшаго озаренія, признаваемого цѣлесообразнымъ способомъ познанія религиозной истины и достиженія спасенія. Методъ этотъ до извѣстной степени проводился и Церковными мистиками, но онъ преимущественно умѣрялся разсудочнымъ рефлексомъ, почему мистики оставались вообще вѣрны ортодоксальному направленію, а по мѣстамъ мало въ своихъ воззрѣніяхъ отрѣшались отъ схоластики. Что касается до позднѣйшихъ средневѣковыхъ мистиковъ, то мы видимъ, что, слѣдуя этому методу, они излагаютъ цѣльныя теософскія системы, задача которыхъ заключается въ объединеніи познающаго и познаваемаго, мысли и бытія, конечнаго и безконечнаго ¹⁾. Отсюда примѣненіе теософскаго субъективнаго метода къ богословскому міросозерцанію сообщаетъ послѣднему пантеистическій характеръ. Онъ также приводитъ къ идеѣ объ общемъ священствѣ, къ отрицанію Церкви и церковнаго устройства, къ отрицанію добрыхъ дѣлъ и вообще къ одностороннему спиритуализированію христіанства. Въ самой внѣшней формѣ новыхъ теософскихъ сочиненій замѣчается значительная особенность. Тогда какъ

¹⁾ Мистики XIV вѣка,—говоритъ Гегель,—были, по большей части, люди набожные, надѣленные богатымъ умомъ; они обыкновенно слѣдовали въ области философской традиціи неоплатоническимъ, подобно Скотту Эригенѣ. У нихъ можно находить истинное философствованіе (*ächter philosophiren*), вмѣющее видъ мистицизма, возвышающагося до идеи о единеніи души съ Богомъ и представляющаго величайшее сходство съ Спинозизмомъ (*Geschichte der Philosophie*, Hegel III, 174. Berlin. 1844. Iundt, *Histoire, du Pantheisme populaire au moyen Age et au siziem siecle*. Paris 1875 p. 91.

научныя произведенія церковныхъ мистиковъ писались на латинскомъ языкѣ, доступномъ преимущественно для ученыхъ, сочиненія нѣмецкихъ мистиковъ пишутся на языкѣ нѣмецкомъ, въ формѣ проповѣдей и потому легко распространяются въ простомъ народѣ. Не безъ основанія, потому, нѣмецкіе мистики называются, съ одной стороны, праотцами (Erzvater) нѣмецкой философіи, по глубинѣ своей спекуляціи, а съ другой стороны миннезингерами (Minnesingere) нѣмецкой прозы, по возвышенности, а вмѣстѣ и простотѣ того языка, на которомъ написаны ихъ сочиненія ¹⁾.

Главнымъ представителемъ нѣмецкаго мистицизма былъ мастеръ *Эккартъ* († 1327). Онъ родился около 1260 года въ Тюрингіи, или въ Страсбургѣ. Точныхъ свѣдѣній о жизни его мы не имѣемъ ²⁾. По всей вѣроятности, на тридцатомъ году своей жизни, около 1290 г., онъ поступилъ въ Эрфуртскій Доминиканскій монастырь. Тогда Доминиканскій орденъ пользовался въ Германіи особенною славою. Между тѣмъ какъ доминиканцы романскихъ странъ заявляли себя преимущественно ревностною защитою папскихъ интересовъ и фанатическимъ преслѣдованіемъ еретиковъ, нѣмецкіе доминиканцы усердно занимались наукою, склонялись къ мистицизму, равнодушно относились къ сектантамъ, возстававшимъ противъ католичества и потому не безъ основанія навлекали на себя подозрѣніе со стороны папъ въ неправовѣріи ³⁾. Въ этомъ орденѣ Эккартъ получилъ необыкновенно-широкое богословское образованіе, которое было имъ довершено слушаніемъ уроковъ въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, принадлежавшихъ Доминиканскому ордену. Въ Парижѣ около

¹⁾ Böhringer. Die Kirche Christi 1878. B. XVIII. 10. 1878.

²⁾ Герресъ въ свое время называлъ Эккарта, по его малоизвѣстной таинственной жизни, мнѣческой личностію. Въ позднѣйшее же время Круммель, восхищающійся ученіемъ Эккарта съ своей протестантской точки зрѣнія, выражаетъ сожалѣніе, что біографическія данныя, знакомящія съ его жизнію—судны и пегочны, почему позволеть себѣ приравнять кощунственно нѣмецкаго теософа къ Мелхиседеку. Der Beweis des Glaubens Monatschrift Elften Band. Güterloh 1875 г. b. 449. Görres, Christliche Mystik B. 1. Regensb. 1836.

³⁾ Preger, Geschichte der deutschen Mystik im Mittelaltern 1. Theil 326 Leipzig 1874.

1303 года онъ получилъ степень доктора теологiи. Съ этого времени Эккартъ сталъ выполнять разнаго рода порученiя и занималъ важныя административныя должности. Не смотря на то, что во время борьбы между Бонифаціемъ VIII и Филиппомъ IV, Эккартъ вмѣстѣ съ профессорами парижскаго университета принялъ сторону короля, онъ не только не вызвалъ противъ себя особыхъ преслѣдованiй со стороны папства, но даже, какъ человѣкъ, извѣстный своею ученостію и строгою аскетическою жизнію, былъ возведенъ въ должность пріора Саксонiи (1303). Особеннымъ знакомъ уваженiя къ ученому авторитету Эккарта и довѣрiя къ его правовѣрiю было его назначеніе на должность генеральнаго викарiя въ Чехію, около 1307 г. Это назначеніе вызвано было желанiемъ уничтожить различныя беспорядки, возникшіе въ католическихъ монастыряхъ ¹⁾. Здѣсь, впрочемъ, Эккартъ оставался не долго и въ скоромъ времени заявилъ себя широкою проповѣдническою дѣятельностію въ разныхъ городахъ Германiи и особенно въ Страсбургѣ (въ 1317 г.). Онъ проповѣдывалъ въ сферѣ простаго народа и въ монастыряхъ. Въ проповѣдяхъ своихъ, какъ естественно и ожидать, Эккартъ съ мистической точки зрѣнiя возставалъ противъ внѣшняго обрядоваго формализма, но при этомъ, быть можетъ вначалѣ и невольно, склонялся къ болѣе крайнимъ реформаторскимъ и пантеистическимъ идеямъ. Такъ, онъ съ особою рѣшительностію обличалъ тѣхъ, которые много постытятся, но не заботятся объ отрѣшенiи отъ пороковъ и улучшенiи своей нравственности. «Они вводятъ себя въ самообольщеніе относительно спасенiя и осмѣиваются діаволомъ». Истинно добродѣтеленъ тотъ, по словамъ мистика, кто испытываетъ, чѣмъ онъ боленъ и постарается преодолѣть свои недуги. Здоровье человѣка—въ духовно благочестивомъ настроенiи. Сущность благочестiя составляетъ не форма и не дѣло само по себѣ, но духъ добродѣтели. Это духовное начало добродѣтели лежитъ въ настроенiи нашей воли: ни въ чемъ такъ не выражается наша любовь къ Богу, какъ во всецѣломъ преобразованiи нашей воли Богомъ. Требуется отречься

1) Preger. 1, th. 332—339.

отъ своей воли для того, чтобы достигнуть полной нищеты духовной, заповѣдуемой евангеліемъ. Возвышаясь до спекулятивной оцѣнки отношенія всего сущаго къ Богу, Экартъ смѣло и рѣшительно выражается въ пантеистическомъ духѣ: «всѣ вещи въ Богѣ и потому они сами—Богъ». «Праведный не служитъ ни тварямъ, ни Богу: онъ выше всего и потому свободенъ отъ всего» ¹⁾. Не смотря на то, что Экартъ распространялъ такого рода заблужденія съ церковной кафедры, онъ не вызывалъ противъ себя никакихъ преслѣдованій, пока не сталъ входить въ близкія сношенія съ мистико-пантеистическою сектою Беггардовъ, которая, прилагая подобное же ученіе къ жизни, впадала въ самый грубый антиномизмъ. Эта секта рано обратила на себя вниманіе со стороны католической іерархіи, причемъ, послѣ суда надъ еретиками, окончившагося въ томъ же 1317 г., главные предводители ея были сожжены на кострахъ. При слѣдствіи оказалось, что идеи ихъ раздѣлялись монахами. Начатое преслѣдованіе Беггардовъ должно было коснуться и Экарта. Спустя три года послѣ казни надъ еретиками, въ 1320 г., генераль Доминиканскаго ордена предписалъ Вормскому и Майнскому пріорамъ произвести слѣдствіе по обвиненію Экарта въ дурныхъ и подозрительныхъ связяхъ (*familiaritates malas et suspectas*) ²⁾. Слѣдствіе это, впрочемъ, не сопровождалось невыгодными послѣдствіями для Экарта. Мало того, кругъ дѣятельности его значительно расширился, когда онъ переведенъ былъ учителемъ и проповѣдникомъ въ Кельнѣ. Экартъ сталъ учителемъ въ высшей школѣ, принадлежавшей доминиканцамъ, которая сдѣлалась извѣстною со времени Альберта и Томы Аквината. Въ то же время онъ неутомимо проповѣдывалъ въ прежнемъ духѣ въ монастырской церкви. Его строгая аскетическая жизнь, представлявшая соотвѣтствіе съ общими идеями, развиваемыми въ это время, также обращала на него вниманіе ³⁾. Здѣсь Экартъ образовалъ цѣлую мистическую

¹⁾ Ibid. 348.

²⁾ Jundt, Essaisur le mysticisme speculatif de Maitre Eckart P. 30. Strasburg 1871.

³⁾ Preger, B. 1, 357.

школу изъ своихъ болѣе даровитыхъ учениковъ, которые были проникнуты самымъ восторженнымъ энтузіастическимъ сочувствіемъ къ своему великому учителю и продолжали распространеніе его идей въ обществѣ. Въ 1325 г. опять подвергаются казни на Рейнскихъ долинахъ оставшіеся въ живыхъ послѣдователи секты Беггардовъ. Тогда же Венеціанскій генеральный капитуль получилъ съ разныхъ сторонъ доносы на многихъ доминиканскихъ монаховъ, проповѣдовавшихъ народу опасныя мистическія доктрины. Въ числѣ обвиняемыхъ въ ереси былъ и Эккартъ. Римскій папа Іоаннъ XXII поручилъ разслѣдованіе дѣла своему нунцію Николаю Страсбургскому. Но выборъ слѣдователя оказался неудачнымъ: онъ самъ принадлежалъ къ числу мистиковъ, хотя и не раздѣлялъ крайнихъ заблужденій Эккарта ¹⁾. Всѣ доминиканцы также были заинтересованы въ поддержаніи репутаціи своего ордена и особенно ученѣйшаго представителя его, Эккарта. Папѣ было донесено по окончаніи слѣдствія, что въ проповѣдяхъ Эккарта не найдено ничего предосудительнаго. Недоразумѣнія касательно правовѣрія обвиняемаго мистика были объяснены тѣмъ, что онъ проповѣдывалъ народу «вышешныя мысли», почему и не былъ должнымъ образомъ понятъ. Дѣло, однако, окончилось тѣмъ, что Эккартъ остался въ подозрѣніи относительно чистоты своихъ убѣжденій. Ему было дозволено продолжать свою учительскую профессію въ избранномъ кругу монаховъ. Эккартъ дѣлается съ этого времени осторожнымъ: какъ въ проповѣдяхъ, такъ и въ своихъ лекціяхъ, читаемыхъ монахамъ, онъ становится особенно сдержаннымъ. Но такимъ исходомъ дѣла былъ доволенъ Кельнскій архіепископъ Генрихъ Вирнсбургскій, заявившій себя ревностнымъ преслѣдованіемъ еретиковъ въ своемъ діоцезѣ. Онъ былъ лично убѣжденъ, что Эккартъ такой же еретикъ, какъ и Беггарды, — ненавидѣлъ нѣмецкихъ доминиканцевъ, которые пользовались широкими правами, а между тѣмъ далеко не были такъ преданы католичеству, какъ францисканцы. Онъ извлекъ изъ сочиненій Эккарта нѣсколько

¹⁾ Ibid, 356.

еретическихъ положеній, компрометирующихъ его, какъ доминиканца, и сообщилъ о нихъ папѣ въ Авиньонъ ¹⁾. Но папа, по личной неприязни къ архіепископу, за то, что послѣдній поддерживалъ сторону германскаго императора, не придавъ никакого значенія его доводу, ссылаясь при этомъ на показанія Николая Страсбургскаго, оправдывавшія Эккарта. Однако, архіепископъ дѣйствовалъ настойчиво: онъ обвинилъ въ ереси самаго Николая Страсбургскаго и, обходя папу, рѣшился собственною властію произвести судъ надъ Эккартомъ и его защитникомъ, Николаемъ Страсбургскимъ. Предварительно назначена была особая инквизиторская коммиссія, которая должна была слѣдить за подозрѣваемыми въ ереси и собрать всѣ данныя для суда надъ еретиками. Инквизиторская коммиссія разослала шпионовъ, которые обязаны были собрать всѣ необходимыя свѣденія, касающіяся убѣжденій Эккарта. Сочиненія и проповѣди его были подвергнуты тщательному пересмотру. Наконецъ, по составленіи обвинительнаго акта, Эккартъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ былъ вызванъ на инквизиторскій судъ. Однако, Эккартъ не счелъ нужнымъ явиться на судъ, почему заочно, вмѣстѣ съ своимъ защитникомъ, Николаемъ Страсбургскимъ, былъ обвиненъ въ ереси и признанъ достойнымъ отлученія отъ церкви. Кельнскій архіепископъ сообщилъ о постановленіи инквизиторскаго суда папѣ. Въ то же время были представлены папѣ апелляціонныя жалобы на несправедливое постановленіе суда со стороны Эккарта и Николая Страсбургскаго. Папа Іоаннъ XII, уже предубѣжденный противъ архіепископа, увидѣлъ во всемъ процессѣ только интриги, направленные къ ослабленію его верховнаго апостольскаго авторитета, почему обвиняемыхъ, хотя и не оправдалъ, но оставилъ безъ всякаго наказанія, а Кельнскаго эмиссара, доносившаго о дѣлѣ, приказалъ за дерзкія объясненія посадить въ тюрьму. Не смотря на то, что Эккартъ снова избавился отъ угрожавшей ему опасности, онъ

1) Jundt, Essai sur le Mysticisme Speculatif de Maitre Eckart p. 32—34.

2) Jundt, Histoire du pantheisme populaire au moyenne age en sizieme siecle p. 73, 1875. Paris.

не могъ болѣе скрывать своихъ истинныхъ убѣжденій. Ему оставалось одно изъ двухъ: или совершенно отдѣлиться отъ католической церкви и подвергнуться той судьбѣ, какая ожидала въ средніе вѣка еретиковъ, или же отречься отъ своихъ убѣжденій и примириться съ католическою церковію. Эккартъ не имѣлъ настолько силы воли, чтобы послѣдовать по первому пути; онъ предпочелъ по своему малодушію—послѣдній. Спустя нѣсколько дней послѣ апелляціи, представленной папѣ, Эккартъ публично отрекся отъ своего ученія, или, точнѣе, отъ тѣхъ заблужденій, которыя ему были приписаны. Отречение совершилось въ монастырскомъ храмѣ, въ присутствіи двѣнадцати доминиканцевъ, нотаріуса и значительнаго числа лицъ, принадлежавшихъ къ числу Рейнскихъ гражданъ. Актъ объ отреченіи его отъ еретическаго ученія былъ препровожденъ въ Авиньонъ. Въ томъ же 1327 году Эккартъ умеръ. Спустя два года, по его смерти, 27 Марта 1329 г., издана была папою Іоанномъ XXII булла (*in coena Domini*), которою осуждались 28 положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Эккарта: изъ нихъ, впрочемъ, 17 положеній признавались еретическими, а 11—сомнительными, или не вполне согласными съ ученіемъ католической церкви. Объ Эккартѣ въ буллѣ говорилось, какъ о великомъ докторѣ, который при жизни своей отрекся отъ своихъ положеній, — «насколько они имѣли смыслъ еретическій, или двусмысленный» ¹⁾. Содержаніе важнѣйшихъ еретическихъ положеній, приписываемыхъ Эккарту, таково. Богъ и міръ *отъ вѣчности* созданы чрезъ Сына (1—3); добрыя и дурныя дѣла одинаково служатъ къ славѣ Божіей (4); Богъ прославляется грѣхомъ (5); тотъ, кто молится Богу о чемъ-нибудь опредѣленномъ—объ этомъ, или другомъ предметѣ, худо молится (7); Богъ истинно чтится тѣмъ, кто ничего отъ Него не желаетъ, ничего отъ Него не проситъ: ни награды, ни святости, ни небеснаго блаженства (8); мы всецѣло преображаемся въ Бога, какъ въ таинствѣ Евхаристіи хлѣбъ пресуществляется въ тѣло Христа (10); что Отецъ даль

¹⁾ Подлинный текстъ папской буллы помѣщенъ въ цитованномъ сочиненіи Прегера. 1, th. 478.

Своему Единородному Сыну, по Его воплощеніи, то мнѣ даль-
 столь же совершенно (11); что Священное Писаніе говоритъ
 о Христѣ, то всецѣло примѣнимо ко всякому доброму и пра-
 ведному человѣку (12); что божественной природѣ свойствен-
 но, то свойственно всякому праведному и обоженному
 человѣку (13); праведный человѣкъ долженъ свою волю такъ
 сообразовать съ волею божественною, чтобы онъ самъ же-
 лалъ того, чего желаетъ Богъ (14).—Признаніе основныхъ по-
 ложеній Эккарта еретическими повело къ тому, что сочине-
 нія его были изъяты изъ употребленія. Они находили чита-
 телей только въ кругу его ближайшихъ послѣдователей, при-
 надлежащихъ къ тому же мистическому направленію. Но съ
 теченіемъ времени, вслѣдствіе развитія нѣмецкой мистической
 литературы, сочиненія Эккарта были отождествлены съ про-
 изведеніями другихъ авторовъ. Эккартъ былъ забытъ. Уже въ
 періодъ реформаціи было обращено вниманіе оиять на этого
 замѣчательнаго мистика со стороны протестантскихъ ученыхъ,
 которые надѣялись не безъ основанія видѣть въ его сочине-
 ніяхъ, какъ и другихъ мистиковъ, элементы, сродные съ лю-
 теранствомъ, или съ послѣднею идеалистико-пантеистическою
 нѣмецкою философіею. Но при этомъ изслѣдователи въ сво-
 ихъ выводахъ объ особенностяхъ теософіи Эккарта разошлись,
 что зависѣло частію отъ недостаточно полнаго ознакомленія
 съ сочиненіями Эккарта, которыя въ цѣльномъ видѣ были
 изданы только въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія ¹⁾,
 частію отъ тенденціознаго отношенія къ нимъ. Что Эккартъ
 въ своихъ сочиненіяхъ проводилъ реформаторскія идея, это
 съ особенною силою утверждаютъ Арнольдъ, Ульманъ, а въ
 новѣйшее время особенно Прегеръ. Арнольдъ думаетъ, что
 Эккартъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причисленъ къ
 папистической церкви и потому признаетъ болѣе справедли-
 вымъ причислить его къ числу реформаторовъ, предшество-
 вавшихъ реформаціи ²⁾. Ульманъ повторяетъ то же мнѣніе ³⁾.

1) Это сдѣлано впервые Пфейферомъ въ 1857 г. Meister Eckhardt, herausg. v. Dr. Franz Pfeiffer, Leipzig 1857 Deutsche Mystiker II, Bd.

2) Tamen et protestantes talibus eum confessoribus et devotiis ac piis viris annuereverant, qui minime cum Papatu comparari debeant. Gotfr. Arnoldi Historie und Beschreibung der mystischen theologiae 1703, zol. Francf.

3) Ullmann, Reformatoren vor der Reformation B. II, 280.

Но съ большею опредѣленностію и полнотою то же мнѣніе развиваетъ Прегеръ. По его мнѣнію, существенное отличіе Эккарта отъ предшествовавшихъ мистиковъ заключается въ реформаторскихъ выводахъ объ оправданіи вѣрою, объ общемъ священствѣ, — духовномъ — спиритуалистическомъ пониманіи Церкви и ея учрежденій ¹⁾. Но большинство историковъ и ученыхъ изслѣдователей, не отрицая реформаторскихъ тенденцій Эккарта, склонно видѣть въ немъ болѣе крайняго еретика-пантеиста. Продолжатель лѣтописей Баронія, Райнальдъ признавалъ Эккарта великимъ ересіархомъ, достойнымъ анаѳематствованія ²⁾. Шмидтъ, сдѣлавшій первую попытку изложить систематически міросозерцаніе Эккарта, приходитъ къ тому выводу, что оно имѣетъ пантеистическій характеръ. При этомъ онъ находитъ, что теософская система Эккарта, по своей глубинѣ, превосходитъ однородныя системы предшествовавшихъ и послѣдующихъ мистиковъ. «Никто изъ предшественниковъ Эккарта не превосходитъ его по глубинѣ спекуляціи. Всѣ, слѣдовавшіе за нимъ, черпали свое ученіе изъ его системы. Нѣкоторые изъ нихъ сообщали мистикѣ болѣе церковный, назидательный характеръ, сьумѣли уклониться отъ его смѣлыхъ соблазнительныхъ выводовъ, но никто изъ нихъ не прибавилъ существенно новаго къ зданію, воздвигнутому Эккартомъ» ³⁾. Такой же взглядъ развиваютъ съ большею полнотою и основательностію Лассонъ ⁴⁾ и Жюндтъ. Выводы послѣдняго для насъ особенно важны, такъ какъ они основаны на новыхъ рукописныхъ данныхъ, опубликованныхъ имъ ⁵⁾. Къ этимъ выводамъ и мы должны придти въ томъ случаѣ, если познакомимся ближе съ міросозерцаніемъ нѣмецкаго теософа.

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Preger, Geschichte der Mystik. I. th. 449, s.

²⁾ Raynaldi, Annales Ecclesiastici P. XV, 1329, n. 70. Haeresiarcha pseudo-dominicanus, foedissimae ejus haereses, blasphemus Eckardus.... ignoravit plane infandas ejus haereses Taulerus.

³⁾ Etude sur le mysticisme allemand au XIV siecle C. Schmidt. Academie des sciences morales et politiques Paris 1847 t. II p. 5—483.

⁴⁾ Lasson, Meister Eckhardt der Mystiker 1868. Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie der patristischen und scholastischen Zeit 231—244. Berlin 1873.

⁵⁾ Histoire du Panteisme populaire au moyen age et scizieme (siccle) siecle, Jundt 50. 04. 1875

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ УЧЕНІЯ ОБЪ АБСОЛЮТНОМЪ.

I. Характеристика умозрительныхъ понятій объ Абсолютномъ. Рациональное обоснованіе понятій о предметахъ вѣры не ведетъ ли къ раціонализму? Необходимость умозрѣнія для усвоенія предметовъ вѣры (противъ религіознаго позитивизма и мистицизма).

II. Признаки бытія. Различныя опредѣленія, относящіяся къ понятію о Богѣ, выведенныя на основаніи формальныхъ признаковъ бытія. *Единство* существа и *различіе* свойствъ въ Богѣ. Какъ должно понимать первое и послѣднее?

III. Выводъ различныхъ опредѣленій о Богѣ, выражающихъ единство и различіе въ Богѣ. Выводъ нравственныхъ началъ изъ понятій о единствѣ существа и различіи свойствъ въ Богѣ.

Требуется составить рациональное понятіе о началѣ безусловномъ. Какъ мы можемъ это сдѣлать? Необходимо прежде всего имѣть въ виду слѣдующія правила при разрѣшеніи этой задачи: 1) Умозрительныя понятія объ Абсолютномъ могутъ быть только *формальныя*, т. е. такія, которыя, хотя и входятъ въ составъ живаго цѣлостнаго представленія о Богѣ, какъ необходимые элементы таковаго представленія, но далеко не обнимаютъ его во всей цѣлости, какъ оно можетъ быть дано только чрезъ религіозный опытъ. Само собою понятно, какъ важно разъясненіе формальныхъ понятій: невозможно точное и отчетливое усвоеніе опытныхъ, или иначе, конкретныхъ представленій, если не обращать должнаго вниманія на формальныя понятія, составляющія необходимые ихъ элементы. И такъ какъ формальныя понятія, по своему общему значенію, имѣютъ отношеніе ко всѣмъ опытнымъ представленіямъ, то тѣмъ очевиднѣе важность этихъ понятій при разсмотрѣніи идеи Абсолютнаго, ибо идея эта также имѣетъ отно-

шеніе ко всякимъ инымъ представленіямъ. Для полнаго усвоенія живаго религіознаго представленія о Богѣ, и для того чтобы представленіе это было свободно отъ всякихъ затемняющихъ его истинность побочныхъ представленій, разъясненіе формальныхъ опредѣленій, входящихъ въ понятіе о Богѣ, необходимо. Живымъ, или иначе, конкретнымъ, цѣлостнымъ представленіемъ предмета мы называемъ то представленіе, которое внушается непосредственными впечатлѣніями отъ предмета и поддерживается ближайшимъ ознакомленіемъ съ нимъ. Въ отношеніи къ идеѣ Бога значеніе источника, сообщающаго живость и конкретность этой идеѣ, имѣетъ религіозный опытъ вообще, т. е. непрерывное и непосредственное общеніе со всѣмъ божественнымъ, что относится и къ познанію, и къ почитанію Бога. Конечно, никакое умозрѣніе, никакой философскій анализъ не можетъ замѣнить непосредственнаго опыта религіозной жизни, но, съ другой стороны, чтобы опытъ этотъ былъ вполне плодотворнымъ, необходимо содѣйствіе умозрѣній, философскаго анализа, хотя и не должно преувеличивать значенія этого содѣйствія, противъ чего именно и направлено сказанное положеніе, что помощію умозрѣнія возможенъ выводъ лишь формальныхъ опредѣленій при разсмотрѣніи идеи Абсолютнаго. Итакъ, при образованіи умозрительныхъ понятій о Богѣ, или иначе, объ Абсолютномъ, мы должны обратить вниманіе на опредѣленія формальныя и ими довольствоваться. Правило это отнесется къ *обработкѣ* предмета, подлежащаго нашему разсмотрѣнію и характеризуетъ *способъ изслѣдованія*. Другое правило должно характеризовать самый *предметъ* изслѣдованія. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

2) Спаситель сказалъ: будьте совершенны какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ. — Этими словами дается то понятіе о Богѣ, что онъ есть первообразъ всякаго совершенства. Итакъ, умозрительныя понятія о Богѣ, очевидно, должны быть выраженіемъ совершенствъ Божіихъ, а по причинѣ своего формальнаго характера, понятія эти могутъ выражать для насъ божественныя совершенства только формальнымъ образомъ, т. е. не опредѣляя въ частности — какъ именно, въ какихъ дѣйствіяхъ и событіяхъ, то или иное совершенство открывалось

когда либо или открывається; для такого рода опредѣленій необходимы прямыя указанія откровенія и потому подобныя опредѣленія составляютъ скорѣе предметъ вѣры, чѣмъ знанія. Этимъ изъясняется и то, что изъ умозрительныхъ понятій о Богѣ невозможно вывести—все откровенное ученіе о домостроительствѣ Божіемъ, и самое стремленіе къ этому пельзя не признать тщетнымъ. Умозрительная философія потому именно такъ рѣшительно отвергается особенно теперь, что, стремясь сдѣлаться знаніемъ абсолютнымъ, всеобъемлющимъ, она задавалась цѣлью неосуществимою—вывести изъ апріорныхъ началъ всѣ эмпирическія знанія, и такимъ образомъ науки опытыя она разсматривала какъ простой матеріаль для умозрительныхъ построеній. Въ этомъ стремленіи умозрительной философіи эмпирическія науки усмотрѣли посягательство на ихъ самостоятельность, и вотъ, какъ бы въ возмездіе за предполагаемое поруганіе своего достоинства, представители эмпирическихъ знаній въ свою очередь отрицаютъ всякое самостоятельное значеніе философіи. Къ чему стремилась умозрительная философія относительно наукъ эмпирическихъ, то же самое было цѣлью для такъ называемаго спекулятивнаго, иначе умозрительнаго Богословія въ отношеніи къ Богословію положительному. Но это было лишь повтореніе только въ иномъ видѣ заблужденія деистовъ, которые полагали, что рационально обоснованныя положенія, долженствующія служить выраженіемъ существа всякой религіозной вѣры, могутъ замѣнить и сдѣлать излишними положительныя вѣрованія. Умозрительныя понятія необходимо входятъ въ составъ реальныхъ представленій; но по этому самому изъ однихъ умозрительныхъ понятій невозможно вывести представленій реальныхъ, какъ изъ одной части пельзя вывести цѣлаго. Правда, умозрительныя понятія, какъ понятія общія, представляются намъ объемлющими и содержащими въ себѣ представленія опытыя какъ *частныя*, но не во всѣхъ отношеніяхъ и не со всѣхъ сторонъ, а только въ одномъ какомъ-либо отношеніи, лишь съ одной какой-либо стороны первыя объемлютъ собою послѣднія. Итакъ, умозрительное познаніе имѣетъ свою задачу—выводъ умозрительныхъ, преимущество формальнаго ха-

рактика понятій, а знаніе опытное имѣеть тоже свою собственную задачу,—и не должно смѣшивать одинъ родъ познавательной дѣятельности съ другимъ. Равно положительное Богословіе не только не исключаетъ необходимости Богословія умозрительнаго, напротивъ, предполагаетъ такую необходимость. Конечно, совершенно недопустимо, ибо несообразно съ достоинствомъ и важностію положительнаго вѣроученія, такое, будто бы научное, употребленіе его, при которомъ дѣйствительною цѣлью служить проведеніе, подъ прикрытіемъ его авторитета, совершенно чуждой его духу теоріи. Но, съ другой стороны, усвоеніе положительнаго вѣроученія—составляетъ долгъ просвѣщеннаго христіанина, а само собою понятно, что удержаніе въ памяти буквы ученія нельзя признать усвоеніемъ; необходимо при этомъ проникновеніе самимъ духомъ ученія, а какъ это возможно, если остается неяснымъ—въ чемъ заключается этотъ духъ,—съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя рѣшить также, что согласно съ этимъ духомъ, и что съ нимъ не согласно? Человѣческая совѣсть не терпитъ раздвоенія. Коль скоро наука сдѣлалась одною изъ главныхъ силъ управляющихъ міромъ, то, очевидно, важнѣйшею задачею религіознаго просвѣщенія должно признать—воздѣйствіе на духъ и направленіе науки, а это возможно только при посредствѣ самой же науки (такъ какъ автономія есть необходимый законъ ея развитія), т. е. если религіозное просвѣщеніе, вмѣсто того, чтобы чуждаться научныхъ формъ, напротивъ, будетъ стремиться овладѣть и пользоваться ими, какъ необходимымъ для него орудіемъ, при чемъ подъ научными формами слѣдуетъ разумѣть не внѣшніе приемы изложенія, а внутренніе законы и формы мысли, формы живой умственной дѣятельности, составляющей, можно сказать, самое существо науки. Но вотъ тутъ то и кроется опасность, —это стремленіе облечь христіанское вѣроученіе въ научныя формы мысли не должно ли повести къ раціонализму въ области вѣры, какъ это и бывало не разъ? Нужно знать, однако же, что такое раціонализмъ, дабы не имѣть опасеній неосновательныхъ. Раціонализмъ возвеличиваетъ разумъ до того, что признаетъ его началомъ не только познанія, но и бытія. Конечно, и раціона-

лизмъ творческою силою, отъ которой производитъ самое бытіе, признаетъ разумъ божественный, но раціонализмъ погрѣшаетъ въ этомъ случаѣ тѣмъ, что смотритъ на бытіе только какъ на произведеніе разума и потому разумность признаетъ важнѣйшимъ свойствомъ бытія и только признаки разумности повсюду ищетъ; по ученію же христіанскому міръ есть произведеніе не только мудрости Божественной, но и Божескаго всемогущества, т. е. воли Божіей; что создано волею Божіей, то и держится тою же Божественною волей, такъ что въ христіанскомъ ученіи съ понятіемъ творенія неразрывно соединяется понятіе о промысленіи. Иначе тотъ же вопросъ рѣшается съ точки зрѣнія раціонализма: творческая дѣятельность разума, какъ силы упорядочивающей, состоитъ главнымъ образомъ въ начертаніи плана, и если это разумъ Божественный, то вмѣстѣ съ тѣмъ и въ осуществленіи предопредѣленнаго плана, предполагая, что для разума Божественнаго мысль есть вмѣстѣ и дѣло, т. е. осуществленіе ея; эти дѣятельность разума и ограничивается; вотъ почему раціонализмъ обыкновенно приводитъ къ отрицанію промысла (деизмъ); разумъ открывається въ устройствѣ, въ существующемъ порядкѣ вещей, но продолженіе существующаго устройства и порядка есть уже дѣло изволенія, воли, а не разума; да и самое осуществленіе предопредѣленнаго разумомъ порядка, т. е. не только продолженіе, но и пачало его, приведеніе его къ бытію, также могло совершиться только чрезъ всемогущество воли, а потому для раціонализма собственно не существуетъ даже вопроса о происхожденіи міра, напротивъ, раціонализмъ признаетъ обыкновенно бытіе міра безначальнымъ, вѣчнымъ. Воля божественная отъ созданій, способныхъ разумѣть оную, требуетъ преданности, а выраженіемъ преданности служитъ *вера*; напротивъ, порядокъ, или законы, заключенные въ устройствѣ міра, составляютъ предметъ *познанія* для испытующаго разума; отсюда раціонализмъ или совершенно отрицаетъ вѣру, или стремится какимъ-либо образомъ вѣру возвести къ знанію, превратить въ знаніе. Итакъ, раціонализмъ состоитъ собственно въ отрицаніи всего, что не можетъ быть выведено прямо изъ разума, именно—изъ понятій о разумѣ и о при-

надлежащемъ разуму, т. е. о разумномъ, такъ что важнѣйшій признакъ раціонализма заключается въ отрицаніи, въ томъ, что онъ отрицаетъ; положительная же задача состоящая въ томъ, чтобы раціональнымъ образомъ было обосновано и утверждено все, что въ содержаніи вѣры не только допускаетъ раціональный способъ изслѣдованія и утвержденія, но и требуетъ этого именно способа—очевидно не есть раціонализмъ, а скорѣе есть устраненіе раціонализма, ибо означенная задача требуетъ правильнаго исполненія того, что раціонализмъ выполняетъ неправильно, фальшиво; существенная потребность духа должна быть удовлетворена; за неимѣніемъ должнаго и правильнаго удовлетворенія, она удовлетворяется неправильно. Другое основное заблужденіе раціонализма заключается въ томъ, что онъ не полагаетъ существеннаго различія между разумомъ божественнымъ и человѣческимъ, а такъ какъ раціонализмъ признаетъ все бытіе лишь произведеніемъ, или точнѣе, выраженіемъ разума, то, при единствѣ человѣческаго и божескаго разума, раціонализмъ, очевидно, не допускаетъ, чтобы могло существовать или происходить когда-либо нѣчто непостижимое для разума; отсюда раціонализмъ имѣетъ наклонность къ отрицанію всего таинственнаго, непонятнаго, необъяснимаго; когда же непосредственная фактическая очевидность не допускаетъ отрицанія, то раціонализмъ готовъ довольствоваться самымъ поверхностнымъ, просто дѣтскимъ и произвольнымъ объясненіемъ, лишь бы не допустить ничего таинственнаго, непонятнаго. Итакъ, когда, вмѣсто того чтобы отрицать непостижимое, непонятное, а также, когда вмѣсто всякихъ попытокъ сдѣлать непонятное понятнымъ, утверждается просто, что вотъ этого понять нельзя, но притомъ еще указывается и основаніе, почему должно признать дѣйствительно непостижимымъ, что выдается за таковое, то подобное отношеніе къ опредѣленіямъ вѣры нельзя, очевидно, признать раціонализмомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо его признать *раціональнымъ*, ибо не ограничивается простымъ утвержденіемъ непостижимости извѣстнаго предмета, а обосновываетъ такое утвержденіе, и чрезъ то дѣлаетъ его не только пріемлемымъ, но и убѣдительнымъ для разума. Опять

же и тутъ встрѣчаемся мы съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: у многихъ предубѣжденіе противъ всякихъ разсужденій, можно сказать, противъ самаго разума такъ велико, что всякаго рода попытки къ разъясненію предметовъ вѣры съ какой бы то ни было стороны кажутся посягательствомъ на авторитетъ вѣры и униженіемъ самихъ предметовъ вѣры. Есть даже мнѣніе, что вообще русскій народъ не любитъ умствованій о предметахъ священныхъ,—мнѣніе, смѣливающее серьезный трудъ мысли, любовь къ истинѣ съ безцѣльнымъ резонированіемъ. Тѣ, которые такъ относятся къ усиліямъ мысли по возможности овладѣть предметами вѣры полагаютъ, очевидно, что въ отношеніи къ этимъ предметамъ слѣдуетъ довольствоваться однимъ лишь волненіемъ чувства; на религіозную вѣру они смотрятъ какъ на выраженіе сердечныхъ движеній,—и замѣчательно, что въ этомъ пунктѣ близорукіе защитники вѣры сходятся съ рѣшительными ея противниками; для тѣхъ и другихъ никакихъ вопросовъ о предметахъ вѣры не существуетъ и не должно быть, ибо вѣра для нихъ не болѣе какъ фактъ,—для однихъ имѣющій обязательное значеніе, а для другихъ пока не устранимый, но долженствующій уступить мѣсто здравому просвѣщенію. Противники вѣры,—позитивисты и реалисты,—относительно религіозной вѣры говорятъ, что наукѣ здѣсь дѣлать нечего, что это область субъективныхъ расположеній души и, слѣдовательно, на волю каждаго должно быть предоставлено, чего и какъ въ этой сферѣ держаться. Защитники же вѣры—позитивисты, имѣя въ виду извѣстныя слова Спасителя, что Богъ утаилъ отъ мудрыхъ и разумныхъ то, что открылъ младенцамъ (каковыми словами подразумѣвается, очевидно, умъ, ослѣпленный предразсудками и страстями и потому не способный познать истину, тогда какъ этой способности не лишены и младенцы), думаютъ, что относительно предметовъ вѣры такъ и нужно всегда оставаться въ состояніи младенческомъ. Были, впрочемъ, и философы, которые, по видимому, младенческое состояніе вѣры принимали за самое совершенное—таковы мистики, для которыхъ всегда было ясно одно,—недостаточность разума въ дѣлѣ усвоенія предметовъ вѣры, но которые никакъ не могли понять того, что и само

по себѣ внутреннее чувство столь же и даже еще болѣе недостаточно: само по себѣ чувство слишкомъ измѣнчиво; то возбуждается до крайней степени, то ослабѣваетъ и вовсе потухаетъ; обычаями, установленіями жизни практической, нравами оно можетъ поддерживаться на извѣстномъ уровнѣ, но вполнѣ упрочено можетъ быть только яснымъ и твердымъ, сознательнымъ убѣжденіемъ. Впрочемъ и мистики не отрицали важнаго значенія познавательной дѣятельности въ отношеніи къ предметамъ вѣры, а только лишь поставляли ее на низшую степень, сравнительно съ непосредственнымъ воспріятіемъ предметовъ вѣры—чрезъ чувство или духовное созерцаніе ¹⁾. Познаніе, по ученію мистиковъ, или должно служить приготовительною ступенью къ духовному созерцанію предметовъ вѣры, или же должно заимствовать свою истинность изъ такового созерцанія и, значить, можетъ имѣть мѣсто только какъ дальнѣйшее его послѣдствіе. Нѣкоторые, притомъ, и на предполагаемое ими духовное созерцаніе предметовъ вѣры смотрѣли какъ на высшую степень знанія.

Итакъ, для насъ составляетъ несомнѣнную истину, что не должно щадить никакихъ усилій умственныхъ, дабы истины вѣры могли быть усвоены не только сердцемъ, но и умомъ; только такимъ образомъ весь внутренній человѣкъ можетъ быть объятъ вѣрою; сознаніе несовершенствъ разума не только не можетъ и не должно служить препятствіемъ къ дѣятельности его, напротивъ, при бездѣятельности разума и самое это сознаніе невозможно, если не считать таковымъ безотчетное повтореніе разъ на всегда затверженныхъ словъ.

1) Слѣдуетъ замѣтить, что мистики высоко цѣнили чувство не само по себѣ, а какъ признакъ иного, предполагаемаго ими возможнымъ, высшаго состоянія духа. Характерная черта чувства есть единство самаго чувствованія, какъ субъективнаго состоянія, съ чувствуемымъ, т. е. съ содержаніемъ чувства; тогда какъ различіе представленія или мысли представляющей отъ представляемаго, желанія отъ желаемаго, различіе, доходящее до противоположности, ясно сознается нами, въ чувствѣ, напротивъ—субъектъ чувствующій какъ бы сливается до безразличія съ предметомъ чувствуемымъ, или иначе, съ содержаніемъ чувствованія. А такъ какъ мистика всегда считала главною своею задачею указать путь къ соединенію *человѣческаго духа съ Богомъ*,—путь лежащій чрезъ умственную, познавательную дѣятельность, то понятно, что внутреннее чувство имъ представлялось признакомъ достиженія таковой цѣли.

Выше сказано, что никакое представленіе не обходится безъ формальныхъ опредѣленій мысли; отсюда всякое представленіе является выраженіемъ формы предмета, т. е. вообще имѣетъ характеръ формальный. При этомъ, по происхожденію, представленія тѣмъ различаются, что чрезъ нихъ мы или только *воспроизводимъ* уже данныя, т. е. существующія формы вещей, такъ что представленіе въ этомъ случаѣ является зависимымъ отъ предмета представляемаго, или, напротивъ, *производимъ* еще не существующія формы, и въ такомъ случаѣ самыя эти формы оказываются зависимыми отъ представленій, послужившихъ для нихъ первообразами. Такимъ образомъ, представленіе является такъ или иначе связаннымъ съ самимъ предметомъ представляемымъ, какъ бы знакомъ своего объекта. Отсюда произошло то предположеніе, находимое у многихъ философовъ, что представляемость есть первоначальный и основной признакъ существованія: существуетъ то, что *можетъ быть* представлено, а чего представить нельзя, то и не существуетъ; не представимое то же, что невозможное. Но съ этимъ положеніемъ нельзя согласиться. Совершенно вѣрно, что не можетъ быть такого представленія, которое не указывало бы на нѣчто существующее, (ибо и представленія фантастическія образуются изъ реальныхъ представленій), но нельзя сказать наоборотъ, что въ существующемъ ничего такого быть не можетъ, чего нельзя было бы представить. Не говоря уже о томъ, что по числу и величинѣ вещи могутъ имѣть, и дѣйствительно имѣютъ, размѣры далеко превосходящіе границу представляемости,—представленіе или образъ можно имѣть лишь о предметѣ, такъ или иначе доступномъ для чувствъ внѣшнихъ; между тѣмъ, объемъ существующаго уже потому нельзя ограничивать чувственнымъ бытіемъ (т. е. доступностію чувствамъ), что, кромѣ чувственно созерцаемаго, въ содержаніе нашего познанія входитъ много такого, что только *мыслимо*, но о чемъ нельзя имѣть нагляднаго представленія. Конечно, никакая мысль не бываетъ безъ представленія, однакоже мысль и представленіе не тождественны. Поэтому, болѣе общимъ и первоначальнымъ, основнымъ признакомъ существованія необходимо признать не представляемость, а мыслимость: что суще-

ствуешь, то должно быть мыслимо, ибо что не существуетъ, то немыслимо, а что мыслимо, то по крайней мѣрѣ можетъ существовать, смотря по тому какъ мыслится, —мыслится ли какъ возможное только, или же какъ необходимое. Съ необходимостію мыслятся всеобщіе признаки бытія, а такіе признаки, очевидно, должны входить и въ понятіе о бытіи Существа высочайшаго. Слѣдовательно, мы и должны обратиться къ разсмотрѣнію таковыхъ признаковъ, дабы вывести формальныя опредѣленія, необходимо принадлежащія къ понятію о Существовѣ высочайшемъ.

Существо высочайшее есть, очевидно, самое совершенное. Значить ли это, что и бытіе такого существа наиболѣе совершенно? Противъ этого говорятъ, что само по себѣ бытіе ни совершенно, ни несовершенно, —ибо одинаково существуютъ, т. е. имѣютъ бытіе, и вещи совершенныя въ какомъ либо отношеніи, и вещи не совершенныя. Совершенство и несовершенство слѣдуетъ относить не къ самому бытію, а къ свойствамъ бытія, составляющимъ образъ бытія, его характеръ. Правда, свойства неотдѣлимы отъ бытія, такъ что каковы свойства, таково и бытіе, которому свойства принадлежатъ. Но нераздѣльность бытія отъ свойствъ нисколько не препятствуетъ различать первое отъ послѣднихъ; не слѣдуетъ смѣшивать раздѣленіе съ различеніемъ; конечно, различное мы обыкновенно раздѣляемъ, но только мысленно, такъ что различеніе, если и можетъ быть названо раздѣленіемъ, то только мысленнымъ, или, иначе, идеальнымъ (логическимъ), а не реальнымъ; и то, что реально есть нераздѣльное, можетъ содержать и содержать много различнаго, т. е. раздѣлимаго мысленно. Но и мысленное раздѣленіе, или, иначе, различеніе, хотя и не выражаетъ раздѣленія реального, должно однако же имѣть для себя основаніе въ самой дѣйствительности различаемаго или мысленно раздѣляемаго. Основаніе это заключается въ томъ, что каждый различаемый въ предметѣ признакъ, хотя и не существуетъ отдѣльно отъ другихъ, имѣетъ для мысли нѣкоторую, отличающую его, и характерную черту, не позволяющую смѣшивать его съ другими. Вотъ и бытіе есть такой, правда, слишкомъ общій, всему существующему прина-

длежащій, признакъ, который имѣеть, однако, отличающую его черту. Всякій предметъ намъ легче всего представлять въ томъ видѣ; какъ онъ является въ дѣйствительности, т. е. раздѣльно отъ другихъ предметовъ и во всей совокупности его признаковъ; чтобы отдѣлить одинъ какой либо его признакъ отъ другихъ съ цѣлью разсмотрѣнія его въ отдѣльности, для этого необходимо нѣкоторое усиленіе мысли, ибо необходимо нарушить привычное для насъ сочетаніе признаковъ; и чѣмъ общѣе, распространеннѣе признакъ, подлежащій разсмотрѣнію, тѣмъ труднѣе мыслению отдѣлить его, такъ какъ тѣмъ менѣе онъ различимъ. Отсюда понятно, что бытіе есть наименѣе, т. е. съ наибольшимъ трудомъ, отличимый отъ другихъ признаковъ: бытіе всему существующему принадлежитъ,—слѣдов., его можно было бы отличить только отъ небытія, но какимъ же образомъ можно различать что либо отъ того, чего вовсе нѣтъ? а вотъ какимъ образомъ: небытіе, какъ понятіе, имѣеть относительное значеніе (абсолютное небытіе немислимо), именно оно означаетъ то, что мы только въ *мысли* представляемъ, но чего въ дѣйствительности нѣтъ; бытіе съ этой точки зрѣнія означаетъ—независимость отъ мысли, его полагающей: что *только* въ мысли дано, то еще не существуетъ, но что дано не только въ мысли, но и отдѣльно отъ мысли, независимо отъ нея, то и есть существующее, имѣеть бытіе; вотъ почему бытіе обыкновенно противопоставляется мысли; характеристическою чертою бытія служитъ независимость отъ мысли, ибо бытія не отъ чего больше отличать, какъ только мысли, его полагающей. Этимъ выводомъ реалисты спѣшатъ воспользоваться вотъ какимъ образомъ: признакъ бытія—независимость отъ мысли, а что служитъ признакомъ независимости отъ мысли? Свидѣтельство чувствъ. Итакъ, только чувственное, т. е. доступное чувствамъ, подлинно существуетъ; критерій достовѣрности—очевидность, а очевидно для насъ то, что удостоверяется чувствами. На самомъ дѣлѣ это не такъ; положимъ, что дѣйствія или проявленія силъ доступны чувствамъ, самыя силы чувствамъ недоступны, и не смотря на то мы ихъ признаемъ существующими. Но нѣтъ ли здѣсь обмана? О бытіи силъ мы можемъ знать только по умозаключенію, т. е. по указанію мысли, а

не чувствъ, какъ же возможно то, что мысль свидѣтельствуешь о бытіи, коль скоро характерный признакъ бытія есть независимость, отдѣльность отъ мысли? какимъ образомъ мысль можетъ свидѣтельствовать о томъ, что отъ нея независимо? Но это возраженіе остается въ силѣ, хотя бы мы только свидѣтельства чувствъ признали удостовѣреніемъ въ бытіи, такъ что вообще свидѣтельство о бытіи должно вмѣстѣ съ тѣмъ служить указателемъ отдѣльности, или независимости свидѣтельствуемаго бытія отъ самого свидѣтельства. Между тѣмъ чувства сами не отличаютъ и не отдѣляютъ отъ себя или своихъ состояній того, показателями чего они служатъ; они свидѣлствуютъ о бытіи, но не для себя, а только для мысли, истолковывающей ихъ свидѣтельство, какъ это видно изъ того, что для самихъ чувствъ иногда представляется существующимъ то, что на самомъ дѣлѣ выражаетъ лишь собственное ихъ состояніе (галлюцинаціи), и только мысль бодрствующая надъ показаніями чувствъ разоблачаетъ невольный обманъ; вообще чувства сами не различаютъ своихъ показаній, ни между собою, ни отъ предмета, къ которому эти показанія относятся; различеніе—есть дѣло мысли, а только чрезъ различеніе и можетъ быть установленъ указанный выше признакъ бытія—независимость отъ мысли. Такимъ образомъ, хотя бытіе характеризуется для насъ тѣмъ, что оно означаетъ независимость, отдѣльность отъ нашей мысли, но эта независимость есть черта устанавливаемая самою же мыслию.

На основаніи предъидущаго, относительно вопроса о бытіи могутъ быть сдѣланы слѣдующіе выводы:

а) такъ какъ бытіе означаетъ для насъ независимость предмета отъ мысли его представляющей, то ясно, что представленіе предмета не тождественно съ бытіемъ предмета: представленіе можетъ быть несовершеннымъ, тогда какъ бытіе предмета совершенно, каково бытіе Бога, и наоборотъ—о несовершенныхъ вещахъ можно имѣть совершенныя представленія; совершенство бытія не то же, что совершенство представленія: первое состоитъ прежде всего въ большей или меньшей независимости отъ мысли полагающей бытіе, а затѣмъ также въ совершенствѣ самихъ свойствъ принадлежа-

щихъ бытію, насколько послѣднее неотдѣлимо отъ первыхъ; совершенство же представленія состоитъ въ соотвѣтствіи съ предметомъ представляемымъ, хотя бы предметъ самый былъ несовершенъ.

б) Хотя бытіе и означаетъ независимость отъ мысли, но такъ какъ независимость эта устанавливается или полагается самою же мыслию представляющею предметъ, то, очевидно, чрезъ мышленіе мы удостоверяемся въ бытіи вещей. Только въ мышленіи и чрезъ мышленіе мы обладаемъ способностію относиться къ бытію вещей совершенно объективно, т. е. съ полнымъ отрѣшеніемъ вниманія отъ себя и своихъ собственныхъ состояній (каковой способности лишены животныя, а у людей она требуетъ развитія чрезъ постоянныя упражненія оной). Когда мы имѣемъ дѣло съ вещами доступными чувствамъ, то удостоверяющее дѣйствіе мысли не выдѣляется, а сливается со свидѣтельствомъ чувствъ; въ случаѣ невѣрности показаній чувственныхъ исправленіе ихъ есть дѣло мысли, при чемъ удостоверяющее значеніе мышленія яснѣе выступаетъ; въ бытіи же предметовъ недоступныхъ чувствамъ мы, очевидно, только чрезъ мышленіе можемъ удостовѣряться; такъ бытіе Бога есть такая истина, въ которой мы *тѣмъ болѣе убѣждаемся, тѣмъ болѣе размышляемъ о ней*. Этимъ изъясняется какъ возникновеніе мысли о доказательствахъ бытія Божія, такъ равно и недостаточность этихъ доказательствъ. Назначеніе этихъ доказательствъ—привести къ признанію бытія высочайшаго существа чрезъ обзорѣніе этого должествующаго быть признаннымъ бытія съ разныхъ сторонъ. Но въ сравненіи съ величіемъ и необъятностію предмета способы признанія его, представляемые доказательствами бытія Бога, слишкомъ искусственны, мелочны и поверхностны. Намѣреніе посредствомъ, такъ называемыхъ, доказательствъ бытія Божія привести къ убѣжденію въ истинѣ бытія Существа высочайшаго можно сравнить съ тѣмъ, какъ если бы посредствомъ малыхъ и удобныхъ, конечно, для прохожденія тропинокъ на берегу океана мы захотѣли обзорѣть весь океанъ. Бытіе Бога имѣетъ отношеніе ко всему существующему; поэтому, тщательное обдумываніе самыхъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности

и движимое любовью къ истинѣ разсматриваніе общихъ свойствъ и законовъ бытія не можетъ не приводить къ убѣжденію въ бытіи высочайшаго Существа, но для того необходимо прежде всего самое тщательное воспитаніе, а, затѣмъ, и самовоспитаніе мышленія, безъ чего потребность размышленія, съ единственною цѣлью познанія истины, не можетъ даже существовать.

Прилагая теперь найденное нами опредѣленіе бытія къ бытію Существа высочайшаго, мы находимъ, что дѣйствительно и бытіе Существа высочайшаго, такъ-же какъ бытіе самыхъ несовершенныхъ вещей, означаетъ для насъ, прежде всего, независимость, отдѣльность отъ нашей мысли, полагающей или утверждающей его; во затѣмъ этою именно чертою, составляющею признакъ всякаго бытія—независимостію—бытіе высочайшаго Существа сколько сближается для нашей мысли со всякимъ инымъ хотя бы несовершеннымъ бытіемъ, столько же и отличается, ибо, очевидно, иное должно быть независимость бытія высочайшаго Существа и иное - - независимость существъ несовершенныхъ. Существо высочайшему должна быть свойственна и независимость наиболѣе полная, т. е. безусловная. А съ понятіемъ о такой совершенной, безусловной независимости необходимо соединяется понятіе безграничнаго *господства* или всемогущества. Ибо если самое совершенное существо отличается полною безусловною независимостію бытія, то независимость всѣхъ другихъ существъ можетъ быть только относительная, т. е. при независимости и отдѣльности отъ мысли ихъ полагающей, а равно и другъ отъ друга, они уже не могутъ быть столь же независимы и отъ Существа высочайшаго, напротивъ, ихъ бытіе въ отношеніи къ Существому высочайшему есть *зависимое*. Такъ мы приходимъ къ тому, что существамъ условнымъ противопологаемъ Существо безусловное, абсолютное; противоположность эта выражаетъ самое бытіе, характеризуетъ могущество бытія. Абсолютное Существо обладаетъ бытіемъ по своему могуществу неограниченнымъ, между тѣмъ какъ могущество бытія всѣхъ другихъ существъ ограничено. Отсюда безусловное Существо иначе еще называется *неограниченнымъ*, въ противно-

положность всѣмъ инымъ существамъ, которые называются ограниченными или *конечными*, а для показанія того, что неограниченность и ограниченность — признаки самаго *бытія*, говорятъ просто о Безконечномъ и конечномъ (подразумѣвая бытіе).

Различеніе бытія отъ свойствъ, принадлежащихъ бытію и составляющихъ его образъ или характеръ, не изъясняется вполнѣ тѣмъ, что мы усвояемъ бытію пезависимость, отдѣльность отъ мысли. При такомъ истолкованіи того, что мы подразумеваемъ, когда говоримъ о бытіи и что обозначаемъ этимъ словомъ, послѣднее, т. е. бытіе, сливается со свойствами ему принадлежащими до безразличія, обращается въ простой признакъ свойствъ, въ способъ представленія ихъ, какъ чего—то отдѣльнаго и независимаго отъ мысли ихъ представляющей. Не есть ли въ самомъ дѣлѣ то, что мы называемъ бытіемъ, отдѣльность или независимость замѣчаемыхъ нами свойствъ, когда мы наблюдаемъ вещи, отъ мысли ихъ представляющей? Это именно полагаютъ эмпирики. Такъ Локкъ утверждалъ, что все наше познаніе состоитъ лишь въ воспріятіи, посредствомъ чувствъ, различныхъ свойствъ, такъ что представленіе всякой вещи безъ остатка разрѣшается на частнѣйшія представленія, изъ коихъ каждое выражаетъ отдѣльное какое-либо свойство. Но кромѣ указанія на независимость или отдѣльность отъ мысли, понятіе бытія заключаетъ въ себѣ еще нѣчто иное: говоря, что предметъ существуетъ, мы разумѣемъ не только отдѣльность его отъ нашей мысли, — что называется *реальностію* или *объективностію*, но притомъ еще отдѣльность его отъ всѣхъ другихъ предметовъ, именно *единство* его, что называется *индивидуальностію*; въ самомъ дѣлѣ, когда предметъ теряетъ свое единство, то онъ разлагается, т. е. исчезаетъ въ другихъ предметахъ, слѣдовательно, существованіе его съ утратою единства прекращается; единство есть, такимъ образомъ, необходимый признакъ бытія. Нельзя сказать, что эмпирики не обращаютъ вниманія на этотъ признакъ бытія, но они полагаютъ, что единство предполагаемое нами при всякомъ представленіи какого-либо предмета не есть свойство принадлежащее самому предмету, не есть признакъ

самого бытія, а лишь послѣдствіе и выраженіе сочетавающаго дѣйствія мысли: какъ сказано выше, по ученію эмпирической философіи для нашего познанія даны только отдѣльные свойства, но мысль наша раздѣльно воспринимаемая различными чувствами свойства вещей (цвѣтъ, запахъ, твердость, мягкость, протяженность, непроницаемость и др.), слагаетъ въ одинъ образъ и чрезъ то возникаетъ представленіе отдѣльнаго предмета ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, опытъ показываетъ, что всякая отдѣльная вещь или сама разлагается, или можетъ быть разложена на части, а потому единство, очевидно, есть послѣдствіе сочетанія, а не первоначальное свойство; отсюда и единство представленія вещи не есть ли также результатъ сочетанія въ одно цѣлое простѣйшихъ элементарныхъ представлений? Однако же, самыя эти элементарныя представленія, каждое порознь, должны имѣть единство, и если существуютъ такія элементарныя представленія, изъ которыхъ образуются другія, то единство свойственное имъ уже никакъ не можетъ быть послѣдствіемъ сочетанія. Дѣло въ томъ, что единство въ самой дѣйствительности имѣетъ разные виды или степени. Уже механическая связь частей есть такое единство, для котораго мы предполагаемъ основаніе въ дѣйствительной природѣ вещей (сила сцѣпленія); въ большей степени и болѣе существеннымъ образомъ единство является принадлежностію самаго объекта представляемаго въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ связь частей органическую; это уже дѣйствительное единство, а не простой образъ, какъ бы подобіе единства, какова связь механическая. Въ какой мѣрѣ необходима для насъ мысль о единствѣ, именно какъ существенномъ признакѣ бытія, какъ принадлежности самой вещи, а не представленія только о вещи, это видно изъ того, что въ основѣ всего сложнаго мы полагаемъ недѣлимую реальности, которыя могутъ быть названы *единицами* въ строгомъ

¹⁾ Новѣйшіе эмпирики, напр. Джонъ Стюартъ Милль, полагаютъ, напротивъ, что представленіе единства получается посредствомъ чувственнаго воспріятія, какъ и всѣ другія представленія, тѣмъ само собою предполагается, что единство есть объективное свойство вещи.

смыслѣ, признаемъ бытіе таковыхъ единицъ, не смотря на то, что не въ состояніи разъяснить—какъ мы должны представлять эти единицы и даже не въ состояніи ихъ представить.

Бытію совершенному приличествуетъ и единство наиболѣе совершенное. Каково же должно быть это единство и въ чемъ мы должны полагать его совершенство?

Единство несовершенно, если оно можетъ уничтожиться, а таково единство *цѣлаго*, которое можетъ разложиться на части. Какъ бы ни была крѣпка связь частей и какъ бы ни было устойчиво и продолжительно ея существованіе, мы можемъ по крайней мѣрѣ представить ея разрушеніе. Таково, напр., единство если не всего мірозданія, то по крайней мѣрѣ отдѣльной міровой системы: разрушеніе и всего видимаго міра, и каждой входящей въ него отдѣльной системы, по крайней мѣрѣ, мыслимо, т. е. представляется намъ какъ возможное. Единство тѣхъ простыхъ частей, до которыхъ можно доводить мысленно дѣлимость сложнаго, т. е. единство атомовъ, конечно, преимуществуетъ предъ единствомъ цѣлаго (индивидуума) въ томъ, что неразруσιμο. Но какова эта неразрушимость? Это неразрушимость фактическая, или иначе, реальная, а не идеальная, слѣдовательно, все же не совершенная: атомы въ томъ смыслѣ неразрушимы, что нѣтъ такой силы, которая могла бы и самый атомъ разбить на части, но представляя атомъ какъ частицу протяженную, мы не можемъ не допустить его дѣлимости, по крайней мѣрѣ мысленно, т. е. такой дѣлимости, которая хотя и не можетъ быть приведена въ дѣйствіе и сдѣлаться дѣйствительнымъ раздѣленіемъ на части, но для мысли по крайней мѣрѣ (какъ возможное, а не какъ дѣйствительное) существуетъ. Вотъ почему нѣкоторые, чтобы исключить и самую мысль о дѣлимости въ отношеніи къ атомамъ, совершенно отрицаютъ ихъ протяженность и полагаютъ, что должно представлять атомы какъ не протяженные пункты или центры силъ, слѣдовательно, какъ не матеріальныя, но чисто динамическія и потому самому безусловно неразрушимыя *единицы*. Но и такое единство, не матеріальное, а динамическое, единство силы, а не единство матеріи, нельзя признать безусловнымъ, слѣдовательно, впол-

нѣ совершеннымъ. Одно изъ двухъ: или существуетъ безконечное множество отдѣльныхъ силъ (монадъ), какъ должно быть безконечное множество атомовъ, т. е. динамическихъ центровъ,—въ такомъ случаѣ единство каждой отдѣльной силы, и въ своемъ существованіи, и въ своемъ дѣйствіи, должно быть зависимо отъ единства каждой другой силы (въ этомъ смыслѣ Лейбницъ училъ, что каждая монада отображаетъ въ себѣ всѣ другія монады и потому есть зеркало вселенной), слѣдовательно, есть условное, а не безусловное; или же всѣ силы дѣйствующія въ мірѣ, какъ теперь полагаютъ, могутъ быть сведены къ одной всеобъемлющей силѣ движенія; но и въ этомъ случаѣ единство силы не можетъ быть признано безусловнымъ, и даже болѣе того: оно вовсе отсутствуетъ, ибо когда всѣ силы сводятся къ одной, то эта послѣдняя оказывается такимъ образомъ сложною, состоящею изъ множества частныхъ силъ; положимъ, что всѣ частныя силы—только разныя проявленія той же самой силы, которая, слѣдовательно, не смотря на разнообразіе и множественность обнаруженій, въ существѣ своемъ остается единою, но единство это только относительное, такъ какъ оно неразрывно связано съ дѣлимостію проявленій силы. Такимъ образомъ, и динамическое единство также оказывается несовершеннымъ; т. е. хотя бы существо бытія мы полагали не въ матеріи, а въ силѣ, то и при такомъ понятіи о существѣ бытія, послѣднее не можетъ быть признано вполне соответствующимъ требованію совершеннаго единства. Слѣдовательно, бытіе обладающее совершеннымъ единствомъ не должно быть понимаемо какъ сила. Динамическое единство, т. е. единство силы, несовершенно, потому что есть единство *количественное*,—т. е. такое, которое не только не исключаетъ множества, напротивъ, необходимо его предполагаетъ, ибо чрезъ повтореніе самого себя (въ чемъ и состоитъ количество) неизбѣжно разрѣшается въ свою противоположность, именно—во *множество*. Какъ единство атома (матеріальное), такъ и единство силы (динамическое) есть необходимо повторяющееся, ибо каждый атомъ есть только одинъ изъ многихъ и точно такъ же каждое частичное обнаруженіе силы есть одно изъ множе-

ства другихъ; это именно и утверждается закономъ сохраненія силъ, такъ какъ сущность этого закона заключается въ томъ, что всѣ частичныя силы суть повторенія (эквиваленты) той же силы, ибо чрезъ то только сила всегда сохраняется, что одна форма ея обнаруженія переходитъ въ другую (теплота преобразуется въ механическую работу и наоборотъ), и, слѣдовательно, всѣ разнообразныя формы обнаруженія силъ въ сущности составляютъ повторенія дѣйствій той же движущей силы. Единствомъ абсолютнымъ, вполне совершеннымъ, можетъ быть признано только такое, которое не переходитъ, чрезъ повтореніе, въ свою противоположность, т. е. во множество, и, слѣдовательно, неизмѣнно пребываетъ; такимъ единствомъ можетъ быть только качественное, а не количественное единство, единство существа, слѣдовательно, существенное, а не случайное; количественное единство не есть необходимое и существенное, а случайное; оно не есть необходимое, потому что само по себѣ, чрезъ простое повтореніе, разрѣшается въ свою противоположность, и значитъ—не можетъ служить выраженіемъ природы или существа того чему принадлежать; оно есть принадлежность случайная, а не существенная, потому что вещи, совершенно различныя по существу, одинаково могутъ имѣть и имѣютъ единство, т. е. могутъ быть принимаемы каждая за единицу, и наоборотъ—вещи, одинаковыя по сущности, но взятая вмѣстѣ, образуютъ сложное число, слѣдовательно, представляютъ собою множество. Однимъ словомъ, все единое, въ количественномъ смыслѣ, можетъ быть разсматриваемо какъ множество (отсюда невозможность представить дѣйствительно единыя, не дѣлимая составныя части), и наоборотъ, — всякое множество въ нѣкоторомъ смыслѣ образуетъ единство; вотъ почему въ древней философіи встрѣчаемъ положеніе, что единое и многое суть начала всего сущаго. Это значитъ, что количественное единство есть всегда относительное. Поэтому, единство безусловное должно понимать не въ количественномъ, а въ качественномъ смыслѣ, не какъ единство численное (единство цѣлаго, либо части, цѣлое и дробь), но какъ такое единство, которое не допускаетъ для себя математическаго выраженія.—

единство существа. Богъ не просто единъ (какъ можетъ быть одинъ, напр., человекъ, а можетъ быть и не одинъ), но единъ *по существу*; самое существо Божіе едино; посему единство Безусловнаго есть необходимое, а не случайное; невозможно, чтобы Богъ не былъ единымъ, или чтобы Онъ былъ единымъ въ одномъ отношеніи, въ другомъ же не единымъ, частію единымъ, а частію неединымъ; единство, свойственное Божеству, никакимъ образомъ не переходитъ въ свою противоположность, т. е. во множество, напротивъ, исключаетъ его: *не много боговъ, но одинъ только есть Богъ.*

Такое безусловное единство, какъ видно изъ предъидущаго, слѣдуетъ различать не только отъ единства матеріальнаго, но и отъ единства динамическаго. Безусловное единство есть *единство духа*. Поэтому, положеніе: *Богъ одинъ по существу* равнозначительно съ тѣмъ положеніемъ, что *Богъ есть духъ*. Если Безусловное, какъ выше показано, должно быть признано неограниченнымъ могуществомъ, то теперь очевидно, что это не *могущество силы*, а *могущество чисто духовное*; отличительный его признакъ—*свобода и самообладаніе*, какъ выраженіе свободы, тогда какъ могущество силы не свободно. Каждая сила дѣйствуетъ такъ, какъ предопредѣлено ея природою; посему, дѣятельность каждой силы имѣетъ характеръ натуральной необходимости, совершается всегда по извѣстному неизмѣнному закону. Напротивъ, дѣятельность духа сверхнатуральна уже потому, что свободна; она возвышается надъ натуральною необходимостію, — дѣятельность ограниченаго духа—въ нѣкоторой мѣрѣ, а дѣятельность духа неограниченаго—безусловно. Если духъ также дѣйствуетъ по закону, или необходимости, то и этотъ законъ и эту необходимость Онъ самъ для себя предопредѣляетъ, ибо нѣтъ иной высшей силы, которая бы имѣла власть надъ духомъ безконечнымъ и опредѣляла его дѣятельность. Поэтому, хотя бы духъ безконечный и дѣйствовалъ по закону или необходимости, однако и этотъ законъ и эта необходимость должны быть совершенно отличны отъ законовъ природы и необходимости натуральной, ибо могутъ проистекать только изъ самоопредѣленія духа. Никакая сила не опредѣляетъ себя къ дѣйствію, сама по себѣ,

а не опредѣляя себя къ дѣйствию, поэтому и не обладаетъ собою въ дѣствіи,—т. е. дѣствіе каждой силы какъ бы отдѣляется отъ нея, будучи также отдѣльнымъ отъ каждаго иного дѣствія той же силы; — такъ единство силы, будучи только мыслимымъ, фактически распадается на множество отдѣльныхъ силъ, или дѣствій; вотъ почему дѣятельность каждой силы можетъ быть выражена математически; она распадается на множество элементовъ, допускающихъ точное измѣреніе; ибо необходимымъ субстратомъ или носителемъ каждой силы служитъ матерія, а матерія дѣлима. Не таковъ характеръ дѣятельности духа. Такъ какъ эта дѣятельность свободна, т. е. духъ самъ себя опредѣляетъ къ дѣйствию, то посему въ каждомъ своемъ дѣствіи или проявленіи духъ всецѣло обладаетъ собою, т. е. сохраняетъ свое единство, не раздробляясь, не отдѣляясь отъ самаго себя, но постоянно во всемъ разнообразіи своихъ обнаруженій и дѣствій, оставаясь неизмѣнно тѣмъ же, пребывая въ себѣ самомъ. Поэтому, никакія количественныя опредѣленія не могутъ служить средствомъ для выраженія могущества и силы духа.

II. Личный.

(Окончаніе будетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ УЧЕНІЙ О КРАСОТѢ И ИСКУССТВѢ.

Изъ академическихъ чтеній Е. В. Амфитеатрова.

(ЗАСЛУЖЕННАГО ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ).

(Продолженіе *)

Ученіе о красотѣ и искусствѣ въ неоплатонической философіи.

Плотинъ.

Философія Платона при концѣ древняго классическаго міра возродилась въ неоплатонической, и это возрожденіе простерлось и на эстетическія ея идеи. Долго удерживаясь въ первоначальныхъ формахъ въ старой академіи, подвергнувшись скептицизму въ новой, — скептицизму, который, не отвергая царства идей, отвергалъ ихъ доступность знанію и мысли, эстетическія идеи Платона вмѣстѣ со всей его философскою системою въ Александрійской школѣ Плотина получили новую обработку, и въ этой новой формѣ весьма надолго, — до самаго конца среднихъ вѣковъ усвоили себѣ законодательное значеніе истиннаго платонизма. Платонизмъ, обязанный существенными частями своимъ знакомству Платона съ восточной мудростію, подъ конецъ принялъ совершенно восточный характеръ. Взглядъ на сверхчувственный міръ духовъ и отношеніе его къ земному міру, какъ высказанъ онъ въ Платоновомъ «Федрѣ», заимствованъ изъ восточныхъ и преимущественно египетскихъ источниковъ. Нѣтъ ничего удивитель-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г. № 16.

наго, что то, что у Платона было не еллинскаго, прежде всего увлекло грековъ, выселившихся изъ Эллады на востокъ. Вслѣдствіе этого отвлеченныя и строго-научныя изслѣдованія Платона почти совершенно исчезли въ восточномъ платонизмѣ, между тѣмъ какъ образныя и фантастическо-мистическія элементы его ученія заняли весьма широкое мѣсто. Попытка его перевести восточную мистику на учебное изслѣдованіе кончилась превращеніемъ строго-логическаго мышленія въ чисто поэтическую образность.

Искать помощи въ восточномъ міросозерцаніи побудилъ Платона вопросъ объ отношеніи между вѣчнымъ и преходящимъ. Удивленный открытіемъ въ душѣ такихъ представленій, которыя сочетаютъ многое въ единомъ, и которыя, по этому, происходятъ не отъ чувствъ, видящихъ только множество, а никогда—единство, Платонъ предположилъ, что душа обладаетъ нѣкоторыми собственными врожденными знаніями. На вопросъ: откуда эти знанія? отвѣтъ доставило ему восточное вѣрованіе въ предсуществованіе душъ, и заключеніе ихъ въ земное тѣло въ наказаніе за вину. Изъ небснаго совершеннаго бытія, въ которомъ душа безпрепятственно наслаждалась употребленіемъ собственныхъ силъ, остатокъ пріобрѣтеннаго тамъ унесла она въ свою темницу. Только мало по малу возбуждается въ ней воспоминаніе о немъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — стремленіе къ достиженію первобытнаго блаженства. Этому двоякому міру познанія соотвѣтствовало восточно-астрономическое представленіе двухъ міровъ, міра надъ звѣздами и міра подъ звѣздами, небснаго и земнаго. Тамъ сущее, здѣсь являющееся, тамъ идеи, первообразы, здѣсь оттиски, отраженія.

Эти образныя, свойственныя Востоку выраженія, въ которыхъ Платонъ старался скрыть отвлеченныя метафизическія мысли, приняты были неоплатониками буквально. Что у Платона было только образомъ для обозначенія единаго сущаго, то они безъ дальнѣйшихъ разсужденій, признали за фактъ. Надзвѣздное царство, которое для него было только образомъ чистаго мыслящаго познанія, для нихъ превратилось въ дѣйствительный міръ, существующій за звѣздами. Нѣсколько

также не сомнѣваясь, тѣло разсматривали они, какъ дѣйствительную темницу, пребываніе въ немъ, — какъ дѣйствительный плѣнъ для первоначально свободно-носившагося демона. Въ этомъ духѣ старались они наполнить пробѣлъ, который открывали въ Платоновомъ ученіи между міромъ идей и міромъ явленій, и для наполненія котораго самъ Платонъ, какъ мы говорили уже прежде, прибѣгнулъ къ математическому познанію. Это послѣднее знаніе есть нѣчто среднее между чувственнымъ и разумнымъ. Оно не чувственно, какъ и мысль, но предметъ его, какъ, и чувственнаго знанія, — въ чувственномъ. Впрочемъ, въ чувственномъ предметъ его составляетъ то, что есть въ немъ не чувственнаго, т. е. форма, границы и мѣра.

Первый шагъ неоплатонизма состоялъ въ томъ, что твердый и неподвижный міръ идей Платона привелъ онъ въ движеніе и теченіе. Въ Платоновой системѣ оба міра — идеальный и чувственный стоятъ спокойно одинъ противъ другаго; хотя между ними и существуетъ опредѣленное отношеніе, вслѣдствіе котораго одинъ подчиненъ другому, но это отношеніе понятно только для разсматривающаго философа, который отъ двухъ противоположныхъ способовъ познанія своего духа заключаетъ о двухъ противоположныхъ мірахъ. Поэтому, Платонъ ограничивается только понятіемъ чувственнаго міра, какъ отраженія сверхчувственнаго, вопросъ же о происхожденіи отраженія въ его философіи имѣетъ второстепенное значеніе. Только часто употребляемый имъ образъ художника, творщаго по идеямъ въ чувственной матеріи, даетъ разумѣть, что Платонъ отраженіе сверхчувственнаго въ чувственномъ понималъ не иначе, какъ при посредствѣ нѣкотораго диміурга. Но этотъ диміургъ не производитъ изъ себя ни первообраза, ни чувственной матеріи, но, смотря на истинно сущее, повторяетъ его въ несовершенной, не сущей матеріи. О Богѣ, какъ творцѣ вмѣстѣ и формы и матеріи, не было и рѣчи у Платона. Какъ видно изъ ясныхъ словъ Аристотеля, форма и матерія были для Платона равно несотворенны и вѣчны. Только дѣйствительное сообщеніе вѣчной формы несотворенной матеріи есть, по его мнѣнію, дѣло диміурга.

Съ этимъ посредничествомъ художника между первообразомъ и матеріею, какъ истиннымъ представленіемъ древне-еллинской пластики, не могъ примириться не-еллинскій неоплатонизмъ. На него возымѣло рѣшительное вліяніе очень древнее восточное ученіе объ истеченіи. Согласно съ восточнымъ своимъ характеромъ, нечувственное духовное понималъ онъ какъ утонченное тѣлесное, какъ дыханіе, вѣяніе и волненіе. Ученіе объ истеченіи внушало ему, что только изъ совершеннаго происходитъ несовершенное, изъ добраго—менѣе доброе, изъ небеснаго земное, а не наоборотъ. Вслѣдствіе этого, не сущее должно произойти изъ сущаго, земная матерія изъ чисто духовнаго царства идей. Духъ и матерія—двѣ крайности, исключаютъ одна другую. Черезъ отрицаніе себя духъ становится матеріею, черезъ отрицаніе себя и матерія можетъ быть духомъ. Превращеніе духа въ матерію, какъ и матеріи въ духъ, есть постоянное содержаніе міровыхъ событій. Въ первомъ уничтожается духъ, въ послѣднемъ возвышается матерія, въ томъ духъ становится природой, въ этомъ природа—духомъ. Послѣдовательное уничтоженіе духа есть какъ бы ниспаденіе первоначальнаго совершенства, при чемъ въ ниспадающемъ всегда остается слѣдъ этого совершенства и постоянная возможность возвратиться къ нему. Между обѣими крайними противоположностями, духомъ безъ матеріи и матеріею безъ духа, изъ которыхъ ни одно отдѣльно немислимо, открывается безконечная возможность ступеней, на которыхъ духъ и матерія могутъ стать одно другимъ. Одну изъ такихъ ступеней оставляетъ *красота*.

Такъ какъ духъ, не смотря на свое безпрестанное превращеніе въ матерію, никогда, однакоже, не можетъ потеряться въ ней, то въ дѣйствительномъ мірѣ мы видимъ только различныя степени, въ которыхъ духъ обнаруживаетъ себя въ матеріи, — она ли его или онъ ее болѣе или менѣе преодолеваетъ. Оба проникаютъ другъ друга. Чѣмъ совершеннѣе духъ, тѣмъ совершеннѣе та ступень, въ которой онъ обнаруживаетъ себя въ явленіи. А такъ какъ онъ тамъ только достигаетъ высочайшаго совершенства, гдѣ уже вовсе не нуждается въ явленіи, то высшую ступень совершенства состав-

ляетъ чистый духъ въ своемъ идеальномъ бытіи, неизмѣнное, вѣчное, истинное бытіе и существо. Это состояніе есть невинность въ истинномъ смыслѣ слова: истина, добро и красота. Эту красоту видитъ только зрѣніе духовное, созерцаніе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.

Этой духовной красотѣ Плотинъ противопоставляетъ чувственную, которая не совершенно свободна отъ матеріи, даже сама—чувственная матерія, только проникнута духомъ. Если красота духа видима только для духовнаго зрѣнія, то, напротивъ, чувственная красота есть явленіе духовнаго для чувственнаго зрѣнія. Предметъ являющійся—въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же; субъектъ, которому онъ является—въ первомъ духовное, во второмъ чувственное зрѣніе. Такъ какъ чувственному зрѣнію является только чувственное, то красота должна быть совершенно матеріальна, а такъ какъ является ему должна красота, то вся матерія должна быть духомъ. Гдѣ, однакоже, чего-либо не достаетъ, тамъ или нѣтъ вовсе красоты, или нѣтъ красоты чувственной, доступной чувственному воззрѣнію.

Эти понятія раскрываетъ Плотинъ въ 6 книгѣ первой эннеады, посвященной исключительно разсмотрѣнію изящнаго. Онъ начинаетъ съ прекраснаго, которое дѣйствуетъ на наши чувства: видимое и слышимое, составъ словъ, музыка, пѣніе и ритмическія гармоніи—все это прекрасно. «Если отъ чувственно-пріятнаго перейти къ сверхчувственному, то называютъ прекрасными также дѣйствія и направленія, привычки, знанія, и прежде всего—добродѣтели. Есть-ли выше этого красота, откроется въ послѣдствіи. Вслѣдствіе чего являются прекрасными тѣла, слухъ услаждаютъ извѣстные звуки, и по какому закону нравятся духовное? Все это прекрасно на одномъ-ли и томъ-же основаніи, или—въ тѣлахъ своя красота, а въ другихъ предметахъ другая? Одно, очевидно, прекрасно не само по себѣ, но вслѣдствіе того, что имѣетъ долю въ красотѣ, какъ тѣло, другое, напротивъ, само—красота, какъ природа добродѣтели. Исслѣдуемъ напередъ, что прежде всего привлекаетъ къ себѣ глаза зрителя, и, нашедши это, мы, пользуясь имъ, какъ путеводною нитію, разгадаемъ и прочее. По боль-

шей части думаютъ, что прекрасное для глазъ составляетъ извѣстная соразмѣрность частей между собою и съ цѣлымъ, и вмѣстѣ съ нею— прелесть цвѣта (*εὐχροία*), и красота всѣхъ вещей заключается въ соразмѣрности и равномѣрности (*τὸ σὺμμετρικὸν καὶ μετρημένον*). Но для такихъ не прекрасно ничто простое, а напротивъ, прекрасно только сложное, какъ образующее изъ себя цѣлое. Отдѣльныя части сами по себѣ не имѣютъ никакой красоты. Между тѣмъ, можно думать, что и части могутъ быть прекрасны, когда цѣлое составлено не изъ совершенно безобразнаго и ненавистнаго. Такъ же и цвѣта, когда они простые, какъ цвѣтъ солнца, золота, молніи ночью или звѣздъ на небѣ не должны быть почитаемыми чуждыми красотѣ? Чрезъ рядъ подобныхъ замѣчаній Плотинъ приходитъ къ заключенію, что не въ одной формѣ заключается красота.

Возвращаясь опять къ вопросу о красотѣ тѣла, онъ отвѣчаетъ, что при первомъ взглядѣ это есть нѣчто, открывающееся чувству, которое душа усматриваетъ, какъ однородное съ нею, и узнавъ, обнимаетъ его въ восхищеніи имъ. Напротивъ, когда встрѣчается она съ безобразнымъ, то отступаетъ назадъ, и, какъ бы испуганная его несоразмѣрностію, презираетъ его, какъ чужое себѣ. Это—потому, что душа, по своей природѣ и существу, встрѣчая что-либо себѣ сродное и даже —только слѣдъ этого сродства, радуется ему, относитъ къ себѣ и воспоминаетъ себя и свое. Это сродство внѣ ея находящагося съ нею заключается въ причастіи идеѣ. «Все безобразное, хотя-бы по природѣ своей и способно было принять форму и идею, но, будучи лишено разума и идеи,—безобразно и удалено отъ Божественнаго разума. Безобразно также и то, чѣмъ не овладѣли форма и разумъ, въ чемъ матерія образована не совершенно по идеѣ. Если-же идея приходитъ къ составленному изъ многихъ частей, то она упорядочиваетъ ихъ, связываетъ ихъ между собою, и чрезъ согласіе ихъ образуетъ единое, и т. д. И такимъ образомъ, заключаетъ Плотинъ,—посредствомъ общенія съ разумомъ, истекающимъ отъ Божества, происходитъ прекрасное тѣло».

Изъ этого видно, что основаніе тѣлесной красоты соста-

вляеть идея, видимая въ земномъ; основаніемъ же тому, что душа узнаеть въ тѣлахъ нѣчто себѣ сродное, служитъ то, что идея равномерно присуща и ей.—Но если матерія сама по себѣ не имѣеть никакой красоты, но получаетъ ее отъ обладающей ею идеи, то, повидимому, Плотинъ впадаетъ здѣсь въ противорѣіе. Господство идеи, повидимому, должно обнаружиться только въ сочетаніи разнообразной чувственной матеріи, и вовсе прекращается тамъ, гдѣ чувственная матерія не представляетъ никакого разнообразія, какъ, напримѣръ, въ прекрасныхъ цвѣтахъ и тонахъ. Это противорѣчіе разрѣшается въ третьей главѣ. «Простая красота цвѣта, говоритъ Плотинъ, является тамъ, гдѣ темное въ матеріи побѣждается присутствіемъ свѣта, который вмѣстѣ есть—и безтѣлесный, и разумъ и идея. Поэтому, прежде всѣхъ другихъ вещей прекрасенъ огонь, потому что, сравниваемый съ прочими стихіями, онъ заступаетъ мѣсто идеи, и приближается къ природѣ безтѣлеснаго—какъ и по своему положенію вверху, такъ и по своей все превосходящей тонкости».—Такимъ образомъ, красота въ простыхъ цвѣтахъ и тонахъ представляется какъ господство духа надъ матеріею. «Какъ образы и тѣни», изливается чувству доступное прекрасное въ матеріи, украшаетъ ее и восхищаетъ ею чувства. Но чтобы видѣть красоту, высшую этой, которая не открывается глазу, и которую духъ ощущаетъ безъ чувственныхъ органовъ, мы должны подняться выше и оставить чувства на нижней ступени міровой лѣстницы. Какъ чувству доступную красоту мы не могли-бы выразить словами, если бы никогда не видали ее; такъ и о красотѣ обязанностей, знаній и прочихъ этого рода вещей мы ничего не можемъ сказать, если не обладаемъ ими, если не знаемъ ничего о блескѣ добродѣтели и т. д. Сама душа должна быть прекрасною, чтобы приобщиться высшей разумной красотѣ.

Эта единственная красота духа преимущественно обнаруживается, когда мы преодолеваемъ что-нибудь ненавистное, т. е., склонность къ матеріи. Не фигуру, не цвѣтъ, не величину любятъ любящіе красоту, но самый духъ, который самъ въ себѣ безцвѣтенъ, блескъ добродѣтели какъ въ насъ самихъ, такъ и въ другихъ, добрый нравъ, чистое самооблада-

ніе и мужество, потому что въ одномъ этомъ свѣтитъ Божественный свѣтъ и одно только это—истинно сущее.—Вслѣдствіе этого красота сливается въ одно съ добрымъ, съ самимъ Богомъ. «Къ Нему стремится вся душа, и кто видитъ Его, тотъ знаетъ, что Онъ—прекрасенъ. Какъ вступающіе въ святилище, очищаются напередъ, снимаютъ съ себя одежды и входятъ обнаженные, такъ недѣлимое сбрасываетъ съ себя все чуждое Богу, и созерцаетъ одно Божественное, чистое, отъ котораго всѣ вещи зависятъ, и къ которому всѣ возвращаются. Кто видѣлъ его, о Юпитеръ!—Какая любовь сожигаетъ его, какой порывъ возгорается въ немъ слиться во едино съ Божествомъ! Какъ высшаго блага жаждетъ его, кто никогда его не видалъ, какъ высшею красотою наслаждается имъ, кто его увидѣлъ. Что прежде казалось ему прекраснымъ, то презираетъ онъ, что прежде любилъ, то осмѣиваетъ теперь. Блаженъ, кто удостоился созерцанія истинно-прекраснаго, но несчастенъ тотъ, кто его не достигъ». А на вопросъ: какъ достигнуть до созерцанія этой невыразимой красоты? Плотинъ отвѣчаетъ, что до нея не доведутъ насъ ни ноги, ни кони, ни корабли, что все это нужно покинуть, закрыть чувственное око и открыть другое, которымъ хотя всѣ обладаютъ, но не многіе пользуются (гл. 8). «Это внутреннее око, бывъ возбуждено, не вдругъ усматриваетъ свѣтъ, но, пріучаясь мало по малу, душа сначала разсматриваетъ прекрасныя знанія, потомъ прекрасныя дѣла, не тѣ, думаю, которыя искусство производитъ, но которыя совершаются честными мужами.—затѣмъ самыя души, производящія такія дѣла. На себя самого устремивъ взоръ, и посмотри, и когда ничего не находишь въ себѣ прекраснаго, подражай ваятелю. Какъ этотъ въ статуѣ, такъ ты въ себѣ обруби все излишнее, выпрями кривое, освѣти темное и не оставляй этой работы дотолѣ, пока не засіяетъ въ тебѣ Божественный блескъ добродѣтели. Когда же ты самъ сдѣлаешься такимъ истиннымъ и единственнымъ свѣтомъ, никакою величиною неограниченнымъ, никакою фигурою не описаннымъ, бдѣвшимъ, нежели каждая конечная мѣра, и возвышеннѣйшимъ, нежели всякое множество, — когда увидишь себя такимъ: тогда внутреннее око твое готово, тогда ты не имѣешь нужды

ни въ какомъ вождѣ, и тогда око твое увидитъ красоту безконечную».

Смысль всей этой теософической болтовни, которой Плотинъ предается тѣмъ охотнѣе, чѣмъ собственный образъ мыслей его сбивчивѣе и темнѣе,—тотъ, что красота есть не что иное, какъ наглядное выраженіе идеи добраго, истиннаго или прекраснаго. Если идея созерцается безъ помощи чувственной матеріи,—духовнымъ взоромъ, то это—духовная красота; если видить ее чувственное зрѣніе въ чувственной матеріи, то это—красота чувственная. Какъ тамъ для духовнаго взора идея должна быть открыта вся, такъ здѣсь для чувственнаго должна быть вся присуща, и никакая частица, ни одинъ атомъ не можетъ остаться не проникнутымъ ею.

Въ природѣ существуетъ исключительно только чувственная красота. Когда идея, отпадая отъ самой себя, переходитъ въ матерію, то просвѣчиваетъ она сквозь нее лишь въ рѣдкихъ случаяхъ настолько совершенно, что матеріа становится нагляднымъ ея выраженіемъ. Потому что идея, какъ совершенство есть цѣлостъ, а отпадшая матеріа, какъ несовершенство,—отломокъ. Ни отдѣльный экземпляръ въ чувственной матеріи не есть цѣлая идея, ни чувственная матеріа во всѣхъ своихъ частяхъ не есть опять сверхчувственная идея. Нѣчто въ идеѣ остается безъ нагляднаго выраженія въ чувственной матеріи, нѣчто въ матеріи остается непроникнутымъ идеею. Ни изъ того, ни изъ другаго случая не выходитъ красота.

Здѣсь-то собственно открывається поприще для восполняющей дѣятельности *искусства*. Искусство въ состояніи совершить то, чего не можетъ сдѣлать природа, т. е., отдѣльный предметъ довести до нагляднаго выраженія идеи. Оно, какъ и природа, производитъ недѣлимья, но въ недѣлимомъ искусства вполнѣ, а въ недѣлимомъ природы не вполнѣ осуществлена идея въ чувственной матеріи. Художественное недѣлимое не содержитъ въ себѣ нисколько чувственной матеріи, не проникнутой идеею и—ни одной части идеи безъ нагляднаго выраженія. Искусство подражаетъ природѣ, поскольку она, какъ и искусство образуетъ недѣлимое, которое есть вы-

раженіе идеи; но оно, сверхъ того, улучшаетъ природу, потому что его недѣлимая выражаютъ всю идею, и ничего другаго, кромѣ нея. Природа начинается, искусство оканчивается; та ищетъ нагляднаго выраженія идеи, это находитъ ее; природа--разбитое, искусство—цѣльное и вѣрное зеркало сверхчувственнаго міра идей. Въ фигурахъ искусства, какъ и въ идеяхъ сверхчувственнаго міра господствуетъ спокойствіе, напротивъ, въ природѣ---непрестанное движеніе. Красота есть неизмѣнное явленіе неизмѣнной идеи, между тѣмъ какъ фигуры природы суть постоянно измѣняющіеся опыты явленія.

Теченіе, въ которое неоплатонизмъ ввелъ Платоновы идеи, какъ бы останавливается въ красотѣ. Въ ней идея сдѣлалась вполне видимою чувственному зрѣнію; въ ней идея и послѣ отпаденія своего еще присуща вполне; дѣйствіе паденія вполне уничтожено чрезъ чудо чувственной красоты. Потемнѣніе идеи, какъ наказаніе за отпаденіе въ чувственное, исчезаетъ вслѣдствіе того, что вся идея открывается въ чувственности. Красота является какъ избавительница отъ наказанія за отпаденіе отъ небснаго къ земному. Небесное становится земнымъ, чтобы земное сдѣлать небеснымъ; вочеловѣченіе божественнаго есть обоготвореніе человѣческаго.

Такимъ образомъ, искусство есть религія и служеніе искусству—богослуженіе. Когда производитъ оно красоту, тогда земнымъ глазамъ даетъ видѣть небесное, и падшую природу путемъ чувственности ведетъ къ сверхчувственному. Когда въ земномъ научаетъ видѣть идею, учитъ познавать божественное, когда служитъ чувственной красотѣ, служитъ самому Божеству. Въ таинственномъ присутствіи идеи въ чувственномъ мірѣ оно сочетаваетъ смертное съ бессмертнымъ.

Въ своемъ темномъ образѣ выраженія, исполненомъ мистическихъ картинъ и религіознаго царенія, неоплатонизмъ слилъ греческое міросозерцаніе съ восточнымъ, ученіе объ истеченіи и Платоновъ міръ идей. Платоновое отпаденіе отъ идеи къ природѣ и Аристотелево восполненіе природы искусствомъ онъ соединилъ въ одно цѣлое. Мало заботясь о логической строгости, чрезъ принятіе ученія объ истеченіи, онъ напередъ уже удаляетъ всѣ метафизическія сомнѣнія, которыя нераз-

дѣльны съ этимъ древнѣйшимъ и вмѣстѣ грубѣйшимъ ученіемъ о происхожденіи міра. Сдѣлавъ однажды этотъ скачекъ, неоплатонизмъ далѣе идетъ уже послѣдовательно. Вслѣдствіе этого, система эта получила такой сильный перевѣсъ надъ всѣми философствованіями востока; потому что ходячія преданія она объяснила съ греческимъ остроуміемъ и проникаемостью. Платонова философія нуждалась въ *понятіи*, которое объясняло бы связь идеальнаго съ чувственнымъ міромъ; неоплатонизмъ далъ ей вмѣсто понятія *слово*, но такое, которое, будучи давно привычнымъ на востокѣ, дѣлало излишнимъ такое понятіе. Это слово—истеченіе, эманация. Оно все бы для насъ объяснило, если-бы было ясно само. Но для живаго воображенія восточныхъ людей оно не представляло ничего темнаго.

Ни одна изъ философскихъ системъ древняго міра не имѣла такого сильнаго и широкаго вліянія на потомство, какъ неоплатонизмъ. Предъ ея непрерываемою послѣдовательною, если только согласимся съ ея основною мыслию, предъ ея всегдашнею готовностію рѣшать таинственно и глубокомысленно всякаго рода вопросы на основаніи одного и того-же начала, предъ ея распространеніемъ по всѣмъ странамъ востока изъ средоточія позднѣйшей греческой образованности настоящій платонизмъ долженъ былъ отойти далеко на задній планъ. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ въ философіи отцовъ церкви, какъ и въ философіи схоластиковъ, настоящій платонизмъ почти вовсе не былъ отличаемъ отъ неоплатонизма, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ эпоху возрожденія не открылась возможность узнать Платона изъ его собственныхъ сочиненій. Но неоплатонизмъ не совершенно умеръ и доселѣ, и новая нѣмецкая философія снова пустила въ оборотъ его идеи. Одному изъ направленій нѣмецкой литературы, склонному болѣе къ остроумной мечтательности, нежели къ ясному разумному мышленію, вполне отвѣчалъ родственный голосъ Александрійскихъ философовъ, и вслѣдствіе этого, вѣкъ нашъ, который за недостатокъ творческой производительности и сухую ученость часто сравниваютъ съ Александрійскимъ, представляетъ сходство съ нимъ еще и въ другомъ отношеніи.

Новая эстетика не спаслась также отъ вліянія неоплатонической. Ни Платонъ, ни Аристотель не подвергались столь частымъ заимствованіямъ нѣмецкихъ умозрительныхъ эстетиковъ, сколько Плотинъ. Если настоящій Платонъ оставилъ еще подъ сомнѣніемъ, — не должно-ли искать красоты, которую онъ самъ полагалъ въ правильной мѣрѣ, въ раскрывающемся въ ней содержаніи; если Аристотель не допускалъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ее слѣдуетъ искать только въ формѣ; то также несомнѣнно, что Плотинъ и его школа искали ее исключительно въ раскрывающемся содержаніи. Красота для него есть наглядно выраженная идея. — Далѣе, въ неоплатонизмѣ-же надобно искать основаній и другаго направленія современной эстетики. Мы разумѣемъ направленіе *историческое*. Неоплатонизмъ представилъ первую и обильную послѣдствіями попытку замѣнить философское пониманіе міра исторіей его происхожденія. Поставивъ совершеннѣйшее на вершинѣ всякаго бытія и всякое бытіе представляя только ниспаденіемъ совершеннаго въ несовершеннѣйшее, онъ естественно пришелъ къ такому заключенію, что все существующее тѣмъ выше и достойнѣе, чѣмъ ближе къ происхожденію своему изъ совершеннѣйшаго. Поэтому, древнѣйшее есть необходимо и лучшее. Чѣмъ древнѣе происхожденіе чего-нибудь, тѣмъ оно ближе къ первому источнику, и чѣмъ болѣе испытало переменъ, тѣмъ болѣе удаляется отъ него. Старость ручается за достоинство, и вмѣсто доказательствъ послѣдняго достаточно указать на первую. Историческое доказательство замѣняетъ философское, запись рожденія—санкцію разума.

Вліяніе этого основанія на эстетику—очевидно. Если всякая красота сосредоточивается въ наглядномъ выраженіи идеи, то и каждое искусство и натуральное явленіе по мѣрѣ своего возраста обнаруживаютъ притязанія быть болѣе или менѣе наглядными выраженіями ея. Древнѣйшее будетъ имѣть преимущество предъ позднѣйшимъ. При опредѣленіи достоинства нужно не сравненіе съ идеей, а только порядокъ преемства. Римляне естественно должны уступить Грекамъ, Греки—Египтянамъ и Индійцамъ и т. д. Исторія искусства есть рассказъ о не прекращающемся ниспаденіи его. Прославленіе древности

должно заступить мѣсто критики, и единственнымъ совѣтомъ для искусства остается романтическое: «возвратись назадъ».

Замѣчаніе о состояніи философіи прекраснаго за время отъ III до XVIII ст.

Съ третьяго христіанскаго вѣка до половины 18-го въ исторіи эстетики открывається широкій пробѣлъ. Отдѣльныя остроумныя эстетическія замѣтки находимъ мы въ сочиненіяхъ обоихъ *Филостратовъ*, но они почти исключительно говорятъ о живописи и не входятъ въ изслѣдованія о красотѣ и искусствѣ вообще. Открывокъ сочиненія *Лонгина* «о высокомъ», писаннаго въ 3-мъ ст., замѣчательнъ въ томъ отношеніи, что въ теорію поэзіи и краснорѣчія онъ вводитъ новое понятіе, хотя и далеко не исчерпываетъ его. Онъ предлагаетъ собственно не объясненіе высокаго, но только указаніе на дѣйствіе и вліяніе, которыя производитъ оно на людей. «Высокое, говоритъ онъ, возбуждаетъ удивленіе и изумленіе,—такія чувства, которыя не краткое и незамѣтное вліяніе имѣютъ на душу, но внезапно овладѣваютъ человѣкомъ и противъ воли покоряютъ его себѣ». вмѣсто того, чтобы показать, въ чемъ состоитъ истинно высокое и чѣмъ отличается отъ ложной возвышенности, онъ приводитъ примѣры, изъ которыхъ видно, что онъ имѣлъ въ виду только нравственно-высокое. Вслѣдствіе этого, по его мнѣнію,—только вызвышенная душа способна къ высокому стилю, между тѣмъ какъ всѣ внѣшнія средства ведутъ только къ искусственности и напыщенности.

Между христіанскими философіями одинъ только блаженный Августинъ обратилъ вниманіе на понятіе красоты. По его мнѣнію, высказанному въ одномъ изъ его писемъ, красота есть единство, соединяющее многообразное. *Omnis pulchritudinis forma unitas est.* Въ книгѣ «объ истинной религіи» (гл. 23) онъ говоритъ: «когда недоумѣваютъ, почему нѣкоторое прекрасно, то, предполагаю, не потому-ли, что имѣетъ равныя себѣ части и нѣкоторою связію приводится въ одинъ составъ». Въ связи съ этимъ находятся другое мѣсто изъ со-

чиненій бл. Августина, гдѣ онъ красоту Бога полагаетъ въ мѣрѣ, которую Онъ имѣетъ Самъ въ Себѣ. Также и красота натуральныхъ вещей состоитъ въ мѣрѣ и порядкѣ по определеннымъ численнымъ отношеніямъ. Этому не противорѣчить то, что красоту сливаетъ онъ съ истиной, говоря, что «нѣтъ ничего прекраснѣе небесной и неизмѣнной истины», потому что «обѣ суть свойства Бога, который есть вѣчная форма, и котораго языкъ есть красота естественныхъ вещей». Христіанскій ученикъ неоплатонизма переноситъ предикаты высшей идеи неоплатониковъ на личное Божество. Вещи тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ яснѣе выражается въ нихъ Божество.

У преемниковъ Августина исчезаетъ и этотъ слабый слѣдъ ученаго разсмотрѣнія прекраснаго. Съ паденіемъ классическаго искусства и исключительнымъ употребленіемъ его для церковныхъ цѣлей, теоретическое изслѣдованіе его еще болѣе должно было утратить достоинство и значеніе. У схоластиковъ, гдѣ идетъ рѣчь о красотѣ, тамъ представляется она, какъ и у Августина, въ тѣснѣйшемъ отношеніи его къ Богу, какъ чувственное Его явленіе. Но и въ 13-мъ столѣтіи, когда искусство въ Италіи озарилось новымъ свѣтомъ, когда Дантъ, Жіотто, Пизани создали великія творенія, теорія его осталась чуждою философіи, истощавшейся въ бесплодной борьбѣ за превосходство Аристотеля предъ Платономъ. Даже возстановленіе античныхъ остатковъ, возвысившее искусство въ 15-мъ и 16-мъ столѣтіяхъ на верхъ совершенства, принесло теоріи его ту только выгоду, что талантливѣйшіе художники, какъ Леонардо и Дюреръ, занялись изысканіемъ правильныхъ пропорцій человѣческаго тѣла, а Микель Анджело и Рафаель въ краткихъ изреченіяхъ старались выразить свой судъ о сущности человѣческой красоты и дѣятельности художника. Преобладавшій въ эпоху возрожденія наукъ филологическій интересъ, при глубокомъ уваженіи къ преданіямъ древней философіи, останавливалъ самостоятельный порывъ мысли— какъ вообще, такъ и въ теоріи красоты и искусства. Мы высказываемъ это не съ тѣмъ, чтобы указать въ этомъ усыпленіи теоріи искусства что-либо вредное или достойное сожалѣнія. Какъ искусство, сохранившееся въ антикахъ, такъ и фило-

софія его вмѣстѣ съ философіею вообще должна была пройти школу подѣ руководствомъ классической древности. чтобы отыскать потерянную стезю. И когда совершилось это, когда въ Беконѣ, Декартѣ, Спинозѣ, Лейбницѣ явились вожди, указавшіе философіи новую дорогу, тогда естественно подѣ сильнымъ вліяніемъ положительныхъ наукъ и религіозныхъ волненій прежде всего привлекла къ себѣ вниманіе мыслителей метафизика. Какъ искусство, по выраженію Шиллера, становится возможнымъ только тогда, когда удовлетворены существенныя нужды; такъ и философія искусства есть вообще младшая и позднѣйшая между ея сестрами. Метафизика трудами названныхъ мыслителей, а практическая философія Гроціемъ, Лейбницемъ и Пуфендорфомъ уже давно приведены были въ системы, а философія искусства все еще робко и строго держалась старыхъ преданій. Потребно было царство избытка и роскоши въ силахъ и средствахъ, чтобы теорію искусства возбудить отъ ея дремоты. Такое царство открылъ во Франціи Людовикъ XIV. Стихотворенія Корнеля, составленныя подѣ вліяніемъ Аристотеля, вызвали разсужденіе самаго автора о «Піитикѣ» этого философа и внушили къ ней благоговѣніе во Франціи, а слѣдовательно, и во всемъ тогдашнемъ мірѣ. Когда литература опять сдѣлалась силой, то пришла въ силу и эстетика. Философская школа Вольфа въ Германіи сдѣлалась общею наслѣдницею всѣхъ прежнихъ стремленій. Въ первую треть XVIII столѣтія она привела въ одно громадное цѣлое результаты всей прежней философіи; и послѣ того, какъ логика, метафизика и практическая философія попеременно господствовали въ области философіи, открылось мѣсто и для философіи красоты и искусства, какъ самостоятельной философской науки. Заслуга этой находки и названія *эстетики*, какъ отдѣльной философской науки, принадлежитъ *Александру Баумартену*, и книгою, въ которой изложилъ онъ ее и которая первая названа ея именемъ, была изданная имъ въ 1750 году «первая часть эстетики».

Е. Амфитеатровъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15-го Сентября № 17. 1889 года.

Содержаніе. Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ въ Южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ въ Южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 гг., по 31 декабря 1888 г.

Къ 1 января 1888 г. въ капиталахъ комитета состояло 432,514 р. 33 к.; къ нимъ поступило, съ 1 января по 31 декабря 1888 г., 40,951 р. 78 к.; а всего, съ остаткомъ отъ декабря 1887 года, къ 1 января 1889 года въ приходѣ 473,466 р. 11 к. Съ 1 января по 31 декабря израсходовано наличными деньгами 27,592 р. 75 к.; затѣмъ къ 1 января 1889 года въ остаткѣ: а) процентными бумагами по нарицательной ихъ цѣнѣ 434,225 р., б) наличными деньгами 11,648 р. 36 к.; итого въ наличности 445,873 р. 36 к.; балансъ 473,466 р. 11 коп. Изъ общей суммы 445,873 р. 36 коп., 131,450 руб. процентными бумагами (въ томъ числѣ 128,200 руб. 5 проц. облигаціями 3-го Восточнаго займа и 3,250 р. свѣдѣтельствами на 6 проц. золотую ренту) и 707 р. 70¹/₂ к. кредитными билетами составляютъ неприкосновенный запасный капиталъ на обезпеченіе содержанія причта и будущаго ремонта сооружаемой церкви, а 1,000 руб. процентными бумагами (въ томъ числѣ 5—5 проц. облигацій С.-Петербургскаго городскаго кредитнаго общества на 900 руб. и 1—5 проц. облигація 1-го Восточнаго займа въ 100 р.) и наличными деньгами 104 р. 53 к. имѣютъ данное жертвователями спеціальное назначеніе. Съ открытія комитета по 31 декабря 1888 г. поступило: пожертвованій на 433,158 р. 68¹/₂ к.,

процентовъ на оныя 182,999 р. 42 к., получено обратно удержаннаго за 1885—1888 годъ 5 проц. сбора съ капиталовъ комитета 2,773 р. 15¹/₂ коп., поступило обратно посланныхъ въ Филиппинское отдѣленіе комитета и не дошедшихъ по назначенію 500 р., разныхъ поступленій 13 р. 63 к., итого 619,444 р. 89 к.; кромѣ того получено прибыли при продажѣ и покупкѣ въ 1880 г. процентныхъ бумагъ 17 р. 18 коп., тоже отъ выхода въ тиражи 1—5 проц. облигаціи С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества въ 100 р. 3 р. 73 коп., выручено отъ продажи процентныхъ бумагъ (облигацій 3-го Восточнаго займа на сумму 127,000 руб. нарицательныхъ) 124,053 р. 07 к., итого 743,500 р. 87 к.; употреблено изъ оныхъ на покупку процентныхъ бумагъ (помѣщено въ процентныя бумаги) 608,509 р. 67¹/₂ коп., израсходовано (въ томъ числѣ уплачено 5 проц. сбора съ купоновъ 2,768 р. 97 к.) 122,692 р. 83¹/₂ к., итого 731,202 р. 51 к., въ остаткѣ 12,298 р. 36 к.; въ томъ числѣ процентными бумагами поступившими отъ жертвователей (въ числѣ 421,225 руб.) 650 руб., дѣйствительный остатокъ наличными деньгами 11,648 р. 36 к.; куплено за 608,509 р. 67¹/₂ к. процентныхъ бумагъ по нарицательной цѣнѣ на сумму 560,575 р., изъ нихъ продано на 127,000 р., остается 433,575 р., а съ присоединеніемъ пожертвованныхъ процентными бумагами 650 р., итого въ наличности процентными бумагами 434,225 руб. Кромѣ денежныхъ пожертвованій, въ комитетъ поступили отъ разныхъ лицъ приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами.

Извѣщая, въ добавленіи къ отчету своему за первую половину 1885 года, о подготовительныхъ къ постройкѣ церкви начатыхъ работахъ и мѣстныхъ распоряженіяхъ, комитетъ долженъ былъ тогда же довести до общаго свѣдѣнія и о томъ, что возникшія въ Восточной Румелии политическія усложненія, роковымъ образомъ совпавшія съ началомъ строительной его дѣятельности, не дозволили дать ей тогда же желательнаго и необходимаго развитія, и заставили ограничиться, впредь до водворенія прочнаго порядка въ краѣ, лишь продолженіемъ начатыхъ уже подготовительныхъ построекъ и заготовокъ. Съ того времени отчеты комитета заключали въ себѣ лишь краткіе перечни денежныхъ поступленій и отпусковъ, съ выводомъ наличности находящихся въ его распоряженіи суммъ, безъ всякаго упоминанія о строительной его дѣятельности.

Причину этого молчанія легко понять. Стоитъ только припом-

нить то впечатлѣніе, которое производилъ на всѣхъ и каждаго ходъ событій на Балванскомъ полуостровѣ, постоянно съ начала сентября 1885 года усложнявшійся неожиданными и все болѣе и болѣе прискорбными случайностями.

Каждый изъ послѣдовательныхъ фазисовъ исторіи нашихъ отношеній къ Болгаріи въ теченіе послѣднихъ 3-хъ лѣтъ, представлялся вмѣстѣ съ тѣмъ лишь временнымъ, долженствующимъ скорѣе разрѣшиться, недоразумѣніемъ; и даже тогда, когда эти отношенія стали принимать все болѣе и болѣе обостряющійся характеръ, самое это обстоятельство, казалось, должно было вызвать собою скорую развязку. Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній находился и комитетъ. Не прекращая, въ виду оныхъ, начатаго дѣла, а лишь откладывая, до ожидаемаго устраненія недоразумѣній, болѣе полное развитіе онаго, затѣмъ пріостанавливая вновь таковое при возникновеніи новаго усложненія, комитетъ не могъ естественно дать удовлетворительнаго отчета о положеніи находящагося въ такихъ неопредѣленныхъ условіяхъ дѣла.

Какъ объяснено было въ приложеніи къ отчету за первую половину 1885 года, возникшій въ началѣ сентября того года такъ называемый Румелійскій переворотъ поставилъ комитетъ въ необходимость пріостановить, впредь до болѣе благопріятнаго времени, открытіе торговъ на поставку строительныхъ для храма матеріаловъ. Затѣмъ, возгорѣвшаяся въ томъ же году Сербско-Болгарская война, съ сопровождавшими ее реквизиціями и общимъ замѣшательствомъ, остановила съ своей стороны развитіе дѣла. Въ февралѣ 1886 года получено было отъ мѣстнаго въ Филиппополѣ отдѣленія комитета извѣстіе о возможности двинуть дѣло и о предположеніи открыть, въ виду этого, пріостановленные торги въ началѣ апрѣля; но разныя полученныя въ то же время извѣстія и указанія побудили комитетъ еще разъ остановиться и отложить торги до болѣе полного разъясненія мѣстныхъ обстоятельствъ. Для послѣдней цѣли, а равно для разрѣшенія нѣкоторыхъ, относящихся до мѣстной строительной дѣятельности комитета, вопросовъ, командированъ былъ весной 1888 года въ Шипку и Филиппополь предсѣдатель комитета. Поѣздку свою онъ совершилъ въ іюнѣ и іюлѣ того года, при чемъ, кромѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ Шипкѣ и Филиппополѣ, имъ объѣзжена была значительная часть Восточной Румеліи и княжества Болгарскаго. Единодушное мнѣніе нашихъ дипломатическихъ въ Восточной Румеліи представителей, мѣстнаго отдѣленія комитета и завѣдывающаго

строительными работами, полное господствовавшее повидимому тогда въ краѣ спокойствіе, совершенное отсутствіе какой бы то ни было враждебности со стороны встрѣчавшихся ему или видѣнныхъ имъ мѣстныхъ жителей, выражавшееся всѣми къ предпріятію комитета сочувствіе, наконецъ несомнѣнная преданность Россіи всего мѣстнаго Православнаго духовенства и всей массы народа: все это не оставляло, казалось, сомнѣнія въ полной возможности немедленно дѣятельно приступить къ постройкѣ церкви и довести оную до успѣшнаго окончанія. Въ виду этого, сдѣлано было распоряженіе объ объявленіи торговъ въ концѣ іюля, и 9-го того же мѣсяца, послѣ совершенія мѣстнымъ духовенствомъ селеній Шинки и Шейнова, въ присутствіи мѣстныхъ и окольныхъ жителей, торжественнаго молебствія, съ провозглашеніемъ многолѣтія Августѣйшему Дому, было приступлено къ вырытію церковнаго фундамента.

Въ началѣ августа состоялись торги, а 9-го того же мѣсяца произошелъ извѣстный Софійскій переворотъ. Непосредственнымъ результатомъ для дѣла комитета послѣдовавшихъ затѣмъ событій было гоненіе на тѣхъ контрагентовъ, за которыми осталась на торгахъ поставка матеріаловъ, лишившее ихъ возможности исполнить тѣ обязательства, которыя они изъявили готовность принять на себя,—гоненіе, объясняющееся впрочемъ не отношеніемъ ихъ къ дѣлу построенія церкви, а исключительно принадлежностью ихъ враждебной захватившимъ власть партіи. Въ виду этого обстоятельства предоставлено было завѣдующему постройкой производить заготовку матеріала хозяйственнымъ способомъ или путемъ частныхъ поставокъ; но едва показалось устраненнымъ это новое препятствіе, какъ совершилось отозваніе изъ края нашихъ дипломатическихъ представителей.

Съ удаленіемъ изъ Филиппополя личнаго состава нашего генеральнаго консульства упразднился и мѣстный органъ комитета—мѣстное отдѣленіе онаго, находившееся подъ предсѣдательствомъ генеральнаго консула, и члены коего изъ Болгаръ вынуждены были покинуть родину или скрываться отъ преслѣдованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ слишкомъ ясно указывалъ на то, что при постоянныхъ задержкахъ въ работахъ, на близкое устраненіе копѣхъ трудно было рассчитывать, дѣло не двигалось впередъ и средства комитета затрачивались большею частію крайне непроизводительно на административные расходы. Въ виду обстоятельствъ этихъ, постановленіями комитета, состоявшимися 20 февраля и 31 марта 1887 года, признано было необходимымъ временно прекратить дальнѣй-

шія работы по постройкѣ храма, ограничиваясь лишь выполненіемъ уже заключенныхъ завѣдующимъ постройкой, какъ на строительныя работы, такъ и на поставку матеріаловъ, контрактовъ п условій, и окончаніемъ начатаго постройкой церковнаго дома, предназначеннаго для священника и причта церкви. Исполненіе контрактovaných уже работъ и поставокъ протянулось до октября 1887 г.; въ этому же времени была доведена приблизительно до трети постройка церковнаго дома. Но въ этотъ промежутокъ времени совершилось новое измѣненіе въ положеніи дѣла въ Болгаріи; водвореніе въ ней поваго, непризнаннаго державами, князя утвердило комитетъ въ рѣшеніи пріостановить пока совершенно свою строительную дѣятельность съ одновременнымъ сокращеніемъ сопряженныхъ съ оною административныхъ расходовъ и передачею мѣстнаго имущества и произведенныхъ и начатыхъ работъ и построекъ подъ покровительство французскаго въ Филипполѣ консульства. Рѣшеніе это, представляющееся лишь болѣе полнымъ подтвержденіемъ послѣдовавшихъ уже въ началѣ года постановленій, было принято, вмѣстѣ съ утвержденіемъ и самихъ способовъ исполненія, 29 декабря 1887 года.

Въ настоящее время все то, что сдѣлано комитетомъ и принадлежитъ ему въ Шипкѣ и ея окрестностяхъ, передано уже подъ покровительство французскаго въ Филипполѣ консульства. Признавая правильность произведенныхъ комитетомъ мѣстныхъ затратъ, нельзя не сознать неизбежной непроизводительности части этихъ расходовъ; она обуславливается самымъ фактомъ прекращенія, хотя бы и временно, работъ, а также и тѣмъ, что въ теченіе болѣе 3-хъ лѣтъ времени, при нормальныхъ условіяхъ болѣе чѣмъ достаточнаго для окончанія всей постройки, она въ дѣйствительности не могла быть и начата, все ограничивалось, кромѣ подготовки матеріала, лишь необходимыми приготовительными къ постройкѣ работами, представляющими собою, поэтому, вмѣстѣ съ административными расходами огромный процентъ, чуть не большую часть всей сдѣланной затраты. Но можно надѣяться, что въ настоящее время, при опредѣлившемся приблизительно размѣрѣ мѣстнаго необходимаго для охраненія имущества и работъ расхода, потраченныя суммы пополнятся въ значительной степени излишкомъ поступающихъ на капиталы комитета процентовъ.

Кратній отчетъ по расходу суммъ на строительныя работы и постройки.

Строительная дѣятельность комитета, продолжавшаяся при вышеизложенныхъ условіяхъ, съ іюня 1885 по май 1888 года, заключалась въ слѣдующемъ:

1) Произведена нивелировка и распланировка мѣстности подъ церковь; 2) проложены дороги чрезъ церковную усадьбу, какъ постоянныя, такъ и временныя для подвоза матеріаловъ; 3) проведены канавы и рейнштоки, съ облицовкой ихъ камнемъ и устройствомъ плотинъ и колодцевъ для огражденія церковной площади отъ горныхъ потоковъ, и проведена вода въ селеніе Шипку для ирригаціонныхъ цѣлей; 4) заготовлена часть строительныхъ матеріаловъ; 5) возведены временныя и постоянныя хозяйственныя строенія для помѣщенія рабочихъ и склада матеріаловъ и строительныхъ принадлежностей; 6) выстроенъ на половину церковный домъ для причта и 7) произведены всѣ землекопныя работы по фундаменту храма.

На означенныя работы и постройки израсходовано; считая (по среднему курсу переведенныхъ на постройку суммъ) 9 р. 88 коп. за турецкую лиру, всего 89,224 р. 03 к. кред.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ Харьковскій комитетъ православнаго миссіонерскаго общества за августъ мѣсяць поступило: отъ благочиннаго 4-го Старобѣльскаго округа, собранныхъ по листамъ, отъ разныхъ лицъ 36 р. 24 коп., 2-го Валковскаго округа 21 р. 3 коп., 1-го Волчанскаго округа 24 р. 28 к., 2-го Купянскаго округа 27 р. 23 к., 2-го Старобѣльскаго округа 23 р. 41 к., 2-го Сумскаго округа 25 р., 1-го Богодуховскаго округа 53 р. 24 к., 2-го Лебединскаго округа 13 р. 81 к., 1-го Харьковскаго округа 14 р. 33 к., 1-го Ахтырскаго и 2-го Зміевскаго округа 185 р. 63 к., собрано протоіеремъ Михаиломъ Ветуховымъ 40 к.; членскіе взносы: священника Александра Артюховскаго 3 руб., крестьянина Аѳанасія Галоненка 3 р., священника Стефана Роменскаго 3 руб., свящ. Димитрія Жуковскаго 3 р., прот. Григорія Максимова 3 р., свящ. Леонида Твердохлѣбова 3 р., свящ. Іоанна Ѳедорова 3 р., діакона Тихона Ѳедоровскаго 3 руб., церковнаго старосты Ивана Корсиченко 3 р., прот. Алексѣя Иннокова 3 р., свящ. Іоанна Иннокова 3 р., церковнаго

старосты Василя Мирошника 3 р., свящ.: Василя Ястремскаго 3 р., Мелетія Быковцева 3 р., Иннокентія Данилова 3 р., Іоанна Косьменка 3 р., Павла Быковцева 3 р., Алексѣя Иннокова 3 р., церковнаго старосты Сергѣя Коновалова 3 руб., свящ.: Дмитрія Бѣдина 3 р., Іакова Ѳедорова 3 р., Іосифа Реутскаго 3 р., Фларета Донченкова 3 р., Гавріила Попова 3 р., Павла Лысенкова 3 р., Михаила Загоровскаго 3 р., Георгія Ѳедорова 3 р., Петра Роздольскаго 3 р., церковн. старосты Івана Жукова 3 р., свящ.: Іакова Иннокова 3 р., Самуила Ѳедорова 3 р., Іоанна Василевскаго 3 р., Василя Попова 3 р., Дмитрія Прядкина 3 р., Ѳеодора Шиплова 3 р., Алексѣя Ѳедорова 3 р., церковн. старосты Ѳеодора Шулики 3 р., свящ.: Іоанна Кузнецова 3 р., Капитона Важенова 3 р.; всего поступило въ августѣ мѣсяцѣ наличными 544 р. 60 к.

Епархіальныя извѣщенія.

Города Славянска Воскресенской церкви священникъ Григорій *Кирилловъ* по прошенію уволенъ за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ священникомъ окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Николай *Доброславскій*.

— Священникъ Пятницкой церкви, села Бакпровки, Ахтырскаго уѣзда, Василий *Сушковъ* уволенъ отъ должности законоучителя Деровскаго начальнаго училища, согласно прошенію его.

— Настоятель Лебединской Соборно-Успенской церкви, священникъ Николай *Ходской* рукоположенъ въ санъ протоіерея въ Куряжскомъ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ монастырѣ.

— Священникъ Николаевской церкви, слоб. Кругляковки, Булянскаго уѣзда, Петръ *Торанскій*, согласно прошенію, перемѣщенъ къ Александроневской церкви Ново-Александровскаго коннаго завода, Старобѣльскаго уѣзда.

— Преподаватель закона Божія Старобѣльской Александровской гимназіи, кандидатъ богословія Московской духовной академіи, Гавріиль *Поповъ* опредѣленъ священникомъ къ Александроневской цер. означенной гимназіи.

— Протоіерей Николаевской цер., слоб. Ново-Пскова, Старобѣльскаго у., Павелъ *Раздольскій* утвержденъ духовникомъ въ 3 округѣ того же уѣзда.

— Священ. Рождество-Богородичной ц. села Уды, Харьковскаго уѣзда, Алексѣй *Новоміръскій* перемѣщенъ въ с. Ракитное, Валковскаго уѣзда.

— Безмѣстный священ. Яковъ *Бѣликовъ* опредѣленъ въ с. Уды, Харьковскаго уѣзда, къ Рождество-Богородичной церкви.

— Окончившій курсъ семинаріи Платонъ *Стаховскій* опредѣленъ вторымъ священникомъ въ с. Кругляковку, Купянскаго у., къ Николаевской ц.

— Священ. села Удъ, Матвѣй *Богославскій* утвержденъ законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

— Учитель Петръ *Тимошеевъ* рукоположенъ въ діакона къ Архангело-Михайловской ц. слоб. Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда.

— Учитель Шиповатскаго народнаго училища, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, Николай *Самойловъ*, утвержденъ въ должности законоучителя того же училища.

— Причетническій сынъ Николай *Федоровъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ церкви слоб. Михайликовки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Учитель народнаго училища Аполлонъ *Ушаковъ* назначенъ на псаломщическую должность къ церкви слоб. Ново-Ахтырки, Старобѣльскаго у.

— Окончившій курсъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, сынъ умершаго псаломщика Михаилъ, *Фаворовъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Архангело-Михайловской ц. с. Ольховаго Рога, Изюмскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ наукъ Харьковской духовной семинаріи Никифоръ *Полянскій* опредѣленъ, по прошенію, псаломщикомъ къ Покровской ц. слоб. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.

— Сынъ діакона Михаилъ *Сергіевскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Троицкой ц. с. Анненскаго, Сумскаго уѣзда.

— Сынъ умершаго діакона Алексѣй *Мухинъ* опредѣленъ, согласно прошенію, на праздное псаломщическое мѣсто къ Преображенской цер. слоб. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда.

— Къ Архангело-Михайловской ц. слоб. Бабаевъ, Харьковскаго у., опредѣленъ псаломщикомъ Николай *Трипольскій*.

— Канцелярскій служитель Харьковской духовн. консисторіи Викторъ *Ильинскій*, опредѣленъ псаломщикомъ къ Владиміро-Богородичной церкви слоб. Должикъ, Харьковскаго уѣзда.

— Утверждены въ должн. церковн. старосты: къ Рождество-Богородичной ц. с. Каменки, Ахтырскаго уѣзда, крест. Евстафій *Сторчунъ*, Троицкой ц. с. Василевки, Лебединскаго уѣзда, мѣщан. Захарій *Кривенко*, Успенской ц. слоб. Марковки, Старобѣльскаго у., крест. Григорій *Глущенко*, Георгіевской цер. слоб. Гусляки, Купянскаго у., крест. Трофимъ *Ткаченко*, Успенской цер. сл. Ново-Екатеринославля, Купянскаго уѣзда, отставн. солд. Софоній *Стельмахъ*, Иоанно-Богословской ц., сл. Сяпихи, Купянскаго у., крест. Дмитрій *Вороненъ*, Николаевской цер., села Наугольновки, Купянскаго у., крест. Василій *Мисковъ*.

— Старосты: Успенской ц. с. Верхней Сыроватки, Сумскаго у., крест. Павелъ *Скрыткинъ* и Архангело-Михайловской церкви с. Павловки, Сум-

скаго у., крест. Іоаннъ *Головинецъ* награждены Всемилоствивѣйше серебряными медалями.

— Староста Рождество-Богородичной ц. с. Алексѣевки, Сумскаго уѣзда, губернской секретарь Андрей *Савицъ* награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й ст. съ грамотою на оный.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Освященіе церкви при богадѣльнѣ мѣщанскаго общества въ Харьковѣ.—Мнѣніе одного благотворительнаго совѣта о діаконахъ.—Испытанія на должности учителей церковно-приходскихъ школъ.—Общество ревнителей крестныхъ ходовъ въ Петербургѣ.—Богадѣльни для заштатныхъ священно-церковно-служителей придворнаго вѣдомства.—О церковно-приходскихъ попечительствахъ.—Взглядъ сельскаго священника на трудность устройства церковно-приходскихъ школъ.—Миссіонерскіе курсы въ Казани.—Повѣдка одного изъ сибирскихъ миссіонеровъ.—Изобличенія шапопутовъ.—Отзывы бѣглопоповцевъ о собственной слабости.—Иконостасы изъ кирпича.—Переходъ въ православіе всѣхъ курскихъ еднновѣрцевъ.—Археологическая находка.—Особый знакъ для миссіонеровъ.—Поддѣлка старинныхъ иконъ.—Католическая пропаганда въ Галиціи.—Наказаніе за богомолье.—Высочайшій указъ объ утвержденіи положенія о земскихъ начальникахъ.—Почтово-телеграфныя сберегательныя кассы.—Устройство окраинъ.—Наказанное кощунство и предсмертное обращеніе въ Православіе Мелепковскаго мѣщанина «молоканина».—О признакахъ и теченіи болѣе важныхъ заразныхъ болѣзней.—Случай врачбной помощи въ болѣзни дифтерита.—Кефиръ.—Тиражъ выиграншей 2 внутренняго займа, произведенный 1 сентября 1889 года.—Воззваніе.

— 3-го сентября утромъ Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ сослуженіи духовенства кафедральнаго собора и нѣкоторыхъ другихъ церквей, была освящена на Холодногорской улицѣ домовая церковь во имя Пресвятыи Богородицы. Церковь эта выстроена при богадѣльнѣ Харьковскаго мѣщанскаго общества и почти исключительно на средства этого общества. По освященіи храма Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ была отслужена литургія и молебствіе, а по окончаніи церковныхъ службъ всѣмъ приглашеннымъ, почтившимъ своимъ присутствіемъ торжество, въ числѣ которыхъ находились: г. вице-губернаторъ графъ А. Д. Милютинъ, Харьковскій городской голова И. О. Фесенко, Попечительный Совѣтъ, нѣкоторые члены городской управы и многія другія лица, былъ предложенъ скромный завтракъ.

Исторія устройства богадѣльни и при ней церкви слѣдующая: въ 1883 г., по избраніи мѣщанскимъ старостою В. И. Семененка, общество просило его отчислить необходимый капиталъ и устроить богадѣльню для призрѣнія безпріютныхъ мѣщанъ обою пола, исключительно уроженцевъ г. Харькова. Тогда-же была составлена изъ

членовъ правленія такъ называсмая строительная редакціонная комиссія, въ составъ которой, кромѣ предсѣдателя В. И. Семененка, вошли слѣдующія лица: В. В. Жуковъ, Л. Н. Николаевъ и К. Ѡ. Реутовъ. Комиссія повела дѣло очень энергично. Въ скоромъ времени на Холодной горѣ найдено было подходящее мѣсто, которое и было приобрѣтено обществомъ вмѣстѣ съ находящимися на немъ постройкамъ за 8750 рублей. Въ купленномъ, вмѣстѣ съ мѣстомъ, старомъ домѣ тогда-же была устроена богадѣльня первоначально лишь на 30 кроватей, но, такъ какъ она оказалась слишкомъ тѣсной, то комиссія рѣшила выстроить новое зданіе. Было прикуплено дворовое мѣсто съ домикомъ за 1000 рублей, и въ томъ-же 1883 году приступили къ постройкѣ каменнаго двухъ-этажнаго корпуса, приспособленнаго специально для богадѣльни. Постройка эта обошлась обществу въ 17 тысячъ рублей, и закончена она была въ 1885 году, когда всѣ призрѣваемые были переведены изъ стараго дома въ новый корпусъ. Нѣсколько ранѣе, въ 1884 году, на дворѣ богадѣльни выстроена была прекрасная, обширная каменная баня, стоящая 3 тысячи рублей. Въ 1888 году, когда средства общества увеличились, въ память чудеснаго избавленія отъ угрожавшей Его Императорскому Величеству и Его Августѣйшему Семейству опасности при крушеніи Императорскаго поѣзда 17 октября на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ, по предложенію своего старосты, мѣщанское общество рѣшило построить при Холодногорской богадѣльнѣ домовую церковь во имя Пресвятыя Богородицы — «Всѣхъ Скорбящихъ Радости» и вмѣстѣ съ ней Александровскій дѣтскій пріютъ для дѣтей-сиротъ обоюга пола. Это рѣшеніе общества замѣчательно скоро было приведено въ исполненіе. Вновь назначенная строительная комиссія, подъ предсѣдательствомъ В. И. Семененка и въ составѣ членовъ: П. Я. Гераськова, А. Е. Чепанова, В. В. Жукова, А. Н. Николаева и К. Ѡ. Реутова, приступила къ постройкѣ церкви весною 1888 года, а закончила всю постройку лѣтомъ настоящаго года. Постройка церкви и пріюта обошлась обществу въ 21 тысячу руб.; устройство иконостаса и приобрѣтеніе церковныхъ принадлежностей, колоколовъ—словомъ, всего инвентаря, стоило болѣе 4 тыс. руб. Въ это число не входитъ множество пожертвованій, сдѣланныхъ разными лицами въ пользу новой церкви, такъ наиримѣръ: А. Т. Тимоѣевъ, почетный попечитель богадѣльни, пожертвовалъ всю одежду на престолъ и кипарисное дерево, изъ котораго былъ сооруженъ самый престолъ; имъ же пожертвованы и всѣ иконы Дванадцятихъ

праздниковъ; отъ г-жи Уткиной поступило пожертвованіе: большое паникадило, двѣ хоругви, серебряный, позлащенный запрестольный крестъ, большое Евангеліе въ серебрянной позлащенной оправѣ. Другое большое Евангеліе, въ такой же оправѣ, серебряный позлащенный крестъ, чаша, дароносица, лжицы и проч., пожертвованы были лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. Самимъ мѣщанскимъ старостою было пожертвовано очень много вещей, необходимыхъ для богадѣльни, какъ-то: кровати, матрасы и проч., и проч. Деньгами въ пользу церкви и пріюта поступило: отъ В. И. Семененко 200 рублей, отъ почетнаго попечителя Е. С. Гордѣенка 500 руб., отъ С. А. Клеменова 200 руб., Ф. А. Павловскаго 100 руб.; кромѣ того, много денегъ было собрано отъ разныхъ жертвователей по подписному листу. Вообще же, устройство богадѣльни, церкви и пріюта превышаетъ 55 тысячъ рублей.

Въ настоящее время въ богадѣльнѣ находится: мужскаго пола 36 человекъ и женскаго—55. Въ дѣтскомъ пріютѣ призрѣвается 24 ребенка—12 мальчковъ и 12 дѣвочекъ. Обыкновенно-же въ богадѣльнѣ содержится отъ 80 до 130 человекъ, и полное содержаніе каждаго призрѣваемаго обходится отъ 5 руб. до 5 руб. 50 к. въ мѣсяць. Въ годъ же всего расходуется болѣе 6 тысячъ рублей, считая въ этомъ числѣ жалованье законоучителю и настоятелю новой церкви о. Павлу Реутскому (300 руб. при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи), учителю и вмѣстѣ съ тѣмъ псаломщику церкви В. Д. Сукачеву (200 рублей въ годъ при полномъ содержаніи), врачу богадѣльни Т. Т. Кисличенко и, наконецъ, смотрителю богадѣльни, который исполняетъ также обязанность фельдшера.

— Благочинническій совѣтъ 3 округа, череповскаго уѣзда, новгородской епархіи, не такъ давно, разсуждая о служебной дѣятельности окружнаго духовенства вообще, не могъ не остановить вниманія на діаконахъ. По мнѣнію совѣта, «діаконы въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются наблюденію въ данное время, представляютъ собою контингентъ лицъ ничего не дѣлающихъ и пользующихся $\frac{1}{3}$ причтоваго годоваго дохода. Вся ихъ дѣятельность въ данное время состоитъ въ сказываніи нѣсколькихъ эктеній (діаконы не всегда являются къ началу богослуженія, а иногда и совсѣмъ не являются) и въ буквальный бездѣйствіи отъ службы до службы. Ни одинъ изъ нихъ пока еще не позаботился объ открытіи церковно-приходской школы, или объ улучшеніи церковнаго пѣнія, которое такъ важно и необходимо въ религіозномъ

отношеніи. Мѣстные священники смотрятъ на это съ прискорбіемъ, но не предпринимаютъ никакихъ мѣръ противъ бездѣтельности діаконовъ, изъ опасенія пареканій въ притѣсненіи діаконовъ. Благочиннической совѣтъ полагають бы обязать діаконовъ, чтобы они или открывали ц.-прих. школы и занимались въ оныхъ обученіемъ, или же, гдѣ открыть школу почему-либо невозможно, занимались обученіемъ церковному пѣнію. Чтобы побудить нерадивыхъ діаконовъ къ дѣятельности, имъ слѣдуетъ выдавать доходъ въ равной мѣрѣ съ причетникомъ, т. е. священнику изъ рубля 60 коп., а діакону съ псаломщикомъ по 20 к. каждому до тѣхъ поръ, пока діаконъ не займется которою-либо изъ вышеупомянутыхъ двухъ родовъ дѣятельности.»

— Испытанія на должности учителей церковныхъ школъ въ астраханской епархіи дали нѣсколько новыхъ полезныхъ указаній. Одинъ изъ подвергавшихся испытанію, вообще, впрочемъ, признанный вполне способнымъ къ этой должности, не могъ объяснить словъ: «милость мира, жертву хваленія»; другой не отвѣчалъ на вопросы о томъ, кто писатель первыхъ пяти книгъ Библии и какіе большіе и малые пророки,—не зналъ твердо заповѣдей и символа вѣры (въ разбивку по членамъ); третій не зналъ, какія книги содержатся въ Библии, какія—ветхаго и новаго завѣта, не могъ даже сказать, какая первая книга въ Библии и т. п.

— Мы слышали, пишутъ «Новости», что по инициативѣ нѣкоторыхъ изъ членовъ нашихъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ осенью текущаго года предполагается созвать съѣздъ представителей этихъ обществъ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся дѣятельности этихъ обществъ и, между прочимъ, вопроса объ утвержденіи центрального органа съ цѣлью установленія постепенной связи между упомянутыми и другими благотворительными обществами.

— По почину протопресвитера І. Л. Янышева, среди придворнаго духовенства возникла идея о постройкѣ богадѣльни для заштатныхъ священно-и-церковно-служителей придворнаго вѣдомства, а также и для ихъ семействъ. Въ настоящее время работы по постройкѣ богадѣльни, выходящей фасадами на набережную Невы, Воскресенскій проспектъ и Шпалерную улицу, почти окончены и открытіе ея ожидается въ концѣ этого или въ началѣ будущаго мѣсяца. Стиль постройки смѣшанный и представляетъ нѣчто среднее между русскимъ и византійскимъ. Три этажа богадѣльни раздѣлены на шестьдесятъ отдѣльныхъ квартиръ, въ томъ числѣ де-

сятъ, такъ называемыхъ, двойныхъ; двадцать полуторныхъ и тридцать одиночныхъ. Каждая двойная квартира состоитъ изъ трехъ комнатъ, передней и кухни, а одиночная изъ одной комнаты, передней и кухни; высота каждой комнаты около пяти аршинъ. Во всѣхъ квартирахъ масса воздуха и свѣта. Въ квартирахъ, кромѣ кухонь, вездѣ паркетные полы; въ комнатахъ, облеенныхъ обоями, изразцовыя печи, въ кухняхъ поставлены плиты и устроены водопроводные краны, съ раковинами для воды. По всѣмъ тремъ этажамъ зданія идутъ свѣтлые корридоры, въ которыхъ расположены отдѣльные, для каждой квартиры, шкафы для провизіи. Въ третьемъ этажѣ богадѣльни устроена небольшая церковь во имя преподобной Ксеніи. Стѣны и потолки росписаны живописью. Иконостасъ дубовый. При церкви особая ризница и двѣ комнаты для церковной прислуги. Вся церковь выдержана въ русскомъ стилѣ. Для будущей администраціи богадѣльни отведены всего лишь двѣ небольшія комнаты; одна предназначается для канцеляріи, а другая будетъ служить приемою.

Всѣ работы по постройкѣ производились хозяйственнымъ способомъ, подъ наблюдениемъ строительнаго комитета, состоящаго изъ предсѣдателя, протоіерея І. В. Толмачева и придворныхъ протоіереевъ А. П. Щепина и Н. К. Смирнова. На постройку было ассигновано 316,000 рублей.

— Въ Петербургѣ учреждается новое общество на подобіе Московскаго общества хоругвеносцевъ и будетъ именоваться «Обществомъ ревнителей благолѣпія крестныхъ ходовъ въ Петербургѣ». Цѣль общества, какъ видно изъ самаго названія, по мѣрѣ силъ и по средствъ содѣйствовать православному столичному духовенству въ дѣлѣ устройства возможно благолѣпныхъ крестныхъ ходовъ въ столицѣ. Виредь до выработки устава и его утвержденія, членскій взносъ опредѣляется пока въ одинъ рубль ежегодно. Взносы принимаются архимандритомъ Тихономъ въ Александро-Невской лаврѣ и секретаремъ славянскаго благотворительнаго общества В. И. Арпстовымъ, въ помѣщеніи общества.

— Церковно-приходскія и имъ подобныя попечительства, помогающія церквамъ и духовенству, не оставляютъ безъ помощи и нуждающихся прихожанъ.

Такъ, Ипатіевское попечительство кастромскаго православнаго братства въ прошломъ году, какъ видно изъ только-что появившагося отчета его, бесплатно подавало врачебную помощь всему населенію Ипатіевской мѣстности посредствомъ содержимой псклю-

чительно на одни только братскія средства при приходской церкви въ собственномъ домѣ братства, амбулаторной лѣчебницы. Въ помощь врачу, г. Золотницкому, братство содержитъ при лѣчебницѣ на свои средства специально для занятій съ больными, фельдшерницу, которая по указанію врача составляетъ медикаменты и раздаетъ ихъ, дѣлаетъ больнымъ перевязки и т. п., а въ случаяхъ заразительности болѣзни производитъ въ домахъ у больныхъ дезинфекцію. Расходъ по амбулаторной лѣчебницѣ, при безмездномъ трудѣ г. Золотницкаго и при бесплатномъ снабженіи ея типо-литографомъ Фалькъ бланками для книгъ, сигнатурами и ярлыками, простирался со стороны братства до 1,037 р. 95 к., считая въ той суммѣ жалованье фельдшерницѣ и прислугѣ, отопленіе дома и проч.

— Въ рязанскомъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ состоялось опредѣленіе о томъ, что церковно-приходскими школами могутъ называться лишь тѣ школы, которыя имѣютъ особаго учителя, особое помѣщеніе и, наконецъ, денежные средства на свое содержаніе въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ. По поводу этого постановленія одинъ изъ священниковъ епархіи, въ мѣстномъ органѣ, ставитъ, между прочимъ, такой вопросъ: много ли найдется такихъ школъ, которыя даже при всемъ желаніи и добромъ усердіи лицъ, къ нимъ соприкосновенныхъ, могли бы удовлетворить всѣмъ выше-названнымъ условіямъ, а затѣмъ, требующаяся на лицо совокупность всѣхъ этихъ условій своею трудностію не можетъ ли утратить много дѣятеля, стремящагося устроить церковно-приходскую школу, и заставить отказаться отъ добраго намѣренія?

Правда, продолжаетъ авторъ священникъ, — особыхъ учителей для церковно-приходской школы изъ лицъ, окончившихъ семинарское ученіе, найти, пожалуй, не трудно. Можно даже въ извѣстныхъ случаяхъ устроить и особое помѣщеніе, такъ какъ это расходъ единовременный и къ тому же, въ виду отпуска изъ казенныхъ лѣсовъ строительнаго матеріала для школы по дешевой цѣнѣ, не особенно и большой. Но гдѣ взять для каждой школы ежегодно не менѣе 50 рублей? Въ вышеупомянутомъ распоряженіи училищнаго епархіальнаго совѣта говорится, что школа, не удовлетворяющая тремъ выше-названнымъ условіямъ, должна именоваться не церковно-приходскою, а школою грамотности. Но если зашелъ вопросъ о средствахъ содержанія, то вѣдь и школа грамотности въ нихъ нуждается не менѣе, чѣмъ церковно-приходская. Нельзя же весь школьный расходъ всегда возлагать на церкви, потому что многіе изъ нихъ не могутъ удѣлять изъ своихъ средствъ

всей суммы, потребной на содержаніе школы. Надѣяться, что крестьяне будутъ уплачивать требующуюся сумму подворно или подушно—тоже нельзя, такъ какъ въ народѣ, при его настоящемъ умственномъ состояніи, чувство общественности, сознаніе важности и обязательности общественнаго дѣла совсѣмъ не развито, а при господствующемъ въ нашъ вѣкъ эгоизмъ, проникающемъ болѣе и болѣе и въ массы народныя, трудно пробудить даже естественныя стихійныя задатки этого чувства общественности, такъ что безъ преувеличенія можно сказать, что на общественное дѣло народъ рѣшительно неподвиженъ.

Въ доказательство этого авторъ-священникъ приводитъ слѣдующій случай изъ своей личной практики.

Мнѣ приходилось,—говоритъ онъ,—убѣждать крестьянъ къ перевозкѣ лѣса на школу (на пріобрѣтеніе котораго, нужно добавить, они не израсходовали ни гроша). Все дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы каждому съѣздить верстъ за 12 въ лѣсъ однажды, употребивъ на то полсутки. Однакожь, прошло около 4 мѣсяцевъ, прежде чѣмъ я добился ихъ согласія. И притомъ, что болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе, чего-то чего они не перобрали, что-бы объяснить себѣ, зачѣмъ это батюшка такъ беспокоится о школѣ. Одни говорили, что за построеніе школы даютъ ему 500 р. (на вопросъ—откуда, обычный отвѣтъ—изъ казны), другіе, что хочетъ получить награду, третьи, что за обученіе въ школѣ будутъ платить хорошее жалованье и т. д. И, кажется, рѣшительно ни одинъ не былъ способенъ подумать о безкорыстной обязанности священника въ данномъ случаѣ. Конечно, не вездѣ и не всегда можетъ быть такъ, однакожь каждому, принимающемуся за подобное дѣло, не мѣшаетъ это знать, тѣмъ болѣе, что мои крестьяне не самые еще худшіе.

Часто приходится видѣть,—продолжаетъ онъ,—что крестьяне отказываются дать на содержаніе школы даже 10 коп. съ души. Откуда же, спрашивается, брать требующуюся сумму? Единственнымъ исходомъ, по его мнѣнію, можетъ служить слѣдующее средство.

Можно,—говоритъ онъ,—брать съ каждаго мальчика за зиму по 50 коп. и болѣе, смотря по числу ходящихъ въ школу. Выгода такого способа содержанія школы въ томъ, что крестьяне, не соглашаясь платить съ двора или души, въ тоже время, какъ показываетъ опытъ, согласны бывать платить съ мальчика, потому что при такомъ порядкѣ каждый отвѣчаетъ самъ за себя, а это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ настоящему складу духовной

жизни крестьянина (въ каковомъ эгоизмъ играетъ весьма большую роль), а затѣмъ къ тому порядку крестьяне уже издавна привыкли. Известно, что на Руси православной гораздо раньше школъ земскихъ и церковно-приходскихъ существовали свои собственные, такъ сказать, крестьянскія школы, въ которыхъ учили дьячекъ, писарь, лишившійся мѣста, безродный солдатъ и т. д.; известно также, что такихъ школъ много и теперь по разнымъ захолустнымъ деревнямъ и какъ прежде, такъ и теперь способъ содержанія этихъ школъ одинъ и тотъ же. Крестьяне сами покупаютъ для своихъ мальчиковъ буквари, часословы и псалтыри, платятъ около 1 рубля съ мальчика въ зиму учителю и, наконецъ, часто даже по очереди кормятъ учителя (въ родѣ того, какъ лѣтомъ пастуха). Въ виду этого факта, на плату крестьянъ съ мальчика почти всегда можно надѣяться, особенно если принять во вниманіе, что церковно-приходская школа для крестьянина не какое-нибудь новое и совершенно чуждое ему явленіе, но, напротивъ того, значительно родственное ему по своему сходству съ существовавшими у него школами, такъ какъ онъ видитъ, что въ той и другой школѣ равно учатъ по часослову, псалтыри или вообще, какъ онъ говоритъ, по божескому. Опасаться, что при платѣ съ мальчика бѣдные не будутъ отдавать своихъ дѣтей въ школу, не должно, потому что такая бѣдность, которая бы лишила возможности отдать въ годъ 50 к.—1 р., даже въ деревнѣ явленіе далеко не частое, да притомъ для такихъ можно сдѣлать и исключеніе. Должно лишь добавить, что во избѣжаніе какихъ-нибудь столкновеній съ крестьянами при сборѣ платы съ мальчика, а, главное, въ интересахъ же самой школы, необходимо отъ крестьянъ, выразившихъ свое согласіе на такую или иную плату съ мальчика, заручаться соответствующими приговорами, ибо въ противномъ случаѣ, сверхъ другихъ опасеній возможна и опасность обвиненія въ вымогательствѣ, противозаконномъ обложеніи данью и т. п.

Едва ли предлагаемый способъ, замѣчаетъ по этому поводу «Церк. Вѣст.», радикально разрѣшаетъ вопросъ о средствахъ для церковно-приходскихъ школъ. Если уже для содержанія школы имѣть въ виду одни крестьянскіе кошельки, то необходимо поставить дѣло такъ, чтобы школа въ приходѣ была создана и содержима всѣмъ приходскимъ обществомъ, а не тѣми только, кому она нужна непосредственно. Только при такихъ условіяхъ и возможна болѣе или менѣе прочная и правильная постановка ея во всѣхъ отношеніяхъ. Допустимъ, что чувство общественности

въ пномъ приходѣ слабо. Но это во-первыхъ явленіе далеко не общее и не повсемѣстное, а, во-вторыхъ, задача-то священника въ этомъ дѣлѣ и состоитъ въ томъ, чтобы всѣми силами бороться съ проявляющимся въ такомъ дѣлѣ равнодушіемъ, обособленностію и эгоизмомъ. Согласны, что борьба эта не изъ легкихъ, что результаты ея скажутся не скоро, но зато когда они скажутся, то дѣло поставится прочно (Ц. В. № 35).

— Для доставленія миссіонерскаго образованія такимъ лицамъ, которыя, при всей своей пригодности для миссіонерскаго служенія, не могутъ поступить въ число дѣйствительныхъ студентовъ академіи или по недостатку образовательныхъ правъ, или по невозможности вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ проходить четырехлѣтній академическій курсъ, при миссіонерскомъ отдѣленіи казанской академіи открываются съ 15 сентября текущаго года двухгодичные миссіонерскіе курсы. На курсахъ будутъ преподаваться науки обоихъ миссіонерскихъ отдѣловъ — татарскаго и монгольскаго. Въ составъ курсовъ, по избранію и рекомендаціи епархіальныхъ преосвященныхъ и православнаго миссіонерскаго общества, могутъ поступать лица, вполне опредѣлившіяся по своему направленію и желающія посвятить себя миссіонерскому служенію, безъ различія званія и правъ по образованію и безъ всякаго испытанія. Для миссіонерскихъ курсовъ въ 1889—1890 учеб. году назначается десять вакансій — четыре казенныхъ, изъ суммъ академическихъ, и шесть пансіонерскихъ. Необходимыя для уплаты въ академическое правленіе пансіонерскихъ окладовъ суммы ассигнуются или православнымъ миссіонерскимъ обществомъ, или епархіальными миссіонерскими комитетами. Дай Богъ, чтобы это учрежденіе привилось у насъ.

Миссіонеры наши въ своихъ поѣздкахъ съ проновѣдью по кочевьямъ язычниковъ обрекаютъ себя на весьма многія лишенія. Изъ записокъ миссіонера урскульскаго отдѣленія алтайской миссіи видно, напримѣръ, что миссіонеры стали обрезать себя на такія лишенія, какъ отсутствіе палатки, удобной постели и теплой одежды, этихъ неразлучныхъ прежде спутниковъ миссіонера при всѣхъ путешествіяхъ по Алтаю, — обреченіе, вызванное желаніемъ обойтись безъ вьючной лошади, много, по опыту, мѣшающей въ ѣздѣ, особенно въ лѣсу, а главное — требующей лишнихъ расходовъ. Тотъ же миссіонеръ приводитъ слѣдующій фактъ, характеризующій отношеніе нѣкоторыхъ язычниковъ къ христіанской проновѣдѣ.

«Каракольскіе язычники, за немногими исключеніями, слушали

насъ весьма неохотно, ссылаясь, по обыкновенію, на своихъ якушларовъ, остающихся доселѣ некрещенными. Павелъ же, глава самихъ якушларовъ, на отрѣзъ отказался бесѣдовать съ нами, говоря: «я старъ, глухъ и глушь; что же и разговаривать со мной о вѣрѣ?»

— Попытки воротить шалопутовъ въ православную церковь часто не приводятъ ни къ чему, вслѣдствіе, между прочимъ, продолжающейся скрытности сектантовъ. Нѣкоторые миссіонерскіе комитеты въ екатеринославской епархіи иногда находятъ себя вынужденными, на бесѣдахъ съ сектантами, обращаться къ православнымъ съ предложеніемъ уличать сектантовъ въ принадлежности ихъ къ шалопутству. Замѣчательно, что, по мѣстамъ, многіе православные усиленно порываются изобличать шалопутовъ; одна едва не девяностолѣтняя старуха дважды являлась съ этой цѣлью на бесѣду съ шалопутами. Впрочемъ, комитеты иногда отклоняютъ такіа изобличенія, чтобы легче было собирать сектантовъ для бесѣды.

— Общество московскихъ старообрядцевъ-бѣглопоповцевъ за послѣднее время стало замѣтно падать и само чувствуетъ свою слабость. Благодаря миссіи православной церкви и разъясненіямъ печати, нѣкоторые изъ бѣглопоповцевъ только для виду соблюдаютъ преданія предковъ-старообрядцевъ. По отзыву одного бѣглопоповца, даже самые попечители московскаго бѣглопоповскаго общества, представители древняго благочестія, ни болѣе ни менѣе, какъ эксплуататоры при духовномъ кормилѣ; ибо они жаждутъ не душевнаго спасенія, а власти и корыстолюбія. («Церк. Вѣстн.»).

— Въ «Цер. Вѣстн.» помѣщена слѣдующая интересная замѣтка о сооруженіи иконостасовъ. Въ новостроющихся храмахъ, особенно сельскихъ, часто строитель-священникъ затрудненъ въ средствахъ для сооруженія иконостаса и потому каменная церковь, уже готовая снаружи и внутри, стоитъ праздною часто нѣсколько лѣтъ, такъ какъ нѣтъ возможности набрать необходимыя три, иногда пять тысячъ, чтобы дополнить готовый храмъ необходимымъ иконостасомъ. При счастливыхъ условіяхъ эта сумма набирается, но и тутъ не такъ просто дѣло, какъ кажется: священникъ долженъ ѣздить въ городъ, найти подрядчика, часто несправнаго, дѣлу опять грозитъ остановка; наконецъ, иконостасъ привозится въ село и поражаетъ отсутствіемъ вкуса даже лицъ мало свѣдущихъ въ искусствѣ: тутъ и колонны съ коринѣскимъ капителями, и готическія стрѣлы, и неприличное рококо, и все это плохо по-

золочено и стоитъ немовѣрныхъ денегъ. О живописи украшающихъ иконостасы иконъ можно только сказать, что слѣдовало бы установить въ губернскихъ городахъ—или мастерскіе исключительно для писанія образовъ, или цензуру для отираваемыхъ въ деревни иконъ,—такъ они плохи, не благообразны и отдалены отъ греческаго завѣта иконописанія.

Но вопросъ объ описаніи пришелся только къ слову, суть же замѣтън въ томъ, что возможно при малыхъ сравнительно средствахъ соорудить иконостасы, давая притомъ строителямъ возможность наблюдать ежедневно за успѣшностію работы. Естественно, что при общей массѣ каменной постройки, одна лишняя стѣна составитъ разницу только на нѣсколько десятковъ рублей. И вотъ вамъ возможность недорогого иконостаса—изъ кирпича. Помимо того, что деревянный иконостасъ можетъ легко сгорѣть отъ забытой или унавшей свѣчки, внутренность алтаря значительно выигрываетъ; часто мы видимъ, что западная стѣна святыхъ святыхъ представляетъ дурно сплоченую досчатую перегородку,—сообразно ли это съ величіемъ мѣста? Епархіальный архитекторъ всегда можетъ начертить рисунокъ изящнаго иконостаса изъ кирпича, покрывъ же его штукатуркой, можно по времени отдѣлать и лѣпной работой. Въ Москвѣ изготовляются теперь металлическіе царскія врата.

Предполагаемая мысль не нова; она осуществлена нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ въ московскомъ храмѣ Василія Блаженнаго, гдѣ въ верхнемъ этажѣ всѣ иконостасы изъ кирпича. Но чтобы дѣло пошло успѣшно, нужно предоставить священникамъ-строителямъ какъ мысль, такъ и увѣренность въ томъ, что новый способъ сооруженія иконостасовъ не вызоветъ недоразумѣній.

— 15 августа, въ день празднованія Успенія Пресвятыя Богородицы, въ Курскѣ совершилось небывалое церковное торжество, а именно «присоединеніе къ православію всѣхъ курскихъ еднотѣрцевъ». Въ прошломъ году среди еднотѣрцевъ возникла мысль о присоединеніи къ православію безусловно. Чудесное спасеніе Ихъ Величествъ съ Августѣйшимъ Семействомъ, при желѣзнодорожной катастрофѣ 17 октября, рѣшительнымъ образомъ повліяло на еднотѣрцевъ и они въ ознаменованіе милости Божіей, явленной надъ Монархомъ, положили «всѣ безъ исключенія» искренне и навсегда возвратиться, безо всякихъ компромиссовъ, въ нѣдра православной церкви.

Въ этой благой мысли еднотѣрцевъ укрѣплятъ и утверждаютъ

мѣстный единовѣрческій священникъ отецъ Василій Зеленикъ, извѣстный въ Курскѣ по своей духовнопросвѣтительной дѣятельности, бывшій благочиннымъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей въ Курской губерніи и участвовавшій на съѣздѣ миссіонеровъ въ Москвѣ для обращенія раскольниковъ въ православіе.

Наконецъ, 2 іюля настоящаго года прихожане единовѣрческой церкви составили общественный приговоръ, въ которомъ изъявили желаніе единогласно «оставить единовѣріе и присоединиться къ православію, чтобы выразить истинное вѣропопданническое чувство радости по случаю избавленія отъ опасности Государя Императора съ Августѣйшимъ Семействомъ при крушеніи желѣзнодорожнаго поѣзда, и чтобы навсегда запечатлѣть эти чувства радости».

На мѣстныхъ курскихъ старообрядцевъ описанное событіе произвело сильное впечатлѣніе.

— «Новое Обозрѣніе» сообщаетъ о крупной археологической находкѣ, сдѣланной недавно въ сел. Ванц, Кутаисской губерніи. Произведенныя въ этой мѣстности раскопки обнаружили на глубинѣ полутора аршинъ каменную довольно большаго размѣра постройку, окруженную каменною же оградой; само зданіе въ нѣсколько сажень длины, въ ширину—меньше, крыша куполообразная, также каменной кладки, въ одномъ мѣстѣ замѣтно присутствіе дверей, вышиной болѣе сажени. Кладка оказалась настолько крѣпкою, что съ большимъ трудомъ удавалось кирками и ломомъ отѣлывать маленькіе кусочки отъ стѣнъ. Найдены еще, кромѣ этой постройки, граненныя каменныя плиты въ аршинъ и болѣе длины, и ширины, два огромныхъ размѣровъ глиняные кувшина съ ручками, наполненные черными гнилыми зернами, два мраморные выдолбленныхъ камня и много разныхъ обломковъ глиняной посуды, весьма искусно сработанной. Полагаютъ, что здѣсь была стоянка древнихъ Грековъ еще до-христіанской эры, что подтверждается найденными здѣсь двумя монетами — одной золотой, а другой серебряной. Серебряная монета, величиною съ русскій рубль, вѣсомъ четыре золотника; одна сторона ея выпукла, и на ней весьма красиво и искусно выгравирована женская головка съ распущенными волосами, лобъ и уши которой окаймлены лентой. На другой сторонѣ монеты кругомъ греческая надпись, по срединѣ которой награвировано животное, похожее на лошадь; съ одной стороны животнаго луна, а въ ней звѣзды. Золотая монета плоская, величиною съ грузинскій двухабазникъ, и почти съ такимъ же

изображеніями вакъ и на серебряной. По словамъ г. Стоянова (директора кутайской классической гимназіи, члена Московскаго археологическаго общества), монеты эти чеканены около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Знатокъ держатся того мнѣнія, что на мѣстѣ находокъ, еще въ эпоху до Р. Х., жили Греки, и здѣсь устроенъ былъ, вѣроятно, серебро-плавильный заводъ и монетный дворъ.

— Святѣйшій синодъ утвердилъ ходатайство преосвященнаго Мартиніана, епископа Таврическаго и Симферопольскаго, внесшаго въ святѣйшій синодъ представленіе объ учрежденіи особаго знака «Креста купели св. равноапостольнаго князя Владиміра»; этимъ знакомъ будутъ награждены миссіонеры и жертвователи-ревнители миссіонерскаго дѣла.

— Спросъ на старинныя иконы среди раскольниковъ очень большой и торговля такими иконами, точно также какъ и старинными книгами, производится въ обширныхъ размѣрахъ. Но откуда берется товаръ? Кажется, онъ давно бы долженъ оскудѣть, а, между тѣмъ, не только не оскудѣваетъ, но, повидимому, съ каждымъ годомъ все болѣе возрастаетъ. Это явленіе очень просто объясняется тѣмъ, что здѣсь происходитъ самая беззастѣнчивая фальсификація, такъ называемыя «старинныя» книги и иконы поддѣлываются. О способѣ поддѣлки иконъ любопытныя свѣдѣнія сообщаютъ «Нижегор. Губ. Вѣд.». По словамъ газеты, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ ближайшихъ къ нему приволжскихъ городахъ передъ большими праздниками замѣчается необыкновенный наплывъ людей, предлагающихъ свои услуги по части исправленія живописи на иконахъ. Люди эти райономъ своей дѣятельности избираютъ, обыкновенно, улицы, населенныя зажиточнымъ мѣщанствомъ, купечествомъ средней руки и старообрядцами. Личности эти всегда одѣты прилично, по мѣщански, при входѣ въ комнату—крестятся двухперстнымъ крестомъ; рѣчь у нихъ тихая, вкрадчивая; вообще—держатъ они себя скромно и тихо. Эта-то приличность, надо полагать, и заставляетъ православныхъ довѣрять имъ свои иконы, хотя нерѣдко бывають случаи, что заказчикъ не получаетъ обратно своего заказа. Когда же въ ихъ руки попадаетъ старинная икона, то заказчикъ навѣрно рискуетъ вовсе не получить своей иконы, или получить лишь точную съ нея копію, если онъ позаботился обезпечить себя залогомъ.

Личности эти называются — «хозяевами»; посылаются они отъ иконописныхъ мастерскихъ, отъ каждой мастерской такихъ «хозя-

лыхъ» бываетъ предъ праздниками человѣкъ пять, иногда и болѣе; въ обыкновенное же время по одному, не болѣе... Каждый «хожалый» получаетъ отъ 8 до 10 руб. въ мѣсяцъ, на хозяйскомъ содержаніи.

Прежде эти хожалые, преимущественно, были уроженцы владимірской губерніи, въ настоящее же время берутся и изъ мѣстныхъ жителей. Въ каждой мастерской, кромѣ рабочихъ-хожалыхъ, имѣются мастера, занимающіеся писаніемъ иконъ. Эти мастера получаютъ отъ 10 до 12 рублей въ мѣсяцъ, тоже на хозяйскомъ содержаніи. Изъ нихъ есть нѣкоторые, получающіе болѣе 60 рублей въ мѣсяцъ, но таковые являются какъ исключеніе. Предъ праздниками мастера берутся временно за вознагражденіе по 10 копѣекъ съ рубля, получаемого хозяиномъ за заказъ, или по 2 р. 50 к. въ недѣлю, на хозяйскомъ содержаніи.

Кустаря-иконописцы практикуютъ слѣдующій приемъ поддѣлки старинныхъ иконъ. Прежде всего дѣлается точный снимокъ со старинной иконы на полотно; когда краски просохнутъ, то это полотно сгибается такимъ образомъ, чтобы образовались небольшія трещины, затѣмъ трещины эти смазываются бѣлкомъ, смѣшаннымъ съ сажей; все полотно легко прокалчивается, для приданія ему того цвѣта, какой свойственъ стариннымъ иконамъ. Приготовленное такимъ образомъ полотно—тщательно наклеивается на иконную доску. Только опытный глазъ въ состояніи отличить наклеенное полотно отъ грунтовки, которою обыкновенно покрывается доска прежде написанія иконы.

Многіе, чтобы избѣжать подмѣны, отдавая кустарямъ старинныя иконы для какихъ-либо поправокъ, прикладываютъ на задней ихъ сторонѣ печать и дѣлаютъ подпись. Все это напрасный трудъ: печать и подпись могутъ быть сняты, спилены тонкой филойкой и наклеены на поддѣльную икону такъ тщательно, что наклейку эту трудно даже отличить.

— Изъ Бродъ пишутъ въ газету «Червонная Русь». Въ настоящее время гоститъ въ нашей окрестности католическій епископъ Пузына, пріѣхавшій для осмотра латинскихъ приходоу, съ нимъ ѣздитъ также многочисленное латинское духовенство, помогающее ксендзу-епископу при богослуженіяхъ. Во время каждаго изъ такихъ богослуженій ксендзъ-епископъ произноситъ поученія; темой же его рѣчи въ Бродахъ была Почаевская Лавра, не пользующаяся, конечно, благоволеніемъ іерарха латинской церкви. «Не спѣшите,—говорилъ, между прочимъ, епископъ,—въ Почаевъ, въ пре-

дѣлы схизмы, гдѣ нѣтъ Бога, нѣтъ Божіей Матери, нѣтъ вѣры. Когда-то былъ Почаевъ во славу Богоматери основанъ, но она бѣжала оттуда давно. Не тамъ, а здѣсь, въ этомъ католическомъ костелѣ, на рубежахъ католицизма, вы можете пріобрѣсти спасеніе; всякій же кто спѣшитъ въ Почаевъ, навлечетъ на себя проклятіе. Берегитесь Почаева!»!

— Газета «Червонная Русь» сообщаетъ, что недавно нѣсколько Галичанъ отправились помолиться въ русскую Почаевскую лавру. Австрійскія власти перепугались такого появленія «панславизма», и злополучныхъ богомольцевъ, по возвращеніи ихъ въ Галицію немедленно арестовали и приговорили къ значительному штрафу. Они подали жалобу высшему начальству, но высшее начальство утвердило незаконіе низшаго. Когда оказалось, что съ бѣдныхъ крестьянъ штрафа нельзя взять, ибо у нихъ ничего нѣтъ, то начальство велѣло описать ихъ имущество и продать съ публичнаго торга, оставивъ несчастныхъ безъ крова.

— Опубликованъ Высочайшій указъ объ утвержденіи: 1) положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ; 2) правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено означенное положеніе; 3) правилъ о волостномъ судѣ въ тѣхъ же мѣстностяхъ; 4) росписанія должностей губернскихъ присутствій, уѣздныхъ съѣздовъ, земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ членовъ, окружнаго суда и городскихъ судей, и 5) правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Дѣйствіе сихъ положеній распространяется на губерніи: Астраханскую, Бессарабскую, Владимірскую, Воронежскую, Вятскую, Екатеринославскую, Казанскую, Калужскую, Костромскую, Курскую, Московскую, Нижегородскую, Новгородскую, Олонецкую, Оренбургскую, Орловскую, Пензенскую, Пермскую, Полтавскую, Псковскую, Рязанскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Смоленскую, С.-Петербургскую, Таврическую, Тамбовскую, Тверскую, Тульскую, Уфимскую, Харьковскую, Херсонскую, Черниговскую и Ярославскую, а также на уѣзды: Вельскій, Вологодскій, Грязовецкій, Кадниковскій и Тотемскій Вологодской губерніи, съ соблюденіемъ той постепенности, которая будетъ опредѣлена взаимнымъ соглашеніемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ. Министру юстиціи предоставляется обсудить, не возможно ли сохранить въ большихъ губернскихъ городахъ мировыя судебныя установленія.

— Трудящемуся населенію, желающему внести свои маленькія сбе-

реженія въ надежное учрежденіе, вновь явилось на помощь правительство. По опубликованнымъ нынѣ временнымъ правиламъ о почтово-телеграфныхъ сберегательныхъ кассахъ, на учрежденія почто-вотелеграфнаго вѣдомства возлагается производство операций сберегательныхъ кассъ государственнаго банка, гдѣ это будетъ признано возможнымъ начальникомъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, по соглашенію съ управляющимъ государственнымъ банкомъ. Эти правила сразу увеличиваютъ въ нѣсколько разъ количество существующихъ теперь кассъ для пріема мелкихъ сбереженій (начиная отъ 25 к.) и дѣлаютъ существованіе сберегательныхъ учрежденій болѣе публичнымъ, болѣе доступнымъ населенію, которому въ большей степени приходится соприкасаться съ почтой, чѣмъ съ самостоятельной или находящейся при банкѣ кассой. Новыя правила, несомнѣнно, должны послужить побужденіемъ къ развитію предусмотрительности и бережливости въ тѣхъ частяхъ нашего населенія, которыя могутъ откладывать небольшія деньги. Они обставляютъ сохранность сбереженій государственной гарантіей.

— Состоящая подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора В. К. Плеве, коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ постановленій объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской, окончила свои занятія, выработавъ проектъ измѣненій въ нынѣшнемъ административномъ устройствѣ вышеупомянутыхъ окраинъ. Проектъ этотъ уже внесенъ въ государственный совѣтъ и въ концѣ нынѣшняго года будетъ, какъ сообщаютъ «Новости», рассмотрѣнъ въ законодательномъ порядкѣ. Согласно выработаннымъ даннымъ, Тургайская область упраздняется, а вмѣстѣ ея образуется новая степная область—Казалинская. Уѣзды Илецкій и Николаевскій, Тургайской области, присоединятся къ Оренбургской губерніи, а изъ уѣздовъ Иргизскаго и Тургайскаго, вмѣстѣ съ Казалинскимъ и Перовскимъ, входившими прежде въ составъ Сыр-Дарьинской области, образуется новая область—Казалинская, которая будетъ состоять въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. До настоящаго времени этотъ обширный край былъ почти въ исключительномъ пользованіи кочевыхъ киргизовъ, которыхъ не удалось еще приучить къ осѣдлой жизни. Поэтому, первою задачей будущей Казалинской области будетъ усиленіе въ ней русскаго элемента, путемъ привлеченія переселенцевъ.

— Въ нынѣшнемъ 1889 году городъ Меленки посѣтила чудо-

творная икона Боголюбивой Божіей Матери. Велика была радость для Православныхъ гражданъ; каждому истинно-вѣрующему сердцу дорога сія историческая святыня.

Еще на пути въ городъ не разъ останавливали въ селеніяхъ «Царицу Небесную» усердные крестьяне-земледѣльцы; одинъ за другимъ несли они въ честь Богоматери свои трудовыя ленты, и во время молебныхъ пѣній горячо молились предъ пречистымъ Ея образомъ, чтобы Она предстательствовала за нихъ Сыну Своему, Христу Богу нашему, и отвратила отъ нихъ на наступающее лѣто праведное, за грѣхи, прещеніе Божіе, выразившееся прошлымъ годомъ въ появленіи истребительнаго червя на поляхъ. Наступилъ уже вечеръ 17 апрѣля, когда несшіе и сопровождавшіе св. икону вышли изъ послѣдняго селенія Меленковскаго прихода и направились къ городу. На соборной колокольнѣ послышался медленный, въ большой колоколъ, благовѣстъ, пзвѣщавшій горожанъ о приближеніи къ нимъ чудотворной иконы, а минутъ 20 спустя открылся для встрѣчи ея крестный ходъ изъ собора. Немного народа сначала участвовало въ ходу; но, по мѣрѣ удаленія крестнаго хода отъ собора, количество усердствующихъ все увеличивалось, процессія дѣлалась торжественнѣе и встрѣча святыни казалась задушевиѣе. И богатый и бѣдный, сильный и слабый, старый и малый, — всѣ будто слились въ одно неразрывное цѣлое, забыли на время и сословныя отличія, и служебные ранги, и разность въ имущественномъ положеніи, — всѣ объединились въ христіанскихъ чувствахъ благоговѣйнаго восторга и трепетной радости предъ Владычицей міра, Которая въ своемъ чудотворномъ образѣ вступала въ самый городъ. Однимъ только молоканамъ, этимъ яримъ врагамъ Православія, была неприятна такая единодушная встрѣча святыни, — и дерзкіе изъ нихъ не замедлили употребить съ своей стороны надежное, по ихъ мнѣнію, средство къ ослабленію религіознаго энтузіазма въ Православныхъ. «Куда и за чѣмъ вы бѣжите?» говорилъ Православнымъ, между другими молоканами, и мѣщанинъ Михаилъ Николаевъ Кривцовъ, 5—6 лѣтъ тому назадъ уклонившійся изъ Православія въ молоканство: «мало васъ свои-то (духовныя лица) обираютъ, такъ вотъ еще несутъ оборщницу къ вамъ! То ли дѣло у насъ: насъ никто не обираетъ, мы поумнѣе васъ, и доскамъ не кланяемся...»

«Полно, другъ, кощунствовать», увѣщевалъ его въ свою очередь Православный: «смотри, какъ бы не наказалъ тебя Господь и Царица небесная!»

«Стоптъ бояться, выдумать еще что!» съ наглостію возражалъ молоканинъ. Но едва онъ успѣлъ договорить, какъ на самомъ дѣлѣ настигла его небесная кара. «Точно какал невидимая стрѣла всего пронзила меня сверху и до ногъ», рассказывалъ потомъ самъ хули- тель святой и чудотворной иконы: «изъ здороваго и смѣлаго я сразу тогда сдѣлался до крайности слабымъ и робкимъ, слегъ въ постель и зачахъ». Такъ сбылось надъ грѣшникомъ, еще при жизни его, слово Божіе, изреченное устами царственного пророка: обличу тя, и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя (Пс. 49, 21): вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлешъ завѣтъ Мой усты твоими; ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отвергъ еси словеса Моя вспять (Пс. 49, 16—17). И «молоканинъ» дѣйствительно понялъ это; онъ собственнымъ опытомъ дошелъ до убѣжденія, что человѣческая жизнь находится въ рукахъ Божіихъ, что на всякомъ мѣстѣ очи Господни смотряють злыя же и благія (Прит. 15, 3), и что Господь не только долготерпѣливъ и много- милостивъ (Пс. 102, 8), но Онъ есть и Судитель праведенъ и крѣ- покъ (Пс. 7, 12). Эти и подобныя имъ мысли не оставляли его ни днемъ, ни ночью; онъ сталъ припоминать на одрѣ болѣзни преж- ніе случаи своего кощунства надъ уставами Православной цер- кви, надъ храмомъ Божіимъ и святыми иконами, надъ священ- нослужителями и ихъ требосправленіями и т. д., съ цѣлію со- вращения Православныхъ. А съ раскрытіемъ сознанія въ боль- номъ пробуждалась и подавленная совѣсть, ея упреки становились для него мучительнѣе; къ тому же съ каждымъ днемъ онъ силь- нѣе чувствовалъ и общій упадокъ силъ. И вотъ, подъ вліяніемъ физической и нравственной боли, въ душѣ Кривцова произошелъ благой переворотъ: онъ рѣшился снова перейти отъ тьмы заблуж- деній къ свѣту истины, отъ буйнаго вольномыслія къ плѣненію своего разума въ послушаніе Христово (2 Кор. 10, 5), отъ ски- танія по пагубнымъ распутіямъ сектантства подъ животворно-бла- годатную сѣнь святой церкви. Не задолго до смерти онъ самъ, безъ всякихъ стороннихъ воздѣйствій на него, выразилъ желаніе, чтобы къ нему пригласили священника для христіанскаго напут- ствованія его въ далекій загробный путь, а по смерти совершили надъ нимъ отпѣваніе въ Меленковскомъ храмѣ Покрова Пресвя- тая Богородицы, святую икону которой онъ такъ дерзновенно по- хулилъ, и похоронили бы его по обряду Православной церкви. Желаніе Кривцова относительно воссоединенія его съ церковію было тотчасъ же исполнено приходскимъ священникомъ В. Став-

ровскимъ, а 13 іюня сего года тѣмъ же священникомъ совершено и погребеніе новообращеннаго, который померъ 46-ти лѣтъ отъ роду.
(«Владим. Еп. В.»).

— Всѣмъ лицамъ церковнаго причта и въ особенности священникамъ весьма часто приходится, при исполненіи духовныхъ требъ, имѣть дѣло съ больными, одержимыми заразными болѣзнями, или умершими отъ нихъ.— Не говоря уже о возможности при этомъ зараженія лицъ, исполняющихъ духовную потребу, слѣдуетъ имѣть въ виду, что болѣзненные заразы при извѣстныхъ условіяхъ легко могутъ передаваться здоровымъ людямъ посредствомъ переноса заразнаго начала черезъ платье лицъ, посѣщавшихъ больного или черезъ предметы, бывшіе съ ними въ соприкосновеніи. Такимъ образомъ, оспа, дифтеритъ, скарлатина, тифы и другія болѣзни легко переходятъ изъ неблагополучныхъ семействъ на здоровыя семьи. Члены семействъ церковнаго причта, въ особенности дѣти, первые подвергаются этой опасности, чему бывали нерѣдкіе примѣры.

Конечно, въ виду такой опасности, церковному причту, при появленіи заразныхъ болѣзней въ семействахъ прихожанъ, слѣдуетъ принимать извѣстныя мѣры предосторожности, рекомендуемыя врачами, и, оберегая себя, умѣть въ тоже время указать населенію на характеръ появившейся болѣзни и предостеречь отъ распространенія ея путемъ переноса заразы отъ больныхъ къ здоровымъ. Пока пріѣдетъ врачъ и опредѣлитъ болѣзнь съ точностію, священникъ въ самомъ началѣ появленія болѣзни могъ бы указать населенію на заразность ея и положить начало борьбы съ эпидеміей. Для этого необходимо причту ознакомиться съ признаками болѣе важныхъ заразныхъ болѣзней, которыя весьма часто въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества принимаютъ характеръ эпидемій и ежегодно уносятъ десятки тысячъ жертвъ.

Съ этою цѣлью мы помѣщаемъ нижеслѣдующее краткое изложеніе начальныхъ признаковъ и теченія этихъ болѣзней.

Заразныя болѣзни, обыкновенно поражающія одновременно или послѣдовательно многихъ людей и называемыя, поэтому, народными, повальными, характеризуются тѣмъ, что онѣ происходятъ вслѣдствіе воспріянія организмомъ болѣзнетворнаго яда, поступающаго извнѣ. Каждая изъ этихъ болѣзней имѣетъ свой специфическій ядъ, способный вызывать всегда опредѣленную форму заболѣванія.

Большинство заразныхъ болѣзней начинается и протекаетъ при возвышенной температурѣ тѣла, а острыя сыпныя болѣзни, занимающія по частотѣ и по тяжести первое мѣсто между заразными

болѣзнями, въ особенности дѣтскаго возраста, почти всѣ сопровождаютъ болѣе или менѣе значительнымъ жаромъ.

Болѣзненный жаръ, въ домашнемъ быту, помимо термометра, можетъ быть опредѣляемъ просто приложеніемъ руки къ кожѣ больного, въ особенности груди, въ подмышкахъ, а также къ лицу или ко лбу. Другія болѣзненные явленія, сопутствующія жару, хотя иногда и ускользаютъ отъ вниманія, но въ большинствѣ случаевъ могутъ быть обнаруживаемы и людьми не посвященными въ медицину. Одновременно съ жаромъ могутъ быть наблюдаемы: ознобъ, усиленная жажда, отсутствіе аппетита, бѣловатый языкъ, краснота лица, усталость, головная боль и утомленіе отъ всякихъ занятій. Всѣ эти признаки или же только нѣкоторые изъ нихъ, сгруппированные различнымъ образомъ и достигшіе различныхъ степеней, указываютъ на существованіе болѣзненнаго состоянія.

Мѣры предосторожности, при всемъ бесспорномъ предохранительномъ ихъ значеніи, достигаютъ своей цѣли только тогда, когда онѣ приняты своевременно; при этомъ нужно помнить, что никогда не слѣдуетъ дѣлать заключенія о степени опасности и тяжести заразной болѣзни по характеру перваго случая ея появленія: самое легкое заболѣваніе подобною болѣзнію можетъ вызвать у другихъ самое тяжелое.

Къ числу главнѣйшихъ заразныхъ болѣзней относятся: оспа, дифтеритъ, скарлатина, корь, коклюшъ, крупъ, тифы—сыпной, брюшной, возвратный,—кровоавый повально-заразный поносъ.

Оспа. Начало оспы выражается сильнымъ жаромъ, нерѣдко рвотою и болью въ поясницѣ. Больной сонливъ и бредитъ. На третій день такого тяжелаго состоянія жаръ ослабѣваетъ и въ то же время появляется сыпь, сначала на лицѣ, а затѣмъ и на остальномъ тѣлѣ, въ видѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ красныхъ, едва возвышенныхъ пятенъ, круглой формы, которыя въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзни увеличиваются и превращаются въ гнойные прыщи съ ямочками по срединѣ. Обыкновенно въ 3—4 дня сыпью покрывается все тѣло; иногда, впрочемъ, высыпаніе продолжается нѣсколько дней болѣе. Въ слѣдующіе затѣмъ 4 или 6 дней пузырьки превращаются въ гнойники; при легкихъ случаяхъ температура въ этомъ періодѣ почти нормальна, при значительномъ же нагноеніи бываетъ гнойная лихорадка. Въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзни содержимое гнойниковъ высыхаетъ, и образовавшійся сухой струпъ отваливается, оставивъ послѣ себя темносинсе пятно или рубецъ.

Дифтеритъ. Дифтеритъ, поражающій преимущественно дѣтскій

и отроческій возрасты, принадлежить къ страшно заразительнымъ и весьма тяжелымъ болѣзнямъ. Онъ обнаруживается образованіями въ полости зѣва, особенно на миндалевидныхъ желѣзахъ, бѣловатаго или сѣроватаго налета, который распространяется на сосѣднія части, въ особенности на гортань. Начало этой болѣзни чрезвычайно обманчиво. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзнь развивается едва замѣтно. Больной жалуется на незначительную боль въ горлѣ, едва замѣтно легкое лихорадочное состояніе, желѣзы, лежащія подъ нижней челюстью, немного припухаютъ и при давленіи болѣзненны. При изслѣдованіи глотки въ этихъ случаяхъ, зѣвъ представляется болѣе или менѣе краснымъ, миндалевидныя желѣзы припухшими и покрытыми бѣловатыми или блѣдножелтыми точечными или пленчатыми налетами. Такіе случаи могутъ оканчиваться благополучно въ нѣсколько дней или же, при дальнѣйшемъ теченіи, переходятъ въ болѣе тяжелыя формы. Подобный больной, какъ бы легки ни были начальныя явленія, можетъ служить источникомъ зараженія и развитія на другихъ дѣтяхъ самыхъ тяжелыхъ формъ дифтерита. Поэтому, во всѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ жалуется на боль горла или шеи, нужно тщательно осмотрѣть его зѣвъ, придавливая при этомъ корень языка рукояткой ложки, чтобы имѣть возможность въ самомъ началѣ удалить опаснаго больного изъ среды товарищей. Начало болѣе тяжелыхъ формъ дифтерита проявляется обыкновенно и болѣе сильнымъ жаромъ, и болѣе выраженными болѣзненными явленіями въ зѣвѣ. Налеть, покрывающій миндалевидныя желѣзы и сосѣднія съ ними части, представляется иногда въ такихъ случаяхъ даже грязно-сѣрымъ. Ребенокъ глотаешь съ трудомъ и жалуется на невыносимую боль въ горлѣ. Подчелюстныя желѣзы распухаютъ сильнѣе. Развившіяся въ зѣвѣ дифтеритическія перепонки нерѣдко распространяются внизъ на гортань и дальше, по воздухоноснымъ путямъ, и тогда наступаютъ явленія задушенія.

Скарлатина. Обыкновенно, ея начало проявляется ознобомъ, сильнымъ жаромъ, болью въ горлѣ и рвотою. Иногда началу болѣзни предшествуетъ недомоганіе, но большею частію эта болѣзнь начинается внезапно и неожиданно, у совершенно здороваго передъ тѣмъ ребенка. Черезъ 12 часовъ или однѣ сутки, рѣже позднѣе, отъ начала болѣзни, появляется сыпь первоначально на шеѣ, груди и спинѣ, распространяющаяся въ теченіе слѣдующихъ сутокъ на остальныя части тѣла. Носъ, окружность носа, верхняя губа и подбородокъ обыкновенно блѣдны. Сначала сыпь имѣетъ

видъ обширныхъ красныхъ пятенъ, которыя при разсматриваніи въ увеличительное стекло представляются состоящими изъ безчисленнаго множества красныхъ точекъ. Послѣ слитія пятенъ кожа получаетъ равномерный ярко-красный или малиновый цвѣтъ, какъ красное сукно—существенное отличіе отъ кори. Во время выступленія сыпи жаръ остается въ одинаковой степени даже повышается, боли въ головѣ довольно значительны, жажда очень сильна. Сыпь существуетъ въ продолженіи 3—4 дней, затѣмъ она начинаетъ блѣднѣть, лихорадка исчезаетъ и наступаетъ шелушеніе: оно происходитъ въ видѣ отдѣленія или маленькихъ, какъ отруби, или довольно значительныхъ кусковъ поверхностной кожицы, что и продолжается 1 или 2 недѣли.

Ни одна болѣзнь не представляетъ такого разнообразія въ признакахъ, какъ скарлатина. Она можетъ протекать то чрезвычайно легко, то слишкомъ тяжело, а въ иныхъ случаяхъ узнается лишь въ послѣдствіи, когда появляется шелушеніе кожицы, въ особенности на рукахъ и ногахъ.

Корь. Начало кори выражается недомоганіемъ, лихорадочнымъ состояніемъ, слезотеченіемъ, краснотой глазъ и ихъ сильной чувствительностію къ свѣту, чиханіемъ и сухимъ кашлемъ. Послѣ 3-хъ или 4-хъ дней такого состоянія, появляются на подбородкѣ и лицѣ маленькія, розовыя, неправильной формы пятна, обыкновенно нѣсколько выпуклыя, величиною съ чечевичное зерно, имѣющія въ срединѣ большею частью одинъ или нѣсколько немного выдающихся надъ поверхностію и ясно ощущаемыхъ узелковъ. Эти узелки обнаруживаются тѣмъ яснѣе, чѣмъ интенсивнѣе сыпь. По прошествіи 24—36 часовъ, выступленіе сыпи на всемъ тѣлѣ обыкновенно уже оканчивается; на отдѣльныхъ мѣстахъ тѣла сыпь остается приблизительно 24 часа при существующемъ въ то же время высокомъ жарѣ. Затѣмъ сыпь, при ослабленіи лихорадки, блѣднѣетъ и уже по прошествіи 2—3 дней отдѣльныя пятна желтѣютъ. Въ слѣдующемъ за этимъ періодѣ происходитъ отрубевидное шелушеніе кожицы, особенно замѣтное на шеѣ. Продолжительность болѣзни среднимъ числомъ 3—5 недѣль.

Коклюшъ. Заразность его очень велика. Къ несчастію, его трудно узнать съ самаго начала, такъ какъ онъ начинается простымъ насморкомъ и кашлемъ (охрипlostью). Въ этомъ начальномъ періодѣ онъ обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго катарра дыхательныхъ путей (только кашель появляется отдѣльными приступами, бывающими чаще ночью, чѣмъ днемъ). Въ та-

кой неизвѣстности проходить отъ одной до нѣсколькихъ недѣль, прежде чѣмъ коклюшъ разовьется со всѣми своими характерными симптомами, выражающимися приступами сильнаго кашля, болѣе частыми ночью, чѣмъ днемъ. Въ промежуткахъ между приступами, если нѣтъ никакихъ осложненій, кашель или вовсе нѣтъ, или же онъ не значителенъ.

Приступъ начинается обыкновенно чувствомъ безпокойства, во время котораго ребенокъ борется съ начинающимся кашлемъ. Затѣмъ, кашель вдругъ разражается короткими, непрерывно слѣдующими другъ за другомъ, доводящими почти до задушенія, отдѣльными приступами, при которыхъ на одно вдыханіе приходится до нѣсколькихъ десятковъ прерывистыхъ откашливаній, очень похожихъ на всѣмъ извѣстные приступы кашля, когда человѣкъ поперхнется пищею или питьемъ.

Чаще всего, послѣ кратковременнаго отдыха наступаетъ второй, болѣе слабый и короткий приступъ, послѣ котораго ребенокъ отхаркиваетъ или проглатываетъ болѣе или менѣе значительное количество густой слизи. При этомъ часто появляется и рвота. Отхаркиваніемъ, которое появляется послѣ перваго или только послѣ втораго приступа кашля, заканчивается и самый приступъ, продолжающійся отъ 15 секундъ почти до 1 минуты. Нерѣдко у такихъ больныхъ дѣлаются кровоподтеки на слизистой оболочкѣ вѣкъ (что и служитъ хорошимъ признакомъ для перваго распознаванія).

Коклюшъ часто осложняется тяжелыми и даже смертельными заболѣваніями, особенно у маленькихъ дѣтей.

Среднимъ числомъ болѣзнь эта продолжается 2—3 мѣсяца.

Крупъ. Болѣзнь эта поражаетъ только дѣтскій возрастъ до 4—5 лѣтъ и случается преимущественно въ сырые весенніе и осенніе мѣсяцы.

Гортанный крупъ наступаетъ или послѣ нѣсколькодневной окрипlosti голоса, или внезапно и всего чаще ночью. Существенныя явленія заключаются въ беззвучномъ сыромъ кашлѣ и въ затруднительномъ, сопровождающемся свистящимъ тономъ, вдыханіи. Чѣмъ болѣе сужена гортань, тѣмъ труднѣе вдыханіе и ребенокъ отчаянно бросается во всѣ стороны, стараясь преодолѣть затрудненіе дыханія. Иногда по утрамъ явленія удушья ослабляются, но въ слѣдующій же вечеръ они почти всегда снова усиливаются. Если вмѣстѣ съ кашлемъ или рвотой извергаются изъ гортани доскутья крупозной перепонки, то ребенокъ можетъ выздоровѣть; въ большинствѣ же случаевъ по истеченіи 2—4 дней наступаетъ смерть отъ задушенія.

Сыпной тифъ. Эта болѣзнь обыкновенно поражаетъ взрослыхъ людей, преимущественно въ среднемъ возрастѣ.

Сыпной тифъ начинается головою болью и ознобомъ, за которымъ слѣдуетъ значительный жаръ. По прошествіи нѣсколькихъ дней (отъ 3 до 5) на груди, животѣ, спинѣ и на внутреннихъ частяхъ верхнихъ и нижнихъ конечностей появляется характерная сыпь въ формѣ розовыхъ пятенъ величиною въ чечевицу, которая и существуетъ въ теченіе 7—15 дней. На 2-й недѣлѣ жаръ и вообще болѣзненное состояніе значительно увеличивается: больной мучается жаждою, лишается аппетита, гложетъ, бредитъ, теряетъ сознаніе и страдаетъ безсонницей; языкъ сухъ и покрытъ бурого цвѣта корой, которая въ тяжелыхъ случаяхъ принимаетъ черный цвѣтъ. По истеченіи 10—15 дней, при благопріятномъ исходѣ болѣзни, наступаетъ переломъ; жаръ понижается, появляется потъ и сонъ, больной приходитъ въ сознаніе и можетъ принимать легкую пищу.

Брюшной тифъ. Началомъ брюшнаго тифа бываетъ ознобъ, продолжающійся отъ $\frac{1}{2}$ до 2 часовъ. За припадкомъ озноба слѣдуетъ жаръ, который въ теченіе первой недѣли постепенно усиливается и достигаетъ высокой степени по вечерамъ; въ нѣкоторыхъ только случаяхъ у дѣтей эта болѣзнь въ самомъ началѣ сопровождается высокимъ жаромъ. Больной теряетъ аппетитъ, имѣетъ утомленный и угнетенный видъ; походка становится шаткою, кожа—сухою и вялою; моча отдѣляется въ незначительномъ количествѣ и дѣлается темною на подобіе коричневаго пива; языкъ очень сохнетъ и покрывается бурымъ налетомъ; обыкновенно бываетъ умѣренный поносъ и вздутіе живота, а въ правой подвздошной впадинѣ, при надавливаніи на нее, слышится урчаніе. На 2-й, а въ тяжелыхъ случаяхъ и на 3-й недѣлѣ всѣ эти явленія значительно усиливаются; больной теряетъ сознаніе, бредитъ и гложетъ. Послѣ 2—3 недѣль жаръ начинаетъ ослабѣвать и по утрамъ его совсѣмъ не бываетъ. Болѣзнь продолжается отъ 4 до 6 недѣль.

Возвратный тифъ. Въ началѣ заболѣванія больной жалуется на усталость, ознобъ, головную боль и боль во всѣхъ членахъ, похожую на ревматическую. Затѣмъ, быстро появляется высокій жаръ; кожа дѣлается горячею, но остается влажною. Въ слѣдующіе дни горячечныя явленія усиливаются: языкъ очень сохнетъ, голова сильно болитъ, но сознаніе теряется только въ рѣдкихъ случаяхъ. По прошествіи 5—8 дней подобнаго состоянія появляется весьма обильный потъ, жаръ исчезаетъ и больной чувствуетъ

себя ослабленнымъ болѣзнію и какъ бы выздоравливающимъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ болѣзнь этимъ оканчивается, но въ большинствѣ — по истеченіи 5—8 дней наступаетъ второй припадокъ, сопровождающійся тѣми же явленіями, какъ и первый и продолжающійся также 5—8 дней. За вторымъ слѣдуютъ третій и четвертый припадки, которые въ большинствѣ случаевъ бывають уже легче, нежели первый.

Крoвавыи повално-заразныи поносъ. Болѣзнь эта поражаетъ всѣ возрасты. Она начинается поносомъ, жаромъ и болью, ощущаемою сначала въ нижней части лѣвой стороны живота, — похожей на колику. Позывы къ испражненію бывають очень часты — до 30 разъ въ сутки, а въ тяжелыхъ случаяхъ число отдѣльныхъ испражнений доходитъ до 60 и даже до 100. Испражнения дѣлаются студенисто-кровоавыми, выходятъ небольшими количествами и сопровождаются натугами. При болѣе значительномъ развитіи болѣзни боль распространяется по всему животу, который становится очень чувствительнымъ при давленіи; жаръ при этомъ усиливается, осунувшееся лицо свидѣтельствуетъ о глубокомъ страданіи; вслѣдствіе одновременнаго страданія кишечныхъ желѣзъ въ испражненіяхъ часто находятъ прозрачныя комья слизи, похожіе на вареное саго. Въ очень тяжелыхъ случаяхъ они почти исключительно состоятъ изъ крови. Чѣмъ сильнѣе жаръ и потеря крови, тѣмъ быстрѣе наступаетъ смерть; часто такой исходъ случается уже въ концѣ первой недѣли. Даже при хорошемъ исходѣ, выздоровленіе длится очень долго.

Болѣзнь эта не должна быть смѣшиваема съ простымъ дѣтскимъ поносомъ, весьма часто случающимся у дѣтей въ лѣтнее время и нерѣдко оканчивающимся смертельнымъ исходомъ. (О признакахъ и теченіи болѣе важныхъ заразныхъ болѣзней. Отдѣльная брош. Спб. 1889).

Настоящей зимой особенно много изъ прихожанъ корреспондента «Д. Еп. Вѣд.», страдало болью горла съ признаками дифтерита. «При напутствованіи св. Тайнами такого рода больныхъ мной, — пишетъ онъ, — были употребляемы слѣдующія мѣры: 1) при начинающемся заболѣваніи въ горлѣ или уже начавшемся, но еще не въ большихъ размѣрахъ, я совѣтовалъ намылить простымъ мыломъ лоскутъ фланели или какой-либо шерстяной матеріи, а всего болѣе, по деревенски, шерстяной чулокъ, намочивъ предварительно его до мокра теплой водой. На намыленную сторону посыпать или горчицей сухой, или же мукой хрѣновой больше и потомъ прикладывать къ больной шеѣ на ночь. Въ такихъ случаяхъ помощи, изъ 20—только

одинъ бывалъ недѣйствителенъ, и то развѣ потому, что уже развилась сильно болѣзнь. 2) У тѣхъ же, у коихъ сильно уже была распухшею шея и затруднительно было глотаніе, я мазалъ шею іодовой настойкой, а полосканіе составлялъ или изъ чайной ложки бертолетовой соли на стаканъ воды, или же чайной ложки квасцовъ на стаканъ крѣпкаго отвара дубовой коры. И это леченіе было очень дѣйствительно.

Цѣль нашей замѣтки—принести несомнѣнную пользу людямъ, вообще потерявшимъ здоровье, а главнымъ образомъ страдающимъ малокровіемъ, блѣдною немочью, хроническимъ воспаленіемъ дыхательныхъ и брюшныхъ органовъ (катарръ горла, зѣва, легкихъ, желудка и кишекъ). Многолѣтняя возня съ многолѣтними недугами груди и желудочно-кишечнаго аппарата не разъ заставляла насъ обращаться къ разнаго рода опытнымъ врачамъ, не приносившимъ намъ, однако, радикальной пользы. Мы весьма далеки отъ обыкновенныхъ неосновательныхъ нападокъ на врачей, но думаемъ, что аптечными средствами весьма трудно и даже едва ли возможно излечивать хроническія болѣзни груди и полости живота самому опытному доктору. Если къ этому прибавить жалкое положеніе нашихъ водяныхъ и кумысныхъ курортовъ, съ которыми мы, по горькому опыту, вообще знакомы, особенно страшную дороговизну и многія другія неудобства, то весьма легко будетъ представить себѣ крайне-горькое и безпомощное положеніе нашихъ малосостоятельныхъ больныхъ духовнаго званія, монашествующихъ и жителей немудреныхъ весей родной земли Донской, которымъ волею неволею приходится считаться только съ аптеками. Какъ же быть? чѣмъ пособить? При вышеуказанныхъ болѣзняхъ прекрасно помогаетъ больнымъ, какъ послѣднее средство, кобылій кумысъ: ослабляя воспалительные процессы, поднимая питаніе и жизнѣдѣтельность организма вообще, онъ тѣмъ самымъ способствуетъ излеченію и коренныхъ мѣстныхъ страданій. Но для леченія кумысомъ нужны средства большія, такъ какъ для этого нужно ѣхать въ Самару, Оренбург. степи, Саратовъ, или еще куда. Положеніе оказалось бы безвыходнымъ, если бы Господь не умудрилъ страждущихъ людей готовить кумысъ изъ молока коровы, при помощи особаго вида «бродила». Такой кумысъ, называемый кефиромъ (кефиръ), съ незапамятныхъ временъ готовится кавказскими горцами, при помощи жпотно-растительныхъ микроорганизмовъ, именуемыхъ грибками. Кефирные грибки, помѣщенные въ молочную среду, производятъ въ молоко характерное броженіе и

въ результатѣ даютъ прекрасный, питательный и цѣлительный напитокъ.

Желающихъ познакомиться съ изложеніемъ научно-медицинскихъ свѣдѣній о кефирѣ мы отсылаемъ къ брошюрѣ доктора Ив. Петр. Соболева: «Кефиръ (Кавказскій кумысъ изъ коровьяго молока). Его составъ, физиологическое и терапевтическое значеніе и способы приготовленія и употребленія»¹⁾. По этому руководству и личному опыту намъ удастся готовить прекрасный кефиръ. Полагаемъ, что также легко будутъ готовить его и другіе, кому только дорога жизнь и здоровье. А значеніе кефира для поддержанія силъ и нерѣдко радикальнаго излеченія грудныхъ и особенно желудочно-кишечныхъ болѣзней громадно, какъ видно изъ вышеозначеннаго сочиненія Соболева²⁾, составленнаго на основаніи богатой литературы о кефирѣ, собранной у отечественныхъ и преимущественно у западно-европейскихъ ученыхъ врачей. Излагаемъ способъ приготовленія кефира: нужно имѣть 5 золотниковъ хорошихъ свѣжихъ грибокъ. Обыкновенно они выписываются въ засушенномъ видѣ изъ лучшихъ аптекъ Москвы (Феррейнь, Келеръ и др.). Грибки опускаются въ стаканъ воды при 24° Р. и держатся такъ часа два-три, пока сильно размокнутъ, увеличатся въ объемѣ и на видѣ будутъ казаться какъ бы губчатыми. Затѣмъ, вода съ нихъ сливается, а грибки промываются въ прохладной водѣ (10—12° Р.), помещаются въ стеклянный сосудъ (четвертная бутылъ) и наливаются молокомъ въ количествѣ 4—5 стакановъ. Молоко должно быть не парное, а простоявшее часовъ 10—12 послѣ доенія (утромъ—вечернее) и совершенно освобожденное отъ сливокъ (жиръ). Сосудъ съ грибками и налитымъ на нихъ молокомъ должно держать въ чистомъ мѣстѣ, въ комнатѣ, при обыкновенной не высокой и не низкой температурѣ комнатнаго воздуха (14—15° Р.) и взбалтывать въ теченіе сутокъ разъ 10—12; а потомъ, когда грибки пріобрѣтутъ энергію броженія, и рѣже. Бутылъ должна быть часа на два завязана не крашеною кисеею, а потомъ закрыта обыкновенною чистою пробкой. По истеченіи сутокъ содержимое бутылки дочиства выливается на чистое, не крашенное, рѣшето (натуральнаго волоса, или металлическое), и грибки промываются прохлад-

¹⁾ Сочиненіе это можно выписать изъ любого книжнаго магазина Москвы за 40 коп.

²⁾ Лечение кефиромъ одобряютъ и наши Донскіе врачи: А. О. Соколовъ, М. Н. Карповъ, Володинъ (этотъ и самъ имъ лечился) и др.

ною водою; при чемъ молоко, вытекшее въ особый сосудъ подъ рѣшетомъ, выбрасывается какъ негодное; а грибки, отлично перемытые и выжатые рукою, снова опускаются въ чисто-вымытую бутылъ и снова также, какъ и прежде, ставятся въ чистомъ мѣстѣ, въ комнатѣ, лѣтомъ же часовъ на шесть въ комнатѣ, а на остальное время въ выходъ, но не на ледъ. Взбалтывать почаще. Послѣ сутокъ это молоко изъ бутылки выливается на рѣшето, при чемъ все молоко должно пройти въ сосудъ подъ рѣшетомъ, а грибки остаться на рѣшетѣ. Это молоко должно разлить въ сельтерскія бутылки на $\frac{3}{4}$ высоты каждой, плотно (герметически) закупорить при помощи особенной машинки (стоитъ 75 коп., или дешевле) размоченными въ кипяткѣ пробками, положить эти бутылочки горизонтально (боккомъ) при обыкновенной комнатной температурѣ, а лѣтомъ на 6 часовъ въ комнатѣ, а на остальную часть сутокъ — въ выходъ. Чаще взбалтывать. Грибки же обычно промыть, выжать, опустить въ бутылъ, налить молокомъ и т. д. Черезъ сутки въ бутылочкахъ и образуется то, что называютъ однодневнымъ кефиромъ, однодневнымъ кумысомъ изъ коровьяго молока. Если бутылочки пролежатъ двое сутокъ, то будетъ двухдневный кумысъ и т. д. Пить слѣдуетъ однодневный кумысъ тѣмъ, у кого катаръ желудка и кишекъ выражается задержаніемъ отправления (запоръ); потомъ можно и двухдневный, а далѣе и трехдневный. Вообще же, многодневный кумысъ пьется при поносахъ. Пить сначала въ сутки слѣдуетъ только бутылочку, не залпомъ, а медленно, глотками; потомъ двѣ, три... до 10 и болѣе въ сутки, въ продолженіе дѣлаго дня, въ промежуткахъ между принятіемъ пищи. Грибки, при нормальномъ уходѣ за ними, быстро растутъ; при этомъ всегда слѣдуетъ столовую ложку оставлять на бутылъ, а лишніе, хорошо вымытые, грибки засушить на чистомъ полотнѣ на солнцѣ, а не въ печи. Грибки эти хранить въ чистой сухой стеклянкѣ, герметически запертой пробкою. Высушить ихъ должно возможно лучше. Цвѣтъ такіе грибки имѣютъ желтый, или коричнево-желтый, съ нѣскольکو своеобразнымъ запахомъ. Содержимое въ бутылки, къ концу 2-хъ сутокъ отъ перваго приготовления кумыса, раздѣляется на двѣ части: молоко и сыворотку. Грибки, при нечистомъ уходѣ за ними, могутъ сами заболѣть; обыкновенно они дѣлаются рыхлыми, дряблыми и слизистыми. Тогда слѣдуетъ промывать ихъ содовою водою (чайная ложка соды на стаканъ воды), или просто растворомъ обыкновенной поваренной соли (въ томъ же количествѣ). Кефиръ прекрасно помогаетъ при всякомъ малосиліи, малокровіи, при плохомъ питаніи,

худосочіи, золотухѣ. Въ болѣзняхъ груди и особенно желудочно-кишечнаго канала онѣ приносятъ громадную пользу. Сообщаемъ фактъ: живущая въ Новочеркасскѣ жена чиновника г. Рыковская, страдала легочной чахоткой; ибо, по освидѣтельствovanіи ея докторомъ А. О. Соколовымъ, въ легкихъ ея были найдены каверны. Объ этомъ было дано докторомъ Соколовымъ письменное свидѣтельство. Нынѣ она совершенно здорова, по милости кефира, какъ признали Новочеркасскіе врачи. Рыковская сама вылечилась и многихъ лечитъ удачно, при совѣтѣ врачей. Кефиръ она готовитъ прекрасно. Думаю, что отъ нея можно выписывать и грибки. Цѣна за золотникъ обыкновенно 20—25 к. Молоко должно быть отъ одной здоровой коровы. Мы желали бы только, чтобы кефиръ нашелъ свое примѣненіе въ нашихъ монастыряхъ, школахъ, среди пастырей и прихожанъ нашихъ, а польза его несомнѣнна. Онѣ имѣетъ за себя не только вѣское слово ученыхъ, но и живые примѣры излечивающихся, или поддерживающихъ жизнь свою для блага своего, семьи и общества. Больнымъ грудью, при кефирѣ, совѣтуютъ втирать въ грудь французскій скипидаръ. При частомъ сильномъ кровохарканіи кефиръ вреденъ, ибо переполняетъ сосуды кровью и усиливаетъ кровоизліяніе. Тутъ слѣдуетъ посоветоваться съ врачомъ. При употребленіи кефира не требуется особенной діеты: ѣсть слѣдуетъ всякую здоровую, питательную, но не жирную пищу; слѣдуетъ пользоваться чистымъ комнатнымъ и атмосфернымъ воздухомъ, вести жизнь правильную, безъ излишествъ и крайностей воздержанія; умѣренный мускульный трудъ, особенно на свѣжемъ воздухѣ, можетъ приносить значительную пользу и больнымъ грудью).
(Д. Е. В.).

Тиражъ 2-го внутренняго займа, произведенный 1-го сентября 1889 г.

Главные выходы нами на следующие №№ билетов:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
10803	6	200000	12865	49	8000	9380	1	1000	14308	5	1000
6114	46	75000	19155	9	8000	4794	16	1000	12135	13	1000
16488	41	40000	17483	15	5000	2340	48	1000	16709	27	1000
4341	42	25000	17003	1	5000	11651	6	1000	5488	25	1000
2026	30	10000	6325	20	5000	16768	13	1000	10974	50	1000
18129	38	10000	19363	6	5000	2219	3	1000	12761	28	1000
11818	37	10000	7749	14	5000	10557	8	1000	7744	9	1000
326	41	8000	16108	27	5000	2617	6	1000	4911	3	1000
13593	20	8000	15464	15	5000	2529	49	1000	1355	33	1000
3013	35	8000	17924	37	5000	16116	29	1000	13702	38	1000

Выигрыши въ пятьсотъ рублей нами на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
3257	1	16456	9	5952	16	15067	23	17658	30	91	38	15069	43
6707	1	19624	9	712	17	15659	23	365	31	352	38	17185	43
10234	1	1850	10	4160	17	17052	23	6474	31	399	38	18277	43
14374	1	11057	10	5774	17	17873	23	10136	31	954	38	8658	44
15433	1	15884	10	11075	17	18151	23	18938	31	3676	38	12284	44
17410	1	335	11	2863	18	447	24	5313	32	5124	38	13890	44
17650	1	2326	11	7115	18	4167	24	9522	32	10072	38	83	45
2980	2	8914	11	10051	18	4292	24	10948	32	10251	38	322	45
6847	2	13239	11	12181	18	7042	24	11334	32	11523	38	732	45
13521	2	2438	12	16438	18	2152	25	14551	32	12226	38	5443	45
6331	3	4513	12	922	19	12529	25	2803	33	19629	38	7798	45
14606	3	5016	12	1573	19	16267	25	6700	33	1559	39	8046	45
15559	3	7968	12	7083	19	16773	25	8811	33	8764	39	9874	45
17460	3	13371	12	12788	19	17901	25	14004	33	330	40	19619	45
17635	3	16340	12	18168	19	674	26	18387	33	545	40	13361	46
3067	4	2544	13	3449	20	2631	26	2006	34	824	40	3213	47
5960	4	5663	13	12364	20	6309	26	2538	34	1940	40	9430	47
9520	4	5948	13	13307	20	17509	26	3421	34	7873	40	15398	47
13733	4	7640	13	13541	20	17914	26	4079	34	13338	40	16013	47
15389	4	9159	13	13626	20	18771	26	12363	34	16511	40	17502	47
155	5	15930	13	14693	20	19926	26	13669	34	365	41	5373	48
7415	5	18711	13	17997	20	20000	26	16541	34	5518	41	1983	49
8422	5	315	14	2732	21	1940	27	17467	34	6429	41	2900	49
7674	6	632	14	10746	21	2219	27	762	35	7136	41	8761	49
16945	6	2929	14	12082	21	3618	27	9216	35	9350	41	8950	49
19247	6	8154	14	14746	21	17436	27	13871	35	11644	41	9509	49
4613	7	12977	14	2312	22	17445	27	4656	36	14067	41	9961	49
7505	7	14248	14	2327	22	2394	28	12154	36	18385	41	10757	49
7891	7	1747	15	3418	22	15347	28	14719	36	19782	41	11580	49
8806	7	6869	15	11457	22	6334	29	17687	36	4788	42	12687	49
768	8	8959	15	11466	22	6972	29	2964	37	8679	42	13246	49
1586	8	8710	15	18094	22	9200	29	7285	37	10841	42	13382	49
7062	8	8847	15	1366	23	14714	29	10371	37	15734	42	15362	49
9850	8	10414	15	7162	23	15025	29	11985	37	16008	42	16200	49
12986	8	12922	15	7747	23	4797	30	13215	37	17833	42	159	50
14843	8	1597	16	11458	23	7010	30	17885	37	6117	43	6104	50
16382	8	5110	16	14759	23	13561	30	18833	37	9762	43	13102	50
1039	9												

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкъ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го декабря 1889 г.

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго 50/0 съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 1-го сентября 1889 года.

Нумера серій: 1393, 1875, 13671, 13597, 1023, 17876, 7869, 8387, 16309, 2852, 10206, 2966, 6433, 12252, 5582, 7018, 10675, 12674, 18953, 4107, 6206, 3854, 5715, 2892, 9438, 7962, 9728, 16223, 13517, 2700, 19337, 12978, 7248, 13575, 16145, 1130, 7668, 11506, 19308, 18054, 15944, 11512, 19307, 17970, 2484, 16328, 18231, 17387, 1278, 871, 1100, 15417, 3608, 13907, 9005, 1418, 13021, 16, 221, 4781, 10696, 18319, 6589, 18889, 8231, 521, 1338, 221, 9523, 17412, 3210, 2380, 13184, 8713, 3620, 7029, 2272, 12297, 6288, 10458, 9893, 12062, 6363, 10113, 16734, 18264, 2888, 3848, 3150, 18699, 1271.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 р. за билетъ будетъ производиться съ 1-го декабря 1889 г. въ Государственномъ Банкъ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

В О З В А Н І Е.

Православные! Братья ваши по вѣрѣ, живущіе на Балтійскомъ поморьѣ, въ городѣ Ревелѣ, шлютъ вамъ съ этой окраины земли русской свой привѣтъ и просятъ у васъ братской помощи. Помогите намъ совершить святое дѣло — постройте въ городѣ Ревелѣ Соборный храмъ во имя Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго.

Вы, православные братья, не знаете той скудости, которою отличаются наши ревельскія церкви. Во всякомъ русскомъ городѣ, и большомъ и маломъ, отведено Храму Божію должное мѣсто; за нѣсколько верстъ можно узнать русскій городъ по многочисленнымъ куполамъ церквей и монастырей, увѣчаннымъ святыми крестами; далеко вокругъ разносится торжественный благовѣсть. Кто же создалъ эти храмы? Одни построены благочестивыми царями и боярами, другіе основаны святыми угодниками, иные — незвѣстными храмосозидателями, и всѣ они стоятъ во славу Божію, радуютъ православное сердце, украшаются, поддерживаются и создаются усердіемъ православнаго народа.

Не то у насъ въ Ревелѣ. Съ моря ли, съ суши ли, откуда ни подѣдете, вы не узнаете русскаго города: стоятъ высокія башни, много островерхихъ красивыхъ колоколенъ, но это все иновѣрческія лютеранскія кѣрхи. Не видать креста православнаго, не слышать звона воскреснаго. Наши церкви тѣсны, бѣдны убранствомъ и такъ построены среди обывательскихъ домовъ, какъ будто существуютъ только изъ милосердія и мѣста для нихъ пожалѣли. Одна изъ этихъ церквей, освященная въ честь Преображенія Господня, называется Соборомъ. Стоитъ это старое и убогое зданіе въ одномъ изъ узкихъ переулковъ города, стѣсненное отовсюду обывательскими домами и съ виду даже непохожее на православный храмъ.

Это зданіе, служившее прежде кѣрхою для шведскаго гарнизона, во время взятія Ревеля русскими войсками было наскоро отведено подъ православный храмъ. И долго послѣ того нашъ Соборъ носилъ на себѣ внѣшній обликъ лютеранской кѣрхи: сверху — крутая черепичная крыша; внутри — мѣсто для органа, скамейки вдоль стѣнъ и могильныя плиты на полу съ нѣмецкими надписями. Хотя съ теченіемъ времени многое было исправлено и прибрано, но иновѣрный отпечатокъ сохранился и по сіе время на нашемъ первенствующемъ здѣсь храмѣ. Средина его занята широкими столпами, заслоняющимъ отъ молящихся богослуженіе; на стѣнахъ нѣтъ иконъ, или изображеній изъ священнаго писанія, какія мож-

но найти въ любой нашей сельской церкви; нѣтъ алтаря по срединѣ, а два алтаря расположены параллельно; нѣтъ входа съ западной стороны, какъ того требуетъ нашъ церковный уставъ, ибо мѣсто это застроено другими зданіями. Неужлюже насаженный на крышу этой нѣмецкой постройки небольшой зеленый куполь и ютящаяся близъ него маленькая колокольня придаютъ нашему Собору и съ наружи, чуждый православному храму, иноземный обликъ.

Отчего-же, спросить насъ, такъ бѣдны наши ревелскія православныя церкви, отчего нѣтъ у насъ въ городѣ подобающаго Собора?

Оттого, что бѣдны мы сами, православные, да не далеко еще ушло то время, когда самая вѣра наша была здѣсь въ угнетеніи и гоненіи.....

Но, начиная дѣло доброе во славу Божию и въ честь Руси Святой, не удручать намъ надлежитъ сердце православныхъ тяжелыми воспоминаніями о минувшихъ страданіяхъ родной нашей церкви, а прославлять Господа за безконечное Ёго къ намъ милосердіе, явленное Имъ чрезъ Своего Помазанника, обратившаго съ высоты Престола Свое Державное вниманіе на положеніе православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ и придавшаго ей рядомъ недавно изданныхъ законовъ подобающее господствующей церкви значеніе.

Возвеличившееся нынѣ, послѣ долгаго утѣшенія, положеніе здѣсь церкви православной, налагаетъ на насъ обязанность озаботиться и о внѣшнемъ устроеніи дома Божія. Надо, чтобы исчезли и внѣшніе слѣды приниженія, надо, чтобы надъ городомъ Ревелемъ, какъ благодатное знаменіе торжества православія и какъ памятникъ доблестнымъ исповѣдникамъ, и съ моря, и съ суши высоко возсіялъ крестъ русскаго Соборнаго Храма.

Мы желали-бы, съ помощью Божіею, поставить Соборъ во имя Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, съ именемъ котораго въ здѣшнемъ краѣ соединяются дорогія для всякаго русскаго воспоминанія подвиговъ русскаго оружія въ борьбѣ съ нѣмецкими рыцарями, за вѣру православную и цѣлость государственную. Мы желали-бы, чтобы этотъ Соборъ на вѣки-вѣковъ служилъ нагляднымъ выраженіемъ благоговѣйнаго воспоминанія о совершившемся 17-го октября 1888 года чудесномъ избавленіи благочестиваго Преемника Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, Отца и Покровителя православныхъ прибалтійскаго поморья, державною волею Котораго здѣшняя окраина вступаетъ нынѣ въ тѣсное единеніе съ великимъ нашимъ отечествомъ.

Государь Императоръ Всемиловѣйше соизволилъ разрѣшить

намъ обратиться къ вамъ, русскіе братья, съ просьбою о братской помощи и мы просимъ васъ, помогите!

Мы знаемъ, что и безъ насъ много просящихъ: много ходитъ по городамъ и селамъ нашего отечества благочестивыхъ сборщиковъ на построеніе храмовъ; ваши жертвы стекаются и къ святымъ пещерамъ Кіевскимъ и къ Лаврѣ святаго угодника Божія Сергія Радонежскаго и къ далекимъ горамъ Аѳона—удѣлите же и намъ на совершеніе святаго русскаго дѣла лепту отъ достатковъ вашихъ.

Пастыри и учителя церкви російской, ежедневно возносящіе молитву къ Богу, «да освятитъ Онъ любящихъ благолѣпіе дома Его», русскіе люди на всѣхъ поприщахъ общественнаго служенія, словомъ и дѣломъ работающіе во имя укрѣпленія идеи нашего народнаго самосознанія, христолюбивое воинство російское, стоящее на стражѣ вѣры православной, Престола и Отечества, люди торговые, выдвинувшіе изъ среды своей въ годину бѣдствій доблестнаго духомъ нижегородскаго гражданина Козьму Минина Сухокурова, православные христіане всей русской земли изъ конца въ конецъ—ко всѣмъ вамъ обращаемся и всѣхъ васъ просимъ, кто сколько и что можетъ *пожертвуйте* на построеніе Соборнаго Храма въ городѣ Ревелѣ во имя Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго.

Отъ имени всѣхъ православныхъ г. Ревеля и Эстляндской губерніи Высочайше учрежденный Комитетъ для повсемѣстнаго въ Россіи сбора пожертвованій и сооруженія Соборнаго Храма въ г. Ревелѣ.

Пожертвованія могутъ быть пересылаемы или непосредственно на имя предсѣдателя комитета Эстляндскаго губернатора, князя Сергія Владиміровича Шаховскаго, или вносятся въ губернскія и уѣздныя казначейства для доставленія по назначенію.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

У ректора Казанской духовной семинаріи АРХИМАНДРИТА НИКАНОРА

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ЕГО НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

- 1) Нравственное Богословіе, цѣна 80 коп.
  - 2) О св. Царѣ Константиѣ и о царской власти. Бесѣда по поводу чудеснаго спасенія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи, цѣна 10 коп.
  - 3) Общедоступное объясненіе соборныхъ посланій св. Апостоловъ, въ 5 выпускахъ, цѣна 70 коп.
  - 4) Бесѣда о постѣ, цѣна 15 коп.
-

Съ 1 Ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

при участіи Московскаго Психологическаго общества.

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. | Изданіе А. А. Абрикосова.

Программа журнала предполагается слѣдующая: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знаній, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, — опытная и физиологическая психологія, психопатологія; 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Обще обзоры литературы поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа специалистовъ по философіи: профес. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, профес. М. И. Владиславлевъ, профес. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ: Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, Иеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Гяларовъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. И. Челановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ дерпт. ун.), Ф. О. Масарнъ, (проф. Прагскаго унив.) и др. лица, — 2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, проф. А. Н. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Грингмутъ, Д. А. Дриль, проф. Н. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. Я. Кожевниковъ, М. С. Корелинъ, д-ръ С. С. Корсаковъ, д-ръ Ш. Ф. Огневъ, Л. Е. Оболенскій, д-ръ А. А. Тобарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Ф. П. Шереметьевскій, Н. И. Шибкинъ, В. И. Штейнъ.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна въ годъ 6 руб., съ доставкою въ Москвѣ; — 6 р. 50 коп. съ пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества и для студентовъ университетовъ — 4 р., съ пересылкою 4 р. 50 к. — Подписка будетъ приниматься съ 1 сентября нын. года въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярова, кв. Николая Як. Грота), въ редакціи журнала «Русская Мысль» и въ магазинахъ «Новаго Времени» (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.